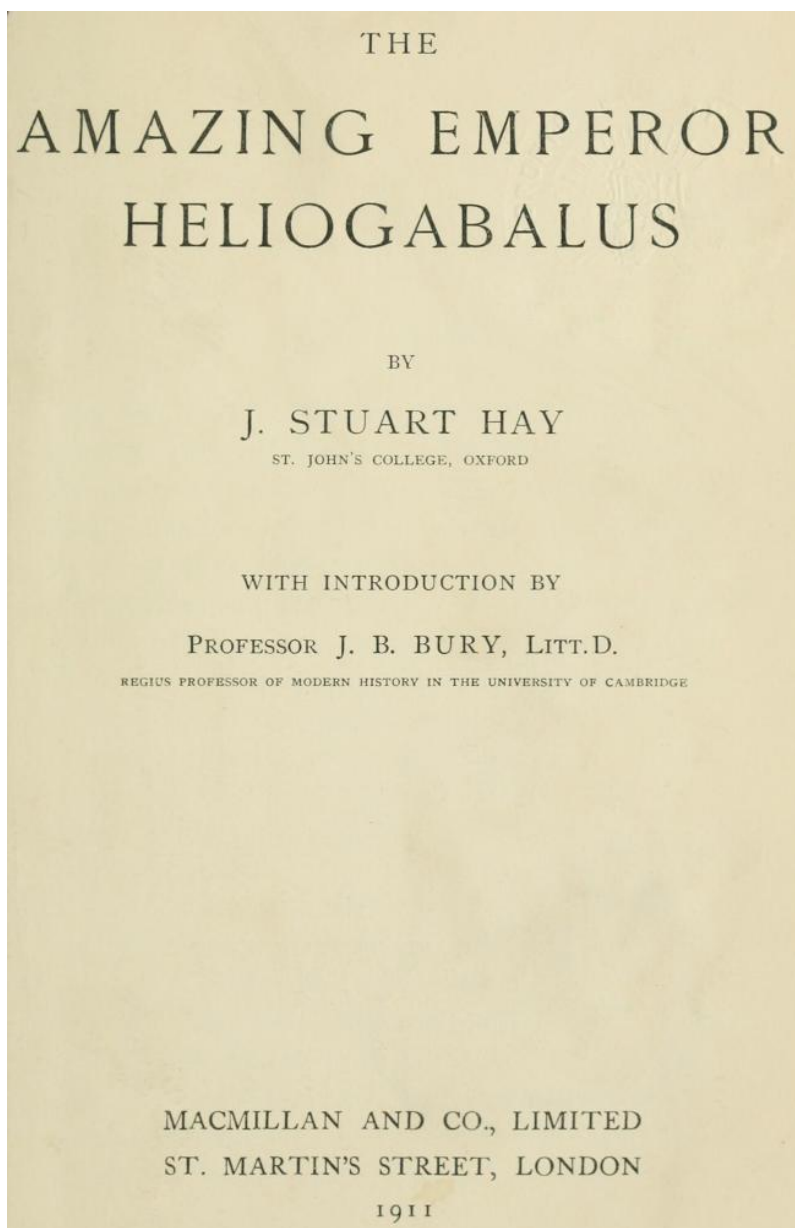


Удивительный император Гелиогабал

Джон Стюарт Хэй



The Project Gutenberg eBook of The Amazing Emperor Heliogabalus.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: The Amazing Emperor Heliogabalus

Автор: Джон Стюарт Хэй

Автор введения и т. д.: Дж. Б. Бэри

Дата выхода: 31 января 2021 года [eBook #64433]

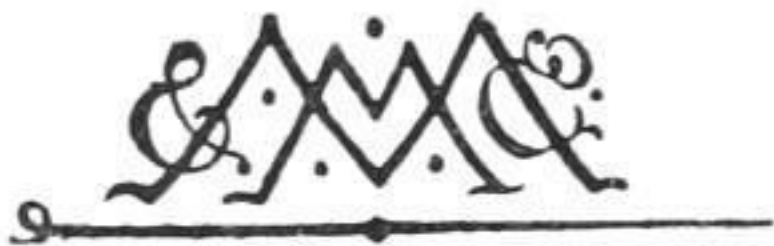
Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: MFR и Online Distributed Proofreading Team на <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE AMAZING EMPEROR HELIOGABALUS ***

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ИМПЕРАТОР ГЕЛИОГАБАЛУС



МАКМИЛЛАН И КО, Лимитед
ЛОНДОН - БОМБЕЙ - КАЛЬКУТТА
МЕЛЬБУРН

КОМПАНИЯ МАКМИЛЛАН
НЬЮ-ЙОРК - БОСТОН - ЧИКАГО
АТЛАНТА - САН-ФРАНСИСКО

МАКМИЛЛАН КО. OF CANADA, Ltd.
ТОРОНТО

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ИМПЕРАТОР ЭЛИОГАБАЛ

ДЖ. СТЮАРТ ХЭЙ
СТ. КОЛЛЕДЖ ДЖОНА, ОКСФОРД

С ПРЕДИСЛОВИЕМ

Профессор Дж. Б. Бьюри, Litt.D.

ПРОФЕССОРА СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

МАКМИЛЛАН И КО, ЛИМИТЕД
ST. MARTIN'S-СТРИТ, ЛОНДОН
1911

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь императора Марка Аврелия Антонина, известного миру под именем Гелиогабала, до сих пор окутана непроницаемой тайной. Мы имеем представление о его правлении как об императорской оргии - сакраментальной, некромантической и непристойной. Мальчик-император, царствовавший с четырнадцатого по восемнадцатый год, изображен среди толпы тиранов, занимавших трон императорского Рима с помощью преторианской армии, как один из самых тиранических, и уж точно как самый развратный.

Мало кто изучал документы, относящиеся к этому конкретному периоду, и еще меньше людей брали на себя труд поинтересоваться, насколько достоверны или согласуются с известными фактами рассказы Скрипторов.

До сих пор не было опубликовано ни одного рассказа о жизни этого императора. Истории упадка и падения императорского Рима существуют в изобилии; другие царствования были подробно изучены; немецкие критики проверили достоверность документов, немногочисленных и все позднего времени, которые относятся к другим царствованиям; до сих пор ничего не было сделано о жизни Элагабала.

Настоящий автор начал это исследование с мнения, что сирийский мальчик-император, по всей вероятности, был таким, каким его изобразили биографы, и что все другие авторы приняли как в значительной степени верный отчет об отсутствии ума, воли, политики и власти, которым он, как предполагалось, предавался, наряду с другими, еще более предосудительными характеристиками.

Первым поводом усомниться в этой оценке послужили постоянно повторяющиеся упоминания о вечной борьбе между императором и его родственницами; борьбе, в которой мальчик всегда одерживал верх над способными и решительными женщинами, отстаивая свою точку зрения с непревзойденным тактом и умением, позволяя при этом женщинам демонстрировать свое достоинство и положение, что нисколько не умаляло ни императорской власти, ни его собственных прерогатив.

Уже одно это обстоятельство едва ли соответствовало рассказу Лампридия о простом юноше-развратнике, у которого не было ни склонности, ни воли ни к чему, кроме низкого желания погрязнуть в пороке и невыразимых ужасах, которые были бы смыслом и смыслом его существования.

При дальнейшем расследовании выяснилось еще одно обстоятельство, а именно то, что у мальчика была обширная религиозная схема или политика, которую он намеревался навязать своим подданным в Риме, да и во всем мире. Эта политика заключалась в объединении церквей в один великий монотеистический идеал.

Религия сама по себе может быть невротичной, но схема Элагабала не была таковой по сути. Разумеется, ход действий, с помощью которого он намеревался осуществить свой идеал, не был похож на действия простого чувственного человека. Он демонстрировал понимание, упорство и твердую решимость; он не был популярен, потому что при всеобщем недоверии прежние божества потеряли даже бессмертие мумий.

Еще одна причина, которая заставляет не согласиться с обычным резюме обсуждаемого персонажа, заключается в том, что, несмотря на (1) ужасные рассказы об императорских оргиях; (2) обвинения в жестокости и некомпетентности правительства; (3) сообщение о том, что все хорошие люди были истреблены в общей жажде уничтожения таких достойных; (4) рассказ о классе и калибре людей, занятых на всех государственных должностях; (несмотря на все это) авторы сообщают нам, что государство не пострадало от последствий правления. Это было очевидно с самого начала, и терминологическая неточность стала еще более очевидной, когда все известные хорошие люди были упомянуты как мирно занимающие должности не только во время правления, но и в правление преемника Элагабала; либо они были воскрешены, либо никогда не были истреблены.

Опять же, рассказ о военной политике - это не то, что может быть делом рук слабака. Фискальная политика, возможно, осталась неизменной, но эдикт, принуждавший выплачивать вектигалии золотом, продемонстрировал значительную долю здравого смысла, требуя уплаты налогов в единственной монете, стандарт которой поддерживался, когда все остальные были обесценены предыдущими императорами, и никто не был хуже, чем великий финансист Септимий Северус, в этом обесценивании валюты.

Нам говорят, что только в юридических вопросах этот период был бесплодным, потому что редакторы "*Просопографии*" зафиксировали только пять декретов этого правления. Возможно, это и так, но вполне возможно, более чем вероятно, что в более поздних редакциях большая часть работы, которую Папиниан, Павел, Ульпиан и другие, созданные в это царствование, была воплощена в более поздних указах или кодификациях, и вряд ли можно представить, что эти люди были совершенно бесплодны в течение четырех лет в зените своей власти.

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что в массе злоупотреблений и явной враждебности, которые демонстрирует "житие", нет ни одного конкретного акта жестокости; не приводится ни одного случая бессудного убийства; не дается ни одного намека на то, что народ был недоволен произведенными назначениями или что он страдал от неправильного управления, которое было столь распространено в течение последних лет. С другой стороны, нам говорят, что народ считал Элагабала достойным императором, несмотря на все, что можно было сказать в его защиту.

В основном именно эта слишком явная враждебность, проявляющаяся на каждой странице документов, побудила писателя изучить мнения немецких и итальянских критиков о степени достоверности, которую можно с уверенностью придать *Scriptores Historiae Augustae*. Приятно удивило, что их оценки *Scriptores* варьировались от тех, кто клеймил весь сборник как наглую и непросвещенную подделку, до тех, кто, подобно Моммзену, утверждал, что, хотя первоначально жития могли иметь некоторую реальную историческую ценность, они были так отредактированы и расширены, что лишились существенного веса исторических

свидетельств, и содержали, как они есть, лишь небольшое количество последовательных и неприукрашенных фактов.

Поскольку авторитеты были настолько согласны между собой, настоящий автор приступил к работе, чтобы отсеять рассказы, которые были явно неестественно предвзятыми, и отделить то, что было просто глупо противоречивым, от того, что было взаимоисключающим.

Этот метод был применен только к первым семнадцати разделам работы Лампридия, той части, которая претендует на то, чтобы содержать более или менее исторический отчет о событиях от въезда Элагабала в Рим до его исчезновения в главном стоке города.

В последней части жития содержится множество биографических подробностей, что в переводе на простой английский означает изложение *in extenso* того, что уже было слишком ярко описано в предыдущих разделах. Книга написана на латыни и, насколько известно писателю, никогда не переводилась на английский язык, и у него нет намерения браться за эту работу в настоящее или какое-либо другое время, поскольку он не желает оказаться вместе с печатниками и издателями на скамье подсудимых в Олд-Бейли в незавидном, если не сказать неблагоприятном и печально известном положении.

Однако те, кто способен читать на латинском языке и, следовательно, застрахован от дальнейшего развращения, найдут превосходное издание, опубликованное в Париже М. Панкуком в 1847 году. Последние три главы настоящего тома представляют собой попытку собрать воедино весь материал, пригодный для публикации в этих семнадцати разделах, и имеют форму трех очерков о главных фигурах психологического воображения императора. Они ни в коем случае не являются попыткой экспургировать упомянутые разделы, поскольку в результате такой попытки на листе бумаги останутся одни цифры в качестве заголовков и слово "Finis" на полпути. Лучше пусть разумный человек сам прочтет эти главы, и тогда все люди останутся довольны.

На тех же основаниях невозможно критиковать приведенные здесь утверждения; большинство из них, как и в биографической части, откровенно невозможны, если не исключают друг друга. Нет нужды говорить, что автор принимает все это со всей аттической солью, имеющейся в его распоряжении.

Еще одной аномалией, которая может поразить читателя, является тот факт, что для обозначения императора используются различные имена. Тристран замечает, что "их так много, как голов у гидры". Настоящая идея заключается в том, чтобы использовать титулы, которые мальчик носил на разных этапах своей жизни, а не применять к нему во всех случаях прозвище, которое закрепилось за ним после его смерти.

В предыдущей части работы я называл юношу Варием и Бассианом, двумя именами, которые наиболее часто встречаются в отношении его предполагаемых отцов, но пренебрег Авитом, под которым он иногда известен в отношении своего деда, а также Лупусом, который иногда встречается у Диона, поскольку, как отмечает д-р. Уоттон отмечает, что нет никакой возможности выяснить, был ли он так назван (если вообще получил это имя) из-за какого-то происхождения, из-за ложного чтения или из-за какого-то другого вопроса, который теперь уже давно исчерпан.

После Прокламации я предпочитаю называть императора его официальным именем Марк Аврелий Антонин, или Антонин, для краткости, поскольку только так его описывают монеты, надписи и документы. После его смерти кажется допустимым дать ему прозвище, которое применяли к нему его родственники и позднейшие биографы, а именно латинизированную

форму имени его Бога. Я нигде не принимал более позднего греческого написания или адаптации, Heliogabalus, ни при обращении к богу эмесцев, ни к самому императору. Единственная форма, в которой это имя встречается в надписях, - это описание императора как "жреца Элагабала" или Солнца. Лампридий, несомненно, эллинизировал его форму столетие спустя, но на каких основаниях - неясно, если учесть, что ни в мальчике, ни в его боге не было ни малейшего следа греческой крови, традиции или философии. И что отождествление конкретного сирийского монотеизма с митраизмом или общим поклонением Солнцу не признается всеми как необходимое следствие ни в случае Элагабала, ни в случае Иеговы, ни в случае любого другого претендента на исключительность "Эль", хотя баланс вероятности может лежать на стороне отождествления. Кроме того, нет необходимости втягивать эллинизированную форму имени императора, чтобы потворствовать популярному и ошибочному представлению о царствовании, с которым эта книга призвана бороться и которое, как правило, оскорбляет. Тем не менее Гелиогабал - единственный титул, под которым этот император известен всему миру, и поэтому я позволил этому имени стоять на титульном листе, главным образом для того, чтобы пытливый ум миссис Гранди, прежде чем она купит или одолжит этот том, мог знать, что это запись жизни, от которой она может ожидать потрясения, хотя, по всей вероятности, она обнаружит, что зевает еще до середины вводной главы.

Как я понимаю, главной целью убийц мальчика, прозавших его Элагабалом после смерти, было опорочить его память, лишив его почитаемого титула Антонина и заменив его именем сирийского монотеистического божества, которое своей исключительностью было оскорбительным и громким словом в глазах вирильной, пантеистической философии, господствовавшей в то время.

Следует также сказать пару слов о том, как было принято оставлять без внимания большую часть скандала, связанного с именем этого императора. Мне удалось рассмотреть только общественную сторону его характера, поскольку не сохранилось ни монет, ни надписей, касающихся его личной жизни, и поэтому я был вынужден процитировать то, что традиция, почерпнутая из трудов его обидчиков, утверждает о его прискорбной ненормальности.

Эти предания могут быть правдивы полностью или частично, их, конечно, могут опровергнуть только реальные лица, причастные к ним, которые не писали ни за, ни против психологического состояния императора. Предания, однако, в той мере, в какой они касаются общественного положения и репутации императора, были показаны как грубо несправедливые, если они не ужасающе неправдивы, и могут быть - по всей вероятности - столь же ценными, когда они обсуждают частные практики, о которых никто не мог иметь никакого конкретного знания, кроме его фактических сообщников. Достаточно сказать, что любая палка годится для того, чтобы бить ею собаку, если она не в состоянии защищаться, и в данном случае она была накинута на плечи Антонины с почти дьявольской изобретательностью.

Я очень сожалею, что мне не удалось найти ни одного портрета императора, за подлинность которого Бернуилли мог бы поручиться. Из всей семьи остались только подлинные бюсты Юлии Мамеи и Юлии Паулы, ни одна из которых не является достаточно важной, чтобы быть включенной, поскольку мы не можем дать портрет самого Элагабала. Поэтому я ограничился использованием монет, достоверность которых не вызывает сомнений, надеясь, что читатель с помощью своего воображения придаст очарование и красоту, которые биографы волей-неволей вынуждены были допустить как к императору, так и к его матери.

При подготовке этой работы я получил много ценной и любезной помощи, за которую хочу выразить здесь свою глубокую признательность. Во-первых, профессору Бьюри из Кембриджа за его неустанные и мудрые советы по всей моей рукописи; также доктору Басселу, вице-директору Брасеноуз-колледжа в Оксфорде, за его интерес и любезные исправления; авторитетам Бодлианской библиотеки; ассистентам Британского музея, особенно г-ну Филипу Уилсону и г-ну А. Дж. Эллису за их постоянную помощь в моей работе там, и г-ну Аллену за время и заботу, которые он потратил на то, чтобы помочь мне найти монеты, поясняющие текст.

Я также должен искренне поблагодарить г-на Э. Э. Солтуса из Гарвардского университета за разрешение процитировать его яркие и прекрасные исследования о Римской империи и ее таможене. Я глубоко обязан г-ну Уолтеру Патеру, г-ну Дж. А. Саймондсу и г-ну Салтусу за многие *фразы* и живописные переложения Тацита, Суетония, Лампридия и других. Я также хочу поблагодарить доктора Коунселла из Нью-Колледжа в Оксфорде и доктора Бейли из Уорнфордского приюта не только за помощь в исправлении моих гранков, но и за содействие в подготовке главы о психологии.

Всем этим джентльменам я обязан огромным долгом, который, надеюсь, широкая публика оплатит оценкой их работы. Мы попытались исправить ошибку; если наши усилия увенчаются успехом, читатель признает, что эта *ужасная четверть часа*, которую клеймили как полную невозможных ситуаций и невыносимых сюрпризов, на самом деле очень человеческая жизнь, которая, как и наша собственная, имеет свои изысканные моменты, которых мы бы так же быстро лишили себя, как Элагабала.

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
Введение	xxiii
ЧАСТЬ I	
ГЛАВА I	
Общий очерк условий, 1. Августовские истории и их авторы, 2. Лампридий, автор "Жизни Элагабала", 4. Первые попытки критики, 4. Современная критика, 4. Латинские источники: Марий Максим, 5. Греческие источники: Дион Кассий, Ксифилин, 7. Иродиан, 8. Общие нападки на подлинность "Жития", 9. Мнение Моммзена, 10. Петр, Рихтер, Дессау, Зеек, Клебс, Корнеманн, 11-15. Мнение итальянцев, 15. Общее мнение о биографиях, 16. Причины испорченности источников, 18. Церковные историки, 19. Юриспруденция, 21. Нумизматы, 21. Цель этого труда, 23.	
ГЛАВА II	
Эмеса, 24. Цари-первосвященники, 25. Септимий Северус, 27. Юлий Бассиан, 27. Брак Юлии Домны, 28. Рождение Каракаллы, 29. Септимий Север, император, 30. Двор Юлии, 31. Маеса приезжает в Рим со своей семьей, 31. Женитьба Соамии, 34. Рождение Элагабала, 35. Отцовство Элагабала, 35. Место рождения Элагабала, 36. Юлия Мамайя, ее брак и связь с Каракаллой, 38.	

Макрин - префект претория, 41. Его заговор против Каракаллы, 42. Избрание Макрина, 43. Положение Юлии, 43. Ее деятельность по восстановлению империи, 43. Изгнание и смерть, 44.

ГЛАВА III

Возвращение Маеса в Эмесе, 46. Слабость и тирания Макрина, 47. Легион в Эмесе, 48. Первосвященник Бассиан, 49. Поклонение Элагабалу, 50. Религиозное мировоззрение Бассиана, 51. Евтихий и Ганнис развращают солдат, 53. Дата провозглашения Элагабала, 55. Макрин поражен, 56. Империя в пользу Бассиана, экспедиция Юлиана, 59. Дезертиры на сторону Бассиана, 61. Макрин в Апамее и возвышение Диадумениана, 63. Макрин удаляется в Антиохию, 66. Бассиан завоевывает верность солдат в Апамее, 67. Дион о датах провозглашения и битвы, 67. Собрание братьев Арвалов, 68. Вирт, 69. Битва при Иммее, 69. Антонин в Антиохии, 71. Бегство Макрина, 72. Захват и смерть, 74. Характер Макрина, 75.

ГЛАВА IV

Отказ Антонина разрешить разграбление Антиохии, 77. Главный министр, 78. Темперамент Антонина, 79. Акты нового правительства, 81. Амнистия, 83. Позиция сената, 84. Восторг Рима, 86. Увольнение войск, 87. Преступные попытки и претенденты, 88. Элагабал сопровождает императора, 91. Путешествие в Никомидию, 92. Зима в Малой Азии, 93. Болезнь императора, 94. Ксифилин о религии Антонина, 95. Монотеистическая или митраистская, а не политеистическая, 96. Смерть Ганниса, 101. Характер Антонина, 102. Его популярность и налогообложение, 104.

ГЛАВА V

Дата прибытия в Рим обсуждается, 107. Вступление в город согласно Иродиану, 110. Первый брак, 111. Храмы, 112. Схема объединения религий, 114. Поклонение, 115. Восточные культы, 115. Дата обсуждения схемы, 118. Причины ее провала, 118. Женщины в сенате, 119. Сенакула, 121. Лампридий о популярности императора, 124. Обвинения против администрации, 125. Развод Юлии Паулы, 126. Времяпровождение, 127. Резюме, 128. Союз Элагабала с Вестой, Антонина с Аквилеей Северой, 129. Заговор Помпония Басса, 131. Антонин разводит Элагабала с Минервой, а себя - с Аквилеей Северой, 132. Посылает за Танитом из Карфагена, 133. Женится на Аннии Фаустине, 134. Союз Маеса и Мама, 135.

ГЛАВА VI

Лампридий об Александре, 137. Заговор Сея Каруса, 139. Военные расходы, 140. План Маеса по усыновлению Александра, 141. Причины согласия императора, 142. Имя Александр учтено, 144. Дата усыновления обсуждается, 145. Положение после усыновления, 146. Титулы Александра, 147. Старания Антонины, 148. Решимость Антонина развестись с Аннией Фаустиной и отречься от Александра, 150. Обвинения в адрес правительства, 151. Попытка Антонина убить Александра обсуждается, 152. Антонин отправляется в преторианский лагерь, 154. Лагерная конференция, 155. Ненависть Маеса и Мама свидетельствует против Антонина, 157. Меры предосторожности Мама, 158. Антонин готовится к самоубийству, 160. Александр назначен консулом, 160. Отказ императора и причины, побудившие его подчиниться, 161. Лампридий о Юлии Сабине, 163. Ульпиан и Сильвин, 164. Причины убийства и

различные версии, 165. Критика вышеизложенного, 170. Обращение с телом Элагабала, 171.

ГЛАВА VII

Император освобожден для продолжения своего культа, 173. Процессия, 174. Бесхозяйственность и назначения, 178. Вольноотпущенники, 180. Возвращение Аквилы Севера, 183. Желание военной славы, 184. Имена императора, 185. Активность в строительстве, 186. Военное недовольство, его причины и результат, 188. Дата убийства Элагабала и продолжительность правления, 191. Обсуждается дата возобновления власти трибунов, 194. Интерес Элагабала к государственным делам, 198. Обращение с надписями, 198. Перспективы римского мира, 200.

ГЛАВА VIII

Взгляды римлян на брак, 203. Брак Элагабала с Юлией Паулой, 205. Позиция Юлия Павла, 206. Сервий и др. о Юлии Пауле, 207. Даты этого брака и развода, 208. Брак Элагабала с Аквиллией Северой, 211. Весталки, 211. Римская религия, 212. Отсутствие предрассудков у Элагабала, 214. Его объяснение сенату, 215. Семья Аквилы Севера, 215. Вероятные даты брака и развода, 216-18. Желание Маэсы заключить союз с аристократией, 218. Анния Фаустина выбрана, ее семья обсуждается, 222. Ее возраст и развод, 223. Обсуждаются дальнейшие браки, 224. Возвращение Элагабала в Аквилею, 225.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА IX

Жизнь Элагабала у Лампридия невозможна, 227. Элагабал был психосексуальным гермафродитом, а не злым, 229. Состояние, вполне обычное как тогда, так и сейчас, 229. Добродетель - мужественное качество, а не невротическое отрицание, 229. Естественный и вездесущий фаллос олицетворяет радость и плодovitость, 230. У Элагабала сильная гомосексуальная нимфомания и все побуждения удовлетворить его женский инстинкт, 231. Его натура невероятно открыта и ласкова, 232. Маеса -отягчающее обстоятельство, 234. Современные авторитеты о подобных инвертированных случаях в наши дни, 234. Библейские параллели, греческие примеры, современные религиозные тенденции, 234. Нормальная нетерпимость в значительной степени лицемерна, 235. Обычные инстинкты таких натур, 235. Любовь Элагабала к цветам, пирам и дразнилкам, 236. Его браки с психологической точки зрения, 238. Обсуждается его кастрация и желание сделать операцию, которая позволила бы получить женские органы, 238. Брак Элагабала с Иероклом, 239. Обсуждаются Иерокл и Зотик, 239. Сравнение с Мессалиной, 240. Спинтрии, 240. Любовь Элагабала к цветам, 241. Его откровенность, 241. Греческая любовь, противопоставленная женоподобности, 242. Гулик о психологии, о христианстве, 242. Эфеминизм, а не гомосексуальность, вызывает отвращение у римского мира и является причиной падения Элагабала, 244.

ГЛАВА X

Описание золотого дома Нерона, 245. Элагабал в сравнении с Нероном, 246. Увлечения, расточительность и одежда, 246. Экстравагантность ритуала, 250. Конгиарии и игры, 251. Застолья и еда, 252. Пир Мецената, 254. Парфюмерия, 256. Рыба, 258. Описание зрелищ, 260. Обсуждаются гладиаторы, 262.

Мастерство Элагабала как спортсмена, 263. Лотереи, 264. Приспособления Элагабала для самоубийства, 265. Психология экстравагантности, 266.

ГЛАВА XI

Благочестие Элагабала, 267. Константин - противник других монотеизмов, 268. Теории религии, 269. Цивилизованная религия становится философской, 269. Рим одновременно атеистический и легковёрный, 270. Гражданская религия оставляет силы секса и суеверий вне счета, 270. Боги всегда нужны суеверным, чем мистичнее, тем привлекательнее, 271. Семитские ритуалы привлекают толпу, 273. Элагабал исключителен и поглощает другие культы, 273.

Эрастианская схема Элагабала по сравнению с тюдоровской концепцией, 273. Элагабал не будет преследовать, 276. Религия и кастрация, 276. Элагабал не идолопоклонник, 277. Его ошибка в попытке объединить ненавистный иудаизм с римскими божествами, 277. Браки Элагабала, 278. Обсуждаются человеческие жертвоприношения, 280. Колонна для метеорита, 281.

Состязание между религией и догмой, 282. Численность толпы одерживает верх над рационалистами, 284. Риму надоели все боги, отсюда и неудача Элагабала, 285.

БИБЛИОГРАФИЯ

289

ИНДЕКС

299

СПИСОК МОНЕТ

	Лицевая страница
Монета Антонина Пия, отчеканенная в Эмесе (Британский музей)	26
Монета Марка Аврелия Антонина (Каракаллы) (Британский музей)	26
Медаль Юлии Домны Пии, императрицы (Британский музей)	40
Монета Юлии Маэсы Августы (Британский музей)	40
Монета Юлии Соамии Августы (Британский музей)	40
Монета Юлии Мамеи Августы (Британский музей)	40
Монета Марка Аврелия Антонина (Каракаллы) (Британский музей)	60
Монета Марка Аврелия Антонина (Элагабала) (Британский музей)	60
Монета Макрина с записью Виктории Парфики, 218 г. н.э. (С гравюры на дереве)	60
Монета Диадумениана как императора, 218 г. н.э. (Британский музей)	60
Монета 219 г. н.э. в честь прибытия Элагабала в Рим (Британский музей)	110
Либералиты II. Монета, выпущенная в 219 г. н.э. в честь брака императора с Юлией Корнелией Паулой. (Из коллекции сэра Джеймса С. Хэя, К.С.М.Г.)	110
Монета, выпущенная в 219 г. н.э. в связи с поставками зерна (Британский музей)	110
Монета, выпущенная в 219 г. н.э. в честь выздоровления императора (Британский музей)	110

Фиатирская монета Элагабала (Британский музей)	142
Монета, выпущенная в честь усыновления Алексиана, 221 г. н.э. (Британский музей)	142
Монета, отчеканенная в память об Александре как Понте. Макс., 221 г. н.э. (Британский музей)	142
Джови Ультиори. Элиогабалиум, заново освященный Юпитеру, 224 г. н.э. (С гравюры на дереве)	174
Монета, выпущенная в честь шествия Элагабала, 221 г. н.э. (Британский музей)	174
Монета 221 г. н.э. с изображением Элагабала. (С фотогравюры)	174
Монета 220 г. н.э., ошибочно прочитанная Коэном как T.P. III Cos. IIII (Британский музей)	196
Монета 221 г. н.э., ошибочно прочитанная Коэном как T.P. IIII Cos. IIII (Британский музей)	196
Монета 222 г. н.э. (Британский музей)	196
Монета Юлии Корнелии Паулы Августа (Британский музей)	216
Монета Юлия Корнелия Павла Августа, 220-21 гг. н.э. (Британский музей)	216
Монета Юлия Аквилія Севера Августа, 220-21 гг. н.э. (Британский музей)	216
Монета Аннии Фаустины Августа, 221-22 гг. н.э. (Британский музей)	216
Монета Юлия Аквилія Севера Августа, 221-22 гг. н.э. (Британский музей)	216

ВВЕДЕНИЕ

К императору, о котором пойдет речь в этом томе, обычно относились так, будто его правление не имело никакого значения, разве что для того, чтобы показать, до каких глубин опустилась Римская империя, когда такое чудовище смазливости могло обладать верховной властью. Если хронику его развратной жизни использовали для иллюстрации легенды о том, что языческое общество империи было отчаянно порочным и позорно коррумпированным, то как правителя его всерьез не воспринимали. Однако Элагабал появился под слишком зловещим созвездием, чтобы мы могли отмахнуться от его короткой попытки управлять миром как от недостойной более чем поверхностного описания и легкого осуждения. Его правление длилось менее четырех лет, но эти годы пришлись на период, имевший решающее значение для будущего европейской цивилизации, и он был воспитан в кругу людей, остро реагировавших на религиозные проблемы, которые тогда волновали души людей. Мистер Хэй открыл новые горизонты и оказал услугу истории, сделав Элагабала предметом серьезного и систематического исследования.

В третьем веке, столь туманно освещенном скудными и скудными записями, Римская империя была потрясена до основания. Наблюдался явный упадок ее силы и эффективности, отмеченный наглым господством простого солдата и наглядно иллюстрируемый статистическими фактами: от Септимия Севера до Диоклетиана средний срок правления императора составлял около трех лет и было всего два или три государя, не ставших жертвами мятежа или заговора. В качестве одной из действенных причин этого упадка часто

выдвигается (в последнее время М. Буше-Леклерком) отрыв интересов людей от общественного блага в результате притяжения и влияния индивидуалистических восточных религий, которые не ставили целью обеспечить стабильность государства, как старые религии Рима и Греции, а стремились спасти человека и обеспечить ему счастье в жизни за гробом. Несомненно, в этот период религиозные течения будоражили общество до глубины души, и несколько соперничающих культов вступили в борьбу, вопрос о которой решился в следующем веке. И если государство действительно было ослаблено расколом, который стал ощутимым между частными духовными интересами отдельного гражданина и общественными интересами общества, если его сплоченность была под угрозой из-за тенденции ставить первые интересы выше вторых, мы можем понять государственную мудрость Константина Великого, который, тесно связав государство с одной из этих индивидуалистических религий, примирил и отождествил эти два интереса. Я не предполагаю, что Константин сформулировал проблему в тех общих терминах, в которых мы можем сформулировать ее сейчас; к его далеко идущему решению его подтолкнуло разнообразие конкретных социальных фактов, которые включали в себя общую проблему, в то время как они вынуждали его к конкретному решению. Но проблема, которую он решил, существовала уже давно, и за сто лет до того, как Константин основал христианство, другой император попытался ее решить. Этим императором был Элагабал.

Религиозные течения эпохи Северов не остались незамеченными и не вызвали интереса у двора. Юлия Домна, Юлия Мамаия, Александр Северус - все они находились под влиянием духа времени. Это были дни, когда Юлия Домна и Филострат открыли миру нового спасителя в лице Аполлония Тианского. Но религиозное рвение Элагабала было более страстным, чем интеллектуальный интерес любого из его дома. Он задумал создать универсальную религию для империи, и его неудачная попытка установить ее рассматривается мистером Хэем с полным пониманием ее значения и беспристрастным желанием понять ее.

При всем своем неприкрытом энтузиазме Элагабал был не тем человеком, который мог бы основать религию; он не обладал качествами Константина или Юлиана, и его предприятие, возможно, не имело бы успеха, даже если бы его авторитет не был аннулирован его идиосинক্রазией. Непобедимое Солнце, если ему должны были поклоняться как солнцу праведности, не было счастливо рекомендовано деяниями его непобедимого священника. Я сказал "идиосинক্রазии"; не следовало ли мне сказать "прегрешения"? Но невыгодно и ненаучно просто клеймить Элагабала как отвратительного негодяя. Его жизнь - это документ, в котором есть нечто, требующее осмысления. Если все мужчины и женщины действительно бисексуальны, то этот сирийский мальчик принадлежал к тому ненормальному типу, в котором рецессивный пол неумеренно силен за счет доминантного; он был замечательным примером *psychopathia sexualis*; но в его эпоху не было Крафт-Эбингов, чтобы подвергнуть его случай научному наблюдению. С этой точки зрения, принятой мистером Хэем, Элагабалус становится понятным болезненным человеком. А молодой человек, несмотря на то, что он был настолько ненормальным и испорченным обладанием верховной властью до того, как достиг зрелости, был далеко не отталкивающим. Главной чертой его характера была доброта; похоже, он хотел сделать всех счастливыми. Его удовольствия не были запятнаны жестокостью Нерона. Его забавляло шокировать людей, но он всегда был добродушен. Рассказывают, что он любезно поинтересовался у нескольких серьезных и благопристойных пожилых джентльменов, которые были его гостями на празднике винограда, не склонны ли они к удовольствиям Венеры. Этот анекдот, если и не соответствует действительности, кажется характерным. Он рассказан в "Скандальной хронике" Лампридия, одного из авторов той самой "Истории Августа", вокруг которой в последнее время вырос целый лес критической литературы. Итог всей критики обычно сводится к дискредитации этих авторов,

и мистеру Хэю принадлежит заслуга строгого применения этого неблагоприятного результата к "Жизни Элагабала".

Но хотя религиозное предприятие этого эксцентричного императора было обречено на провал, оно отнюдь не было диким проектом безумца, который склонны считать таковым те, кто судит *post eventum* - после триумфа христианства - или, подобно Домашевскому, видит в нем всего лишь *eine Vergöttlichung der Unzucht*. В те дни еще не было ни малейшей уверенности в том, что христианство будет выбрано, а его соперники останутся; эта религия не была, как хотели бы заставить нас поверить ее апологеты, единственным светом в темном мире. Незаинтересованному уму может показаться, что божеством западной цивилизации могли стать Митра или Исида. Они, несомненно, были нарасхват. Мы можем гадать, какие обстоятельства помогли поклонению Христу возвыситься над конкурирующими культами, но для таких исследователей, как мы с мистером Хэем, которые не держатся в стороне и не принимают легкую аксиому о том, что все, что происходит, лучше всего, недоказуемо, что христианство было однозначно лучшей альтернативой. Возможно, так оно и было. Однако можно предположить, что если бы религия, основанная Павлом из Тарса, "по воле Провидения" исчезла, уступив место одной из тех однородных восточных верований, которые сейчас мертвы, мы бы сегодня были там, где мы есть. Однако, как бы то ни было, похоже, что в третьем веке христиане были далеки от того, чтобы похвалить свою доктрину перед остальным миром каким-либо заметным моральным превосходством в своем собственном поведении. Плохое мнение язычников об их морали во времена Тертуллиана нельзя объяснить простым предрассудком, а ответ Тертуллиана, что обвинение справедливо лишь для некоторых, но не для всех и даже не для большего числа людей (*Ad nationes*, 5), является важным признанием того, что, принимая их в целом, христиане не были тогда заметны как секта необычайной добродетели. Более того, в этике их системы не было ничего такого, до чего не дошел бы самостоятельно разум греческих и римских учителей, и они вправе похвастаться тем, что успех их религии зависел не от какого-либо превосходства ее нравственных идеалов над языческими, а от ее сверхъестественных основ.

Клевета, за которой стоит церковный авторитет, умирает так тяжело, что я позволю себе добавить замечание, которое для хорошо осведомленных студентов, изучающих древность, теперь является банальностью. Оскорбительные представления Элагабала ничего не доказывают в отношении господствующей морали его времени, так же как и разврат Нерона ничего не доказывает в отношении его. Судить о частных нравах языческих подданных империи по описаниям Суетония и Лампридия еще более абсурдно, чем судить о домашней жизни христианской Англии по отчетам суда о разводах. Представление о том, что бедные греки и римляне погрязли в нечестии и пороке, - это клеветническая легенда, которая усердно распространялась в интересах церковной истории, а в наши дни является общим местом кафедрального образования. Если язычники по невежеству или злему умыслу оклеветали собрания и любовные пиры первых христиан, то можно допустить, что христианские богословы последующих веков своими баснями о языческой развращенности отомстили за это с лихвой.

Среди читателей Гиббона само имя "Гелиогабала" всегда будет "вызывать улыбку у молодых и румянец у прекрасных". Но можно ожидать, что после расследования, проведенного мистером Хэем, будет признано, что этот император предпринял, по его словам, совершенно

искреннюю попытку принести пользу человечеству, которая должна оцениваться независимо от его собственных моральных или физиологических извращений.

Л. Б. БЬЮРИ.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, ПОСВЯЩЕННАЯ АВГУСТОВСКИМ ИСТОРИЯМ

Объем этой книги

Эпоха Антонинов - это эпоха, мало понятная современному поколению. Документы, относящиеся к ней, немногочисленны и по большей части являются делом рук весьма второсортных скандалистов. Как и сенат того времени, эти писатели настолько утратили чувство личной ответственности, что готовы были записать все, что прикажет их "бог и господин". Удовольствия и пороки эпохи были пышными и экстравагантными. Угроза официального христианства с его уничтожением литературы и философии была почти у ворот города. Все эти факты делают этот великолепнейший период римской истории нереальным и фантастическим для людей нашего более практичного и рационалистического века.

Правление Элагабала - это не летопись великих деяний. Оно не показывает никакого прогресса ни в науке, ни в военных завоеваниях. За исключением сферы юриспруденции, это не век великих людей, потому что они рождаются в борьбе наций. Это не век бедности или бедствий. Это скорее летопись огромного богатства и чрезмерной расточительности, роскоши и эстетизма, доведенных до крайности, и чувственности во всей утонченности ее восточной привычки. Таковы были силы, овладевшие умами этих жаждущих жизни людей, которых сила обстоятельств сделала праздными.

Это была удивительная и прекрасная эпоха, полная красок, полная радости жизни; и все же, оглядываясь на ее усыпляющее возбуждение, кто может удивляться величию упадка, последовавшего за триумфом такого великолепия? Рим был на вершине своего могущества; империя была укреплена; храм Януса был закрыт; Pax Romana воцарился, а вместе с ним порядок и правительство в самых отдаленных уголках этого огромного владения. Что значили экстравагантности глупого мальчишки для купцов Лиона или торговцев Александрии, пока их не беспокоили, а налоги были минимальны? Что значил вопиющий всплеск семитского монотеизма, когда умы людей - среди суеверных - уже были настроены на родственные мистерии Митры и духовную хитрость Исиды? Тайное распространение других суеверий, чей невротизм, чье усыпляющее и размягчающее влияние нанесло едва ли не больший вред разуму и древней вере, чем вся роскошь и женоподобность ушедшего мира, разрушило славную боевую мощь империи.

Это было жалкое зрелище: силы невежества и тайны подрывали силу знания и мужественности, пока варвары, которых само имя Рима покоряло и приводило в восторг, не свергли величие, которое в век разума мир считал непреодолимым. Это жалко, но это правда, и запись лишь части из них можно найти в "Истории Августа".

Трудности, с которыми сталкивается изучающий *Scriptores Historiae Augustae*, многообразны и постоянно возрастают. Не в последнюю очередь они связаны с различием стандартов, по которым оценивался этот сборник, и с диаметрально противоположными теориями, которые выдающиеся ученые извлекали из одних и тех же отрывков.

Критика обязана своим происхождением путанице, которая неизбежно возникает в любой серии житий, охватывающей период в 167 лет и претендующей на то, чтобы быть работой нескольких писателей - хотя ни один из них не был современником.

Дошедшие до нас биографии номинально принадлежат шести авторам, а именно: Аэлию Спартиану, Юлию Капитолину, Вулкацию Галликану, Аэлию Лампридию, Требеллию Поллиону и Флавию Вописку. Автор "Жизни Элагабала" в этой серии является Аэлий Лампридий, о котором лично ничего не известно. Петр[1] предполагает, что он не был плебеем, так как писал по приказу Константина и, судя по ярости его нападок, с какой-то скрытой целью. Вероятно, это была атака на императорского автора того вида митраистского культа, который Константин хотел искоренить, как на самого грозного противника своей собственной новой религии.

Лампридий посвящает свою "Жизнь Элагабала" этому императору, что сразу показывает нам, что с момента описываемых событий прошло не менее 100 лет, и требует выяснения источников информации Лампридия. Текст в его современном виде порой непонятен, в основном благодаря усилиям ученых типа Бонуса Аккурсия и Казобона,[2] а Додуэлл в 1677 году сыграл свою роль в искажении, в соответствии со своими представлениями, того, что всегда должно было быть документом, необходимость в дальнейшем искажении которого была крайне излишней. Первая попытка современной критики текстов началась в 1838 году, когда Беккер[3] из Бреслау попытался заново приписать различные жития их соответствующим авторам, но без особого успеха. В 1842 году Дирксен[4] из Лейпцига попытался выяснить, какими источниками пользовались различные писатели и как они использовали или не использовали материал, попавший им в руки. Он основывал свою критику главным образом на записанных речах и посланиях императоров, которые, к несчастью для выдвинутых тогда теорий, были обнаружены Чвалиной[5] в 1870 году как в значительной степени поддельные.

Следующая работа, имеющая хоть какое-то значение, была проделана Рихтером[6] и Петером,[7] когда первый попытался датировать сами Писания на основании внутренних свидетельств; второй пролил свет на время, когда были написаны настоящие жизни, и, среди прочего, отнес "Жизнь Элагабала" Лампридия к периоду около 324 г. н.э. В 1865 году тот же автор[8] поставил изучение *Scriptores* на более прочную основу, представив систему текстуальной критики применительно к источникам, как латинским, так и греческим, из которых писатели черпали свои факты.

Среди латинских источников в первую очередь упоминается Марий Максим, от трудов которого сейчас ничего не осталось. Он был консулом при Александре Севере и преданным слугой этого императора, по указанию которого он попытался дополнить Суетония[9] популярным и скандальным изданием последних событий. Мюллер[10] в 1870 году, тщательно изучив все упоминания об этом авторе, пришел к выводу, что его работа была составлением тома под названием *De vitis imperatorum*, в котором содержались жизни Нервы, Траяна, Адриана, Антонина Пия, Марка, Коммода, Пертинакса, Юлиана, Севера, Каракаллы и Элагабала. То, что последнее из этих житий было написано другом и слугой убийц Элагабала, само по себе прискорбно, поскольку сразу же возникает подозрение, что будет сделана попытка оправдать преступление, или, во всяком случае, что результатом

будет завуалированная злоба, а не правдивый исторический портрет. Из самого краткого прочтения богатства одних только оскорблений, которое она содержит, легко обнаружить, что никакая завеса не считалась ни необходимой, ни целесообразной, и что если Лампридий черпал свои сведения об императоре Элагабале из Максима, как единственного источника, то его работа, с исторической точки зрения, была такой же бесполезной карикатурой, как и та, которой Максим подкреплял правительство Александра. Поэтому Мюллер выдвинул теорию, согласно которой, хотя Максим и был основным латинским источником, другие авторы использовались Скрипторами в качестве дополнения. В этой теории его поддерживали Рюбель, Дрейнхофер и Плев,^[11] которые приводят, среди прочих имен, имя Аэлия Юния Корда, автора, который цитируется с большой частотой на протяжении всех житий. Эта теория об одном главном латинском источнике - Максиме - оставалась в силе до недавнего времени, когда работы Хеера, Шульца и Корнемана, как мы увидим, придали этому вопросу несколько иной, хотя и менее удовлетворительный, вид. Можно мимоходом заметить, что Нихес (Niehues)^[12] в 1885 году приписывает самую раннюю жизнь Макрина и его сына Диадумениана - наряду с другими императорами, чей период нас не касается в данном исследовании, - Корду, а не Максиму, что может объяснить некоторую беспристрастность в отношении жизни Макрина, поскольку ни в том, ни в другом случае не было особой цели.

Греческие источники, использованные Скрипторами, легче поддаются фиксации, поскольку, хотя большинство авторов погибло, сохранилась работа Иродиана, а сокращение Кассия Дио, сделанное Ксифилином Трапезундским для церковных целей, все еще читаемо. Пожалуй, необходимо высказать мнение Хаупта^[13] о том, что Скриптории на самом деле не переписывали греческие источники и что они могут лишь дать определенное представление о том, как писатели использовали свои материалы. К несчастью для рассматриваемого царствования, ни один из этих двух авторов не может считаться беспристрастным авторитетом. Действительно, обстоятельства сговорились затушевать историю Элагабала во всех ее аспектах. Кассий Дио, по единодушному мнению, является лучшим историком третьего века, бесконечно превосходящим Максима как человек с литературными способностями и исторической проницательностью; он не очень увлекателен и имеет раздражающую привычку принимать сентиментальные банальности за умозрительную философию. Его беспристрастность, конечно, весьма сомнительна, а его явно суеверное легкое верие заслуживает внимания. Но эти недостатки легко игнорируются студентом, поскольку его работа содержит огромное количество информации о работе императорской системы. По всей вероятности, он отсутствовал в Риме во время правления Элагабала, поскольку он сообщает нам (79-7), что Макрин назначил его куратором Смирны и Пергама в 218 году, с которых он не был снят Элагабалом.^[14] Когда он появляется в следующий раз, то это друг и слуга Маеса в начале царствования Александра. Затем он был дважды консулом, проконсулом Африки, губернатором Далмации и Паннонии и, предположительно, умер при Александре в возрасте 80 лет, поскольку после этой даты у нас нет никаких работ от него. Как слуга доминирующей фракции, история Дио должна была быть составлена, чтобы поддержать действия Маесы, вызвавшей убийство Элагабала, и оправдать наследование Александра, когда женщины убрали со своего пути упрямого мальчика и его мать. Дио излагает свои сведения как очевидец, и как таковые они, предположительно, были получены из того же источника, что и у Максима - настолько, что Джамбелли^[15] в 1881 году пытался доказать, что главным источником Дио для его истории был Максим и никто другой.

Другой греческий современник - Иродиан, факты из жизни которого ни в коем случае не являются достоверными. Крейцер^[16] считает, что он приехал в Рим в начале третьего века и

впоследствии занимал незначительные административные посты в правительстве. Он стоит в другом ряду, нежели Дио, поскольку обладал весьма скромной квалификацией историка. Он, правда, рассказывает об основных чертах придворной жизни и текущих внешних делах, но он не очень хорошо представляет себе их значение и не очень внимательно относится к их хронологии. В этом вопросе справедливо будет вспомнить, что невежественные поправки Бонуса Аккурсия и плеяды средневековых ученых могут быть причиной многого, что сейчас выглядит так возмутительно.

Что касается источников, из которых Дио и Иродиан черпали свои факты, то об этом написано немало, хотя попытки[17], предпринятые с 1881 года, показать, что оба использовали Maximus, в лучшем случае скудны и неубедительны. Мюллер[18] в 1870 году со значительным весом указал, что сходство, существующее между параллельными рассказами, найденными в Иродиане и Scriptores, вероятно, связано с тем, что оба использовали Maximus. Эта линия аргументации была развита Джамбелли и Плеу[19] на основе предположения, что Иродиан был обработан до того, как его использовали Скрипторы, таким образом пытаясь объяснить расхождения между Иродианом и Максимом, и поддерживая теорию Максима как корневой основы обоих авторов. Бёме[20] в 1882 году ввел имя Дексиппа как вероятного промежуточного автора и указал, что ссылки некоторых скрипториев на Иродиана под именем Арриана трудно понять, если скриптор имел перед собой правильное имя. Однако можно доказать, что некоторые отрывки были взяты непосредственно у Иродиана, в связи с чем Петр[21] несколько лет спустя полностью отверг теорию посредника Дексиппа. В основном, однако, общая подлинность источников, будь то греческих или латинских, принималась вплоть до 1889 года, хотя были сделаны одно или два открытия, которые ослабили их влияние и подготовили почву для общей атаки.

Первое из них было сделано Чвалиной[22] из Бонна в 1870 года, который заявил, что документы и письма в Жизни Авидия Кассия были поддельными; а в 1880 году Клебс[23] уничтожил подлинность тех, что находятся в конце Жизни Диадумениана. Все было более или менее спокойно до 1889 года, когда Дессау[24] начал атаку на общую подлинность работ Скрипторов, утверждая на основании сильнейших внутренних доказательств, таких как упоминание лиц и вещей в житиях, посвященных Константину как императору, что произошло только после его смерти, что эти жития были работой фальсификатора в конце четвертого века; человек, который был достаточно глуп, чтобы придать своей работе видимость древности, используя имена и посвящения, заимствованные из более древних источников, но недостаточно умен, чтобы избежать включения в нее вопиющих анахронизмов.

Моммзен[25] сразу же взялся защищать подлинность сборника, остро спрашивая, почему фальсификатор времен Феодосия взялся восхвалять исчезнувшую династию, основанную Констанцием. По его словам, сама обрывочность является достаточным доказательством того, что сборник не является подделкой. Опять же, использование додиоклетианских географических названий, таких как названия легионов, относится к периоду до Диоклетиана. Затем Моммзен переходит к критике, в ходе которой он делит жития на первичные и вторичные, что, по его мнению, решает проблему, и на этой основе он делает совершенно иные выводы, чем те, которые Дессау привел в качестве доказательств подделки. Прогресс в изучении Моммзена заставил его признать то, что он так полностью отрицал вначале, - что жития действительно содержат намеки на более поздний период, и все это, по его утверждению, может быть объяснено тем, как формировалась коллекция. В итоге Моммзен считает, что около 330 г. н. э. редактор собрал имеющийся материал, а затем заполнил пробелы собственным трудом. И снова, в более позднее время, ревизор

отретушировал весь этот сборник и добавил свидетельства последнего периода, которые и вызвали все проблемы. Им же была вставлена работа, напоминающая Евтропия и Виктора. Это не самое ясное изложение, и его пришлось так изменять по ходу дела, что оно, конечно, не имеет того веса, который имеют другие работы Моммзена.

В течение 1890 года появились две работы, первая - Зеека,[26] который попытался помочь Дессау, вторая - Клебса,[27] который принял измененную оценку Моммзена о подлинности Скрипториев. Зеек начал с того, что указал на то, что произведение, о котором впервые слышали во второй половине IV[28] века, вряд ли могло вызвать достаточный интерес, чтобы побудить кого-либо пересмотреть его в начале этого века. Он нападал на работы, приписываемые Вописку, Поллиону и Спартиану, в частности, указывая в случае Вописки, что если бы он писал при Константине, то не поставил бы его вторым в посвящении,[29] или, если бы Поллион писал в III веке, когда титул *Mater Castrorum* обычно давался императрицам, он никогда бы не говорил о нем как об особенностях в случае Виктории.[Если Спартиан писал при Диоклетиане, то очевидно, что он должен был предвидеть внезапное изменение планов этого императора в отношении престолонаследия. Клебс[31] в том же году еще более изменил позицию Моммзена, объяснил сходство с Виктором и Евтропием использованием одних и тех же источников этими авторами и Скрипториями и отверг идею пересмотра позднейшей рукой на том основании, что никто не будет настолько глуп, чтобы имитировать стиль оригинальных авторов ради вставки бессмыслицы; конечно, это не самый убедительный из аргументов, которые мог использовать человек, предположительно хотя бы слышавший историю евангельских дополнений. Более поздняя статья (1892)[32] была более убедительной, поскольку здесь он попытался доказать, что ни один фальсификатор не мог принять то разнообразие отношения к сенату и христианству, которое мы находим выраженным в различных разделах "Житий", а наличие географических названий и официальных титулов, утраченных до начала четвертого века, указывает на более раннюю подлинность, а не на позднюю подделку.]

Вёльфлин[33] в 1891 году поддержал Моммзена на текстуальных основаниях. Он объясняет различия в стиле тем, что одни авторы использовали Суетония, другие - Максима, а третьи доверяли собственной памяти, что не является надежным историческим критерием. Он утверждает, что следы сходства, прослеживающиеся в работах, несомненно, связаны с ревизором, но этим ревизором был Вописк,[34] что либо относит Вописку к гораздо более позднему времени, чем это когда-либо делалось ранее, либо отказывается от идеи позднего ревизора в смысле Моммзена.

Дессау[35] в 1892 году ответил язвительной атакой на этого же Вописку, с точки зрения его возраста и невозможности того, что он видел и слышал все, что, как он утверждает, сделал. Сеек[36] в 1894 году опубликовал вторую статью в поддержку Дессау с шестью пунктами, взятыми из титулов и имен, которые не были известны до предполагаемых дат написания Скрипториев. Теперь он считает, что множественность авторов, или фальсификаторов, в зависимости от обстоятельств, несомненна, и что они писали или подделывали, как велели Диоклетиан и Константин, используя для своей работы множество источников, включая Императорскую хронику. Но это неубедительная статья.

В 1899 году американец, доктор Дрейк[37] из Мичигана, опубликовал несколько подробных исследований о жизни Каракаллы, которые позволили установить подлинность некоторых частей, считавшихся поддельными. В 1901 году Хеер[38] из Лейпцига опубликовал критический обзор жизни Коммода, разделив ее на две части, первую - хронологическую, вторую - биографическую, и пришел к выводу, что, хотя хронологическая часть заслуживает доверия, биография была получена из очень плохих источников и лишь частично

соответствует современности. Шульц[39] в 1903 году применил те же методы к жизни от Коммода до Каракаллы, в 1904 году - к жизни Адриана,[40] а в 1907 году - к жизни дома Антонина,[41] к сожалению, оставив без внимания Элагабала.

Корнеманн[42] в 1905 году попытался собрать воедино материалы житий от Адриана до Александра Севера, во многом повторяя работу Шульца. Он отмечает, что характерной нотой был интерес автора к государственным делам, а не к военным, и то, как Александр Северус был вознесен на вершину самодовольства благодаря мнимым благодеяниям сенаторского корпуса, В то время как крайняя враждебность проявляется к воинственным императорам или тем, кто, подобно отцовским деспотам дома Антонинов, доверял армии и использовал "рабов в тогах" только для ратификации любого указа, который они могли счесть необходимым, - способ управления, которому этот орган долгое время был рабски подчинен. Далее Корнеманн предполагает, что эта симпатия к Александру предполагает, что работа писателя была опубликована во время правления этого цезаря, тем более что никаких следов его работы впоследствии не обнаружено. Затем Корнеманн придумывает новое имя для нашего старого друга Мариуса Максима и называет его, демонстрируя очередную эрудицию, неким Лоллием Урбиком,[43] теория, которая по-прежнему интересует только Корнемана. Однако Хеер[44] в 1901 году оказал ему определенную поддержку, отказавшись верить, что кто-то мог приписать Максиму какую-либо роль в хронологической стороне жизни, а Шульц в своей "Жизни Адриана" принял ту же точку зрения, приписав ссылки на Максима более поздней руке. Именно Петер[45] в 1905 году задал уместный вопрос, почему Максим должен быть вытеснен из авторства хронологического источника в пользу *неизвестного* современника, хотя он и признал, с некоторой свободой, что многие цитаты из Максима находятся в отрывках сомнительной ценности или, похоже, были вставлены в текст.

В 1899 году Тропеа[46] из Падуи опубликовал трактат об общей литературе S.H.A., в котором он показывает, что цель сборника была политической и в интересах царствующего дома; в результате он утверждает, что он либо фальсифицирован на самом деле, либо полностью сфабрикован в том смысле, который уже предположил Чвалина. За Тропеа последовал его ученик Паскукко,[47] который в 1905 году подробно исследовал жизнь Элагабала. Результат этого исследования показал, что Лампридий не только не проверил свои источники информации, но и продемонстрировал необычайное отсутствие порядка и пропорций в своих фантазиях. В завершение Паскукко сделал поучительное замечание, что источники Лампридия либо баснословны, либо малоценны и отвечают лишь политическим взглядам, которые принял этот писатель.

В 1904 году Лекривен[48] опубликовал замечательное консервативное изложение имеющегося материала, которое, вместе с работой Шульца об императорском доме Антонинов в 1907 году, оставляет текстуальную критику источников в достаточно туманном состоянии, чтобы удовлетворить большинство, во всяком случае, на данный момент.

В свете вышеизложенной критики и почти всеобщего вывода, сделанного обеими сторонами, относительно очевидного отсутствия беспристрастности не только в источниках, но и в самих житиях, рамки данной работы ограничатся психологической критикой жизни Элагабала, содержащейся в "Истории Августа". Эти документы, как вы помните из предыдущего краткого изложения, представляют собой собрание разнородных и непросвещенных сочинений, к которым Лампридий, отнюдь не самый талантливый автор, добавил жизнь сирийского мальчика-императора Марка Аврелия Антонина. Лампридий в поразительной степени демонстрирует отсутствие метода и порядка, напрасные повторения и частые противоречия, недостаток исторической проницательности и любовь к мелким деталям, которые характеризуют весь сборник. Он демонстрирует это в такой степени, что

рассматривать его биографический сборник об Элагабале как исторический факт было бы так же очевидно несправедливо, как и более чем сомнительные "Tendenzschriften", которые были его источником информации; ознакомление с которыми должно было оставить у составителя искаженное представление о событиях, даже если бы он начал с честным и непредвзятым умом. Лампридий, безусловно, не был таким, о чем свидетельствует явная враждебность к своему предмету, проявляющаяся на каждой странице как в его бездоказательных обвинениях, так и в его грубых поисках недостатков.

По всей вероятности, эта серия житий никогда не задумывалась как нечто большее, чем череда скандальных биографий, призванных занять место непристойных маленьких романов, которые раньше импортировались из Греции, но поставки которых сокращались по мере упадка греческой литературы.

В результате, биографии Августов (Augustae Historiae Scriptores) по большей части представляют собой бессодержательный фарраго из неупорядоченных мелочей, которые, как показала современная критика, являются поздними по времени и практически не имеют индивидуального значения. Вся их ценность зависит от их источника или источников, а они, как было доказано, по крайней мере, с точки зрения биографии, слишком часто не заслуживают доверия. Жизнь Элагабала, как ее карикатурно изобразил конкретный скриптор, или фальсификатор, не является даже попыткой изобразить исторические события в их хронологическом или естественном порядке; в ней нет упоминаний о происхождении императора, его претензиях на трон, его борьбе с Макрином, ни о фактах его последующего правления. Это просто один обширный поток личных оскорблений и ругательств, направленных против памяти великого выразителя того монотеизма, который был главной опасностью для теорий Константина в подобном направлении; источники же Лампридия порочны тем, что это императорские попытки очернить память убитого императора, чья популярность в массах сделала положение его убийцы неуверенным на мировом троне.

Возможно, не совсем справедливо обвинять молодого Александра лично в убийстве Элагабала, и даже если это сделать, будет правильно вспомнить, что он требовал определенного оправдания этому поступку.^[49] Александр утверждал, что ему самому не раз грозила смерть от руки кузена. Несомненно, истинными зачинщиками убийства были Мамайя, мать Александра, и Маэса, общая бабушка кузенов. Обе эти женщины видели, что власть и авторитет уходят из их рук, и не могли допустить второго места в руководстве государством. Своими махинациями, подкупом и коррупцией они уже трижды пытались склонить на свою сторону преторианскую гвардию. Но эти попытки не увенчались успехом. Для реализации проекта всегда не хватало людей, и только несчастливый случай в день смерти императора бросил его в руки этих немногих. Соучастие Александра в этом преступлении могло бы остаться незамеченным в силу его молодости, если бы его упорные попытки оправдать поступок не привлекли внимания к его отношению не к сожалениям, а к ликованию по поводу преступления. Это отношение наиболее четко прослеживается в скандальных литературных произведениях, которые только и позорят имя Элагабала; все они вышли из-под пера Кассия Дио, Геродиана и Максима, или Лоллия Урбика, - всех трех слуг и постельничих Александра и его родственников.

Конечно, если бы можно было привести доказательства жестокости, тирании, кровожадности, обмана или коварства, запись этих деяний заполнила бы страницы проплаченных клеветников; но современники, которые слишком хорошо любили Элагабала за его щедрость, обаяние и красоту, знали бы лучше. Поэтому единственным выходом для писателей было нападать на личные привычки, о которых внешний мир знал мало и

заботился меньше, потому что эти привычки не касались никого, кроме знакомых мальчика, которые были совершенно свободны уйти, если им не нравились его манеры или разговор.

Что касается более поздних составителей императорских историй, то следует упомянуть Зосима и Зонараса, редакторов Кассия Дио в XII веке, которые, однако, мало что добавили к нашим знаниям. Они представляют определенную ценность, поскольку опускают многие скандалы, о которых говорилось ранее, то же самое можно сказать об Аврелии Викторе и *Breviarium* Евтропия.

Церковные историки почти не упоминают об этом периоде; их не беспокоили гонения, у них не было императора или префекта, чтобы злоупотреблять. На самом деле они были так заняты изобретением трудности дифтонга и развитием паулинских теорий об учении и положении Христа, что у них оставалось мало времени на реальные факты жизни и прогресса вокруг них. Ориген - небольшое исключение, но тогда его гордость была польщена вызовом в суд, где, как рассказывает Евсевий, он обсуждал астрономическую теологию с прорицательницей Юлией Мамаей, которая, похоже, подражала своей тетке Юлии Пии в этих вопросах. Гордость Оригена была еще более уязвлена достоинством преторианского эскорта во время путешествия в Антиохию - об обратном путешествии он не упоминает - что, безусловно, было самой удивительной честью, которую хотелось бы подтвердить не только священнослужителями.

Другие литературные авторитеты, такие как Секст Руф, Орозий, Иоанн Антиохийский и Иорданис, хотя и уступают по весу, очевидно, получили часть информации из источников, отличных от тех, что открыты для *Scriptores*, и их утверждения можно принимать с осторожностью, если только не показать, что они иррациональны и противоречат известным фактам.

Когда все собрано воедино, общая сумма записанной истории, как говорит мистер Коттер Морисон[50], оказывается в определенной степени скудной. Исследование различных разрозненных записей в свете того, что известно о движениях и тенденциях эпохи, в сочетании с психологией характера мальчика - это и должно быть ключом ко многому, что на первый взгляд кажется противоречивым и неясным в скандалах, о которых сообщается - ни один из которых, как сказал Нибур, не может быть исторически обработан с чем-то похожим на гарантию точности. В этой части биографии Лампридий сам по себе очень полезен. В ходе своей ярости он постоянно опускает аллюзии и наблюдения, раскрывающие характер, инстинкты и религию, которые он совершенно не в состоянии понять, и может только злобствовать с яростью, достойной лучшего дела. Его ярость очень удачна, поскольку она оставила путь для психологии и науки, чтобы объявить злоупотребление, как мы теперь знаем, злобным и неправдивым.

Доказательства из судебной практики того времени, конечно, неудовлетворительны. Позднейшие кодификации оставили нам лишь несколько датированных законов царствования, которое входит в золотой век римской юриспруденции. Ульпиан, Папиниан и Павел не были людьми, которые могли бы допустить разрыв в порядке правопреемства, и хотя Ульпиан, предположительно, был изгнан в связи с Александром, это произошло не ранее чем через несколько месяцев после смерти Элагабала. Остается достаточно свидетельств того, что империя не нарушала совершенной автономии юриспруденции, правосудия и правительства на протяжении всего периода, который Форке де Дорн[51] назвал псевдонимом "царствование военной анархии".

Козн и Экхель имеют огромное значение для максимально точного определения хронологии этого периода благодаря своим записям о медалях и монетах этого царствования. То же

самое можно сказать и о надписях, которые избежали вандализма со стороны врагов императора. Дюруи в своей великой истории не желает придавать медалям большого биографического веса, сравнивая их с правительственными журналами всех времен, которые дают только отчет о событиях, увиденных через официальные очки, и на которые можно полагаться так же мало, как на опубликованные на сайте бюллетени о победах: Например, парфянская медаль Макрина, свидетельствующая о великой победе римских войск над Артабаном; на самом деле это колоссальное поражение, за которым последовал мир, причем последний был куплен позорным для народа и оружия Рима образом.

Надписи, к сожалению, немногочисленны, что объясняется яростью, с которой Александр и его родственники преследовали память Элагабала. Несомненно, это не было чем-то новым - призывать сенат к глумлению над памятью убитого соперника. Фактически это была одна из важнейших функций этого органа в обсуждаемый период. Редко когда эта работа выполнялась так тщательно и эффективно, что говорит о рвении Александра и средствах, которые он потратил на искоренение всех упоминаний о памяти Элагабала.

Труды Вальсеккия[52] и Турре[53] из числа ученых семнадцатого века проливают свет на тему продолжительности правления Элагабала. Отношение Тристрана[54] демонстрирует рабство традиции; некоторые поправки Сомайса[55] показывают ту же тенденцию, несмотря на его обычную беспристрастность; на самом деле все приняли традицию нечестия без малейшего сомнения в ее *fons et origo*. В этой работе предлагается взять тексты в том виде, в каком они существуют, и попытаться на основе их невольных утверждений о психологии мальчика уличить их в неправде. На основании их бездоказательных обвинений в тайных преступлениях показать, что реальных преступлений по большей части не существовало, и переложить бремя всех бед, покрывших имя этого императора, на плечи его родственников и убийц, для которых одних было жизненно важным уничтожить его честную славу перед миром, который его любил. О том, что мир его любил, несмотря ни на что, свидетельствуют многочисленные следы. Блудные императоры всегда были обожаемы, как и их преемники, нечестивые папы. Человек был слишком близок к природе, чтобы осознавать стыд, и настолько инфантилен, что любил удивляться. Такова была схема Элагабала: он забавлял свой народ и одновременно удивлял его.

Весь дух терпимости к необычному затрудняет наше представление о Риме. Современные чернила приобрели румянец Нерона; но каким бы чувствительным ни был писатель, как только перед ним оказывается римская история, он может нарушить ее, может даже подарить ей ребенка, но никогда не сможет сделать ее безупречной. Он может пропустить, правда; и именно потому, что он так часто пропускал, вы можете вообразить, что Август был непорочен. Огненный дождь, обрушившийся на города, отразившие свои башни в Горьком море, с таким же успехом мог бы обрушиться на него, на Вергилия, на Калигулу, Нерона, Оттона, Вителлия, Тита или Домициана[56], зачем же осуждать одного лишь Элагабала, не услышав его, если не считать того, что его родственники ненавидели его, и, насколько мы можем судить, ненавидели без причины, или, возможно, потому, что он становился слишком сильным, и его злосчастная болезнь дала им возможность получить ту власть, к которой женщины стремились, как к мрачной смерти?

ГЛАВА II

СЕМЬЯ ИМПЕРАТОРА МАРКА АВРЕЛИЯ АНТОНИНА

Великие дома, говорит один историк, завоевывают и теряют незыблемую славу менее чем за столетие; они распускаются, распускаются, расцветают, приносят плоды; из безвестности они поднимаются, чтобы господствовать над своей эпохой, вписать свои имена в историю, и через сто лет уступают место другим, которые в свою очередь занимают сцену, а сами сходят на нет и живут дальше незначительные, отставные, неизвестные. Так было в некоторые эпохи, но не с императорскими домами Рима. Их взлет на сцену был метеоритным по своей стремительности. За одно поколение возвысились и полностью исчезли многие из тех семей, которые претендовали на римский пурпур, особенно возрожденный дом Антонинов.

На границах Оронта, в той части Сирии, которая известна как Финикия, расположен маленький, неприятный и меланхоличный городок, который сегодня носит название Хомс, или Хемс. Это сооружение из желтых и черных камней, перемешанных с грязью и соломой, место встречи курдов, бедуинов и туркоманов. Это разрозненная деревня, где грязь, убожество и нищета свидетельствуют о отсутствии торговли, дорог и контактов с внешним миром. На небольшом расстоянии от нее находятся руины древнего замка, построенного крестоносцами, чтобы контролировать путь в Антиохию. Только здесь можно найти следы плодотворной жизни, своего рода оазис зеленых садов, простирающихся вдоль берега реки в направлении того, что когда-то было изящной и прекрасной столицей монархии Элагабала, знаменитый город Эмеса, прославленный при независимых царях-первосвященниках из рода Сохемаиса великолепием своих дворцов и пышностью своего храма, а также тем, что он был штаб-квартирой поклонения Богу богов, Элах-Гебалу, или Ваалу, что является более привычным для христианского слуха именем. Для нас главный интерес в этой жалкой деревушке заключается в том, что она является родиной той расы сирийских императоров, которые правили Римом в период его величайшей славы и процветания - в период, когда великолепие Пурпура достигло своего апогея. Рим наблюдал за крещендо, которое нарастало с веками; его кульминацией стал возрожденный дом Антонинов; но напряжение было слишком велико, что-то сломалось, и ничего не осталось. Так было и с Эмесой: ее великолепие печально дожило до двенадцатого века, а затем было поглощено, как и ее дом, великим землетрясением, которое опустошило эту часть Сирии, а также менее известные участки земной поверхности.

О ранней истории наследственных царей-первосвященников Эмесы известно немного. Страбон говорит нам, что, как и у соседних иерусалимских государей, их происхождение было сакральным, к которым функциям они присоединили титул и юрисдикцию светских правителей после распада монархии Селевкидов.

Самыми известными принцами из эмесской династии царей-первосвященников были Самсигерам и его сын Иамблих, друг Цицерона. Во время войны между Октавием и Антонием этот принц обнаружил, что взял в руки оружие не на той стороне, и был убит Антонием, опасаясь предательства. В 20 году до н. э. Август восстановил царство Эмеса в пользу сына Иамблиха, которое, несомненно, продолжалось до времени Веспасиана, согласно Фрëлиху, и, вероятно, до Антонина Пия, во время правления которого мы имеем первые известные императорские монеты Эмеса (Eckhel). Царство было небольшим, а богатства, за исключением доходов, поступавших в качестве религиозных приношений, незначительными, что, несомненно, заставило правителей того времени смиренно уступить перед наступающими руками вселенского императора, который взамен оставил царям-первосвященникам определенную долю политической, а также присущей им религиозной

власти, подобно тому, как он оставил семье Ирода номинальную монархию вместе с поддержкой аналогичной вавилонской религии. Безусловно, слава о храме в Эмесе и оракуле Белоса в Апамее была широко распространена, а наследственный первосвященник в год благодати 179 был проницательным джентльменом.



Монета Антонина Пия, отчеканенная в Эмесе (Британский музей).



Монета Марка Аврелия Антонина (Каракаллы) (Британский музей).

[Лицевая страница 26.](#)

В первый год правления императора Коммода командовать четвертым скифским легионом, расквартированным в Сирии, по всей вероятности, как считает Петр, в самой Эмесе, был назначен африканец Септимий Северус, уроженец Лептис Магна в Триполи, родившийся в 146 году, а значит, в возрасте около тридцати трех лет.

Был ли он в то время вдовцом, точно неизвестно. Ранее он был женат на женщине по имени Марсия, но поскольку известно, что детей от нее не было, вероятно, что к этому году она либо умерла, либо отеклась от него.

Первосвященником того времени был - согласно двум упоминаниям в Эпитоме Аврелия Виктора - некий Юлий Бассиан, происходивший по наследственной линии от вышеупомянутого Иамблиха. Конечно, он не был плебеем, как с некоторой усмешкой говорит Дион, говоря о происхождении своей дочери, если, конечно, Дион не имел в виду сравнение с тем рангом, которого она в итоге достигла.

Безусловно, это была счастливая случайность, что Бассиан обладал не только мудрым пророком, но и суеверным командиром оккупационной армии, и был достаточно проницателен, чтобы использовать и то, и другое для чудесной выгоды своего дома и рода. К сожалению, у него не было достаточно взрослой дочери для немедленного брака. Предполагается, что старшей из них, Домне, было всего девять лет, она родилась в 170 году, в то время как ее сестра Маэса, предположительно, была несколько моложе.

Но вернемся к оракулу. В год 179 года, когда Септимий оказался в мирной провинции, в статусе *гарсона* и был очень любим, он заинтересовался брачными дочерьми важных персон, как и большинство молодых людей с амбициями в их более расчетливые моменты, и - будучи религиозным человеком - решил посоветоваться с богами, особенно со знаменитым голосом, который говорил так близко. Здесь он узнал, что старшей дочери Бассиана, согласно ее гороскопу, принадлежит право сделать царем того, за кого она выйдет замуж. Это была амбициозная высота, к которой стремился Септимий, и амбиции, которые стоили бы ему жизни, если бы Коммод узнал об этой сделке. Тем не менее, будучи человеком благоразумным и в то же время честолюбивым, он решил не упускать ни единого шанса. Он сделал то, чего ожидал Бассиан, - потребовал руки дамы и добился ее возвращения.

В какой день состоялся брак, точно не известно; в Дионе есть два упоминания, которые исключают друг друга. Первое гласит, что императрица Фаустина (которая, кстати, по словам того же Диона, умерла в 175 году) сама приготовила им брачное ложе в предместьях храма, что звучит крайне неудовлетворительным началом для обычного брака. Но поскольку он только что сказал нам, что в вышеупомянутом году даме было пять лет, крайне маловероятно, чтобы ее брачное ложе было подготовлено кем-либо или где-либо еще в течение некоторого времени, тем более что нет никаких признаков того, что Септимий слышал об этой даме до 179 года, когда он обратился к оракулу. Опять же, Дион предполагает, что Марсия умерла только после того, как Септимий был назначен губернатором Лионской Галлии около 187 года, так что ее муж мог играть с астрологией, мудрыми пророками и прочими вещами только до того времени, когда должен был быть снят запрет на крепкий брак. Возможно, даже Дион, когда он притягивает императрицу Фаустину, ссылаясь на первый брак Септимия, или, как было предположено, вся эта история с была сном либо Септимия, либо Диона, возможно, обоих, поскольку оба были сильно увлечены подобными процессами. Учитывая так называемый скандал против характера дамы, ее склонности, а также то, что ее старший сын Бассиан родился в Лионе 4 апреля 188 года, вполне естественно заключить, что брак состоялся весной 187 года, хотя обещания могли быть даны, когда ребенку было девять лет или около того, а сам брак отложен до семнадцати лет Юлии, и Септимий развлекался в промежутке, как солдаты. Следует признать, что, поскольку сведения о его ссорах ограничиваются двумя, он был более осмотрителен, чем большинство представителей его профессии.

Его выбор жены, если он был сделан по необычным причинам, был более чем удачным. Мало у кого из императоров были более знаменитые дамы или более полезные супруги, чем Юлия Домна Пия, дочь Бассиана, проявившая себя перед Септимием. К счастью, в новой должности ей помогал не только гороскоп. Даже губернаторство в Лионской Галлии было важным постом, и там у нее было большое поле для использования ее остроумия,

образованности, красоты и мудрости, в дополнение к ее сиропфиникийской приспособленности к любовным интригам. Благодаря такому сочетанию семья стала известной на всей территории империи Пертинакса, что позволило им после убийства этого императора взять на себя роль мстителей, освободителей Рима, спасителей империи, у которой теперь было три головы, но не было полководца.

Именно Юлия, как уверяет нас Капитолина, решила, что ее муж должен принять пурпур; именно Юлия первой среди императриц стала Домной, или Госпожой, Матер Кастрорум, Матер Сенат, Матер Патрия, Матер Тотиус Попули Романи. Конечно, она имела печальную славу матери Каракаллы, и поздние авторы (см. Тертуллиан *ad Nationes*) упрекали ее во многих неосторожностях, даже обвиняли ее в заговоре против мужа; но Дион, который отнюдь не пристрастен к ней, не упоминает ни одного из этих обвинений, и нелепость последнего ставит под сомнение, по крайней мере, общеизвестность первой истории. В любом случае, ее возвышенный ум, четверо детей и высокое положение, даже в сочетании с ее согретой солнцем натурой, должны были защитить ее от всего, кроме случайных развлечений, о которых она, возможно, предпочла бы, чтобы ее муж не знал. Настоящая слава Юлии зиждется на ее характере математика, астролога и мудрого советчика. Плоды ее образованности и философии были переданы на все времена ее другом и соратником Филостратом, посвятившим ей "Жизнь Аполлония, чудотворца из Тианы, тауматурга", чья жизнь и чудеса, как предполагается, составляют столь значительную часть традиционной жизни Иисуса в том виде, в каком она существует сегодня.

Во дворце Юлия Домна собрала вокруг себя кружок ученых людей, где обсуждались все темы, откуда, по всей вероятности, черпнул свое представление о *Deipno sophistae*. Это был круг риториков, юристов, астрологов, врачей, философов и историков, в который входили такие люди, как Кассий Дио, Ульпиан, Папиниан, Павел, Гален и Филострат - одно это имя говорит о серьезности дамы и совершенстве ее вкуса. Если, таким образом, можно приписать хоть какую-то правду рассказу о ее слабостях, то самое худшее, что можно представить о благочестивой Юлии, это то, что, подобно королеве-девственнице этой страны, она проводила свой досуг так, как подсказывали природа и темперамент, в то время как главным делом ее жизни было общественное, политическое и философское. Многие, подобно Бейлю, веселились над плотскими анекдотами, хотя, конечно, для истинного суждения о ее характере сохранение одного-единственного разговора с Филостратом Лемносским стоило бы записи тысячи скучных интриг-догадок, знакомство с которыми породило презрение.

Кроме того, Северус жил в лоне своей семьи, точнее, семьи своей жены, Бассианов. Вместе с двумя сыновьями и двумя дочерьми в Рим примерно в 1600 году н. э. приехала семья сестры его жены Юлии Маэсы, дамы, для которой судьба не составила императорского гороскопа и которая, как следствие, не имела права быть столь же честолубивой, как ее сестра императрица. Однако Маэза была столь же красива, столь же умна и столь же решительно настроена на восхождение, если только оно возможно. По ее мнению, Рим был местом, где можно было сколотить состояние, если у тебя были императорские связи, поэтому Маэза приехала в Рим. В раннем возрасте она вышла замуж за проконсула Юлия Авита, отнюдь не выдающегося государственного служащего. Тот факт, что он последовательно управлял Азией, Месопотамией и Кипром, а в 209 году был консулом, говорит о доверии, которое ему оказали. Похоже, что он жил в Риме в своем особняке на Эсквилине - согласно Ланциану - с 193 года, что предполагает, что он уже был человеком с достатком и положением, который считал себя оправданным из-за своего отношения к императорскому дому, отказавшись от управления провинциями, хотя проконсульство ни

разу не было невыгодным владением даже для самых честных людей. Геродиан наиболее полно свидетельствует о богатстве семьи, заставляя нас предположить, что Маеса прекрасно понимал, что "бедность нигде не рекомендуется", и соответственно накапливал деньги.

В рассматриваемый нами период политические способности Маэсы, по-видимому, не имели практически никакого значения. В то время ей было нужно золото, и она собирала его на крайний случай. Эту чрезвычайную ситуацию ей уготовила судьба при императоре Макрине, и она получила возможность с пользой использовать свои золотые и государственные запасы как при Элагабале, так и в первые годы царствования Александра. Тогда она получила свободу и показала себя в своем истинном свете, такая вдовствующая императрица по китайскому образцу, жадная, с ужасным стремлением к власти, авторитету и командованию, о котором Юлия с большим здравым смыслом и не помышляла. Это было желание, которое она должна была удовлетворить ценой своих сокровищ, своей популярности - если таковая у нее вообще была - даже ценой крови собственных детей. Семья Маэсы состояла из двух дочерей, сыновьям которых предстояло стать знаменитыми императорами, людьми, чьи имена живут благодаря их эксцентричности, хотя их деяния - всего лишь далекие предания, о которых яростные дискуссии прославляют историков. Из двух дочерей старшая, Соамия, или Симиамира, была меньше политиком, в ней было меньше расчетливости и самообладания, которые были так сильны в ее матери и сестре, обе они были женщинами с истинным инстинктом куртизанки, способными обратить свои похождения на пользу. Соамия, конечно, не была правительницей. Она была живой, страстной, человеческой женщиной, полной радости жизни, щедрой как на добро, так и на зло, мужественной, по словам Геродиана. По общему мнению, она была сладострастна, предана тем, кто ее любил, готова отдать жизнь за любимого сына. Женщина, которая должна была пользоваться популярностью у мужчин и быть ненавидимой своими сестрами всегда, как за свои достоинства, так и за недостатки. Для такой натуры положение в государстве, которое приписывает Лампридий, было бы совершенно невозможно. Этого не подтверждают и существующие надписи, в которых Соамия всегда занимает второе место после Маэсы, за исключением сената по квириналу, который был ее особой заботой.

Соамия вышла замуж примерно до 204 года за Секста Вария Марцелла. Он, по словам Диона, был уроженцем Апамеи и человеком довольно известным. Уже в 196 году мы слышим о нем в должности прокуратора Акварума, и его продвижение по службе, чему, предположительно, способствовала его связь с царской властью, было очень быстрым. Пройдя через обычные ступени прокурорских должностей, он в раннем возрасте достиг звания префекта, а затем и вершины амбиций - преторианского класса сенаторского ордена. К моменту смерти он был близок к завершению своего срока полномочий в качестве *Legatus Legionis III. Augustae, Praeses provinciae Numidia*, или, возможно, только что освободил эту должность; по крайней мере, так читается надпись согласно Домашевскому, который относит его смерть к 217 году н.э. Молодая пара, по-видимому, имела поместье в Веллетри, городе в двадцати пяти милях к югу от Рима; здесь же была найдена погребальная надпись Вария Марцелла, сделанная некоторое время назад. О том, оставляли ли префекторские обязанности мужа Соамии много свободного времени, можно судить по утверждению всех авторитетов, что она проводила большую часть времени со своей теткой при дворе, что вряд ли могла бы делать, если бы ее муж был в Веллетри. Эхгель ставит вопрос о количестве ее детей; он ссылается на Билингу Мармора, которая содержит надпись: "*Julia Soaemias Bassiana cum filis*", но поскольку это единственное упоминание о детях, не считая самого Бассиана, остальные остались в забвении. Вероятно, это упоминание стало причиной не одной из многочисленных скандальных историй, связанных с ее именем. У нее точно был

один сын, Варий Авит Бассиан (иногда его также называют Лупус). Был ли он первым, вторым или последним, мы не знаем. Разные авторы дают мальчику разные имена в раннем возрасте; немногие сходятся даже в вопросе о годе его рождения. Дион говорит, что он родился 1 октября 204 года. Иродиан, по непонятной причине, относит его к 201 году, а Аммиан Марцеллин и Юлиан предполагают, что местом его рождения была Эмеса, что представляется крайне маловероятным. Само происхождение Бассиана остается неясным из-за репутации, которую приобрела его мать за время своего пребывания в Риме. Конечно, ее кузен Каракалла восхищался ею, но он восхищался большинством женщин такого типа, и если верить скандалам, Соамия была не прочь провести время в любовных беседах со своим очень энергичным кузеном, да и вообще с любыми другими сильными и здоровыми солдатами, заполонившими императорские предбанники. О таком положении дел, похоже, хорошо знали в Риме, о чем свидетельствовала весталка, которую Каракалла, не сумев насиловать, сжег заживо, протестуя против ее невинности на том основании, что Соамия не позволила Каракалле насиловать ее, когда он попытался это сделать.

В каком-то смысле для ее сына было несчастьем, что никто не мог точно установить отцовство Бассиана - возможно, его мать в первую очередь, - хотя, с другой стороны, именно эта неопределенность имела свою особую пользу в психологический момент. Конечно, обнаружение того, что у нее были и другие дети, в то время как на первый план выходит один Бассиан, подтверждает официальную версию о том, что ее привязанность к Каракалле не была бесплодной, а имя Бассиан, которое носил ее сын, было именем, под которым Каракалла всегда был известен до момента своего провозглашения и даже после него. Во всяком случае, нет ничего неправдоподобного в императорском отцовстве, о котором упоминают все авторы, некоторые - как о предположении, некоторые - даже как о факте, с очень малой вероятностью выяснения арканы обстоятельств. Нет и не может быть, во всяком случае, с медицинской точки зрения, никакой правды в отвратительном предположении Лампридия, что мальчика называли Варием из-за разнообразия господ, участвовавших в его *мизансценах*, особенно когда Лампридий знал, если он вообще что-то знал, что муж дамы был по имени Варий. Что, таким образом, было естественнее, чем то, что мальчик должен был носить эту фамилию наряду с другой, принадлежавшей его родному отцу - императору Бассиану?

Предполагаемое место рождения, конечно, остается загадкой. Зачем Соамии понадобилось совершать долгое и утомительное путешествие в Эмесу, когда она могла бы гораздо лучше провести время в Риме, так никогда и не было объяснено. Даже если роды были случайностью, которую она хотела скрыть от мужа, зачем ехать в Эмесу, где она была наиболее известна за пределами Рима и где люди могли общаться так же хорошо, как и в императорском городе? Возможно, ее муж отсутствовал на военной или гражданской службе слишком долго, чтобы люди не заговорили об этом интересном событии (в некоторых провинциях срок пребывания в должности составлял пять лет), и это позволило бы предположить, что вещи лучше не раскрывать, но даже тогда в самых благополучных семьях происходило множество подобных происшествий. Никто не будет шокирован, ее семья находилась в слишком хорошем положении, чтобы допустить подобное проявление чувств; она была замужней женщиной и могла претендовать на защиту этого состояния жизни в Террачине, или Байе, или на любом другом морском курорте, пока время не пройдет благополучно. Кажется, нет ни одного предположения, которое соответствовало бы намеку Юлиана. Возможно, это правда, хотя мы не видим никаких земных причин для такого путешествия, и в отсутствие подтверждений мы можем сделать вывод, что, скорее всего, это просто вольный способ сказать, что семья человека принадлежит к определенной деревне или острову, не подразумевая, что человек, о котором идет речь, сам родился там.

Возможно, это даже способ принизить рождение того, чья память была предана забвению, сказав, что он был простым провинциальным ничтожеством, в то время как рождение его убийцы и преемника превозносится и возводится в великое великолепие с помощью косвенной неправды, чтобы доказать, что он полностью *sapax imperii*.

Второй дочерью Юлия Маеса была Юлия Мамаеа. Еще находясь за границей со своей семьей, она вышла замуж за другого сирийца, по имени Гессиан Маркиан, уроженца Арки. О нем ничего не известно, кроме утверждения Диона, что он не раз занимал должность императорского прокуратора. В результате этого брака Мамаеа *получила capitis diminutio* из-за более низкого ранга мужа, но благодаря привилегиям, полученным от Севера и Каракаллы, ей было позволено сохранить свой сенаторский ранг. Об этой восхитительной женщине не известно ни об одной из слабостей, столь распространенных среди ее семьи и родственников. Она жила и умерла, являя собой образец непоколебимой честности. Это жеманство она довела почти до иезуитской крайности, когда воспользовалась своей репутацией и богатством, чтобы добиться убийства племянника, которого она так не одобряла и убийство которого принесло бы ей материальную выгоду. Есть, конечно, история об одной неосторожной связи с Каракаллой, с помощью которой она согласилась добиться популярности для своего сына. Она, как и ее сестра, претендовала на то, что была любовницей Каракаллы, а Алексиан, как и Бассиан, - на то, что стал результатом слишком пылких объятий этой кузины. Это признание, несомненно, объяснялось скорее лицемерной аффектацией порочности, вызванной политическими требованиями момента, чем тем, что ее холодная и величественная красота не поддавалась искушению слишком пылкого кузена, предложив ему те соблазнительные возможности, которые он мог так легко получить в другом месте. Тем более что принятие на себя этой роли искусительницы могло вызвать у нее в последующей жизни все упреки в неправильно проведенной юности, а жертва оказалась невелика. Возможно, следует упомянуть мнение Дексиппа о том, что мальчики Вассиан и Алексиан были двоюродными братьями *по отцовской линии*, что, как мы знаем от теологов, когда они подгоняют факты под теорию, то же самое, что братья по одному отцу. Безусловно, красота Мамаи поразительна. Как мы видим на ее бюсте в Лувре, она - младшее издание своей тети Юлии, возможно, без человечности и мягкости, выраженных на портрете этой дамы, который можно найти в Ротондо в Ватикане, но между ними есть реальное сходство. Обе, хотя и сирийки по расе, имеют удивительно западный тип, в то время как черты Юлии Соамии - статуи, изображающей ее как Венеру Коэлестис, также находящейся в Ватиканском музее, - явно более восточные. Форма Соамии очень красива, хотя надо признать, что ее голова и руки больше отвечали бы вкусу Рубенса, чем нашим современным прерафаэлитским представлениям о привлекательности. История Соамии, однако, не оставляет сомнений в том, что все мужчины считали ее более привлекательной в то время; и, конечно, если хотя бы часть историй о ней правдива, она должна была быть столь же очаровательной, как и богиня, в чьем облике она была изображена.

Перед нами главные действующие лица политической революции 218 года н. э., революции, которая сместила Мавра, любимца сената, и заменила дом Северуса, любимца армии, на той вершине, где балансировали молодые императоры старого Рима, - вершине с обрывом по обе стороны.

Во-первых, это *императрица Юлия Домна Пия*, умная, остроумная, проницательная и красивая.

Затем ее сестра, *Юлия Маеса, Святая*, - так описывается ее религиозность, - вдова Юлия Авита, богатая, жесткая, хитрая и властная, но, как показывает ее дальнейшая история, женщина с политикой и безграничной решимостью. Затем две ее дочери.

(1) *Юлия Соамия Бассиана*, жена Вария Марцелла, красивая, сладострастная, религиозная, невротичная, мать Элагабала, женщина с небольшими политическими устремлениями, наклонностями или способностями.

(2) *Юлия Мамайя*, праведная (за исключением случаев, когда другие дела оплачивались лучше), классическая, холодная, расчетливая, философски настроенная, слегка интересующаяся христианством и преданная интересам собственной семьи.

И, наконец, два последующих императора, их сыновья: *Варий Авит Бассиан*, импульсивный, ласковый, упрямый ребенок около тринадцати лет, с наследственной сексуальностью, невротической религиозностью и жизнелюбием матери; и *Алексиан*, ребенок около девяти лет, сын Мамеи и носитель ее репутации, о котором подробнее будет рассказано позже.

Давайте в общих чертах проследим действия и перемещения этой семьи со смерти императора Антонина Каракаллы до начала движения, которое поставило на его место его, по крайней мере, предполагаемого, сына.



Медаль Юлии Домны Пии, императрицы (Британский музей).



Монета Юлии Маэсы Августы (Британский музей).



Монета Юлии Соамии Августы (Британский музей).



Монета Юлии Мамеи Августы (Британский музей).

Без сомнения, семья жила в Риме спокойно и деликатно во время правления Септимия Севера и его сына, росла в мудрости, росте и процветании и, насколько нам известно, пользовалась благосклонностью Бога и людей, пока трагические события 217 года не привели к тому, что судьба семьи внезапно и решительно рухнула. Обстоятельства смерти Каракаллы были типичны для той эпохи правления. Как правило, нож давал то, что уносило блюдо с грибами. Правление Каракаллы было в высшей степени жестоким и суровым, но его обожала армия, с которой он жил и работал не как император, а как товарищ. Для них он никогда не мог сделать достаточно привилегий, для них казна истощалась, а города превращались в кладбища, чтобы они могли завладеть добычей. Сражаться было для него так же естественно, как для тигровой кошки; и, сражаясь, он умирал. Именно для проведения кампании против парфян император и двор переехали в Антиохию в Сирии, где Юлия, его мать, исполняла обязанности государственного секретаря, в то время как император, словно пантера, носился по разным городам Месопотамии. Во время исполнения своих обязанностей в ее руки попали письма, предупреждающие о заговоре против жизни ее сына.

В то время при армии находился префект Опилий Макрин, мавританский юрист низкого происхождения и педантичных привычек. Он был прокуратором при Плаутиане, так называемом предателе, которого ненавидели и Юлия, и Каракалла. После убийства Плаутиана Макрин был удостоен почестей Севера и до сих пор пользовался большим расположением императора, хотя тот, по словам Диона, относился к нему как к шуту. Макрин мечтал, чтобы пурпур достался ему, и в этом его поддерживал африканский астролог Серапион, который был достаточно любезен, чтобы предсказать скорую кончину Аврелия Антонина в пользу Макрина.

Юлия немедленно отправила депеши с изложением происходящего своему сыну, который, как обычно, отсутствовал в городе. Когда они прибыли в лагерь, Каракалла как раз садился на колесницу и отдал приказ отнести почту сначала Макрину, который просеет ее содержимое и принесет императору только самое необходимое. Так Макрин узнал, что его предательство раскрыто и смертный приговор за настоящую или мнимую измену неминуем, и решил избавиться от этой неприятной уверенности без промедления. Через несколько дней он нашел недовольного человека, готового выполнить его работу, - центуриона Марциала, чей брат, по словам Геродиана, был недавно казнен за какое-то военное преступление, или, по версии Диона, потому что был разгневан своим собственным запоздалым повышением. Эти двое обсудили вопрос и решили уничтожить взаимную обиду, поручив это дело Марциалису.

Возможность представилась 8 апреля 217 года, когда Каракалла отправился в путешествие, чтобы посетить храм Луны в Чаррае в Месопотамии. По дороге ему пришлось сойти на берег для облегчения естественных нужд, и он немного отвлекся от своего посоха, оставив себя без защиты. Мартиалис увидел свою возможность. Под предлогом того, что его позвали, он подбежал и ударил беззащитного императора в спину, а затем скрылся, за ним последовали немецкие офицеры, которые сразу же узнали о случившемся. Он стал кошачьей лапой и понес наказание, которое Макрин предвидел. Четыре дня спустя, и, к несчастью, армия предложила империю тому же Макрину, мало задумываясь о том, какую роль он сыграл в трагедии, о которой они сожалели, желая получить лишь лидера против приближающихся сил царя Артабана. Как обычно, по словам Геродиана, сенат вздохнул с облегчением, когда император умер. В своем убогом состоянии они были слишком озабочены тем, чтобы менять хозяев как можно чаще. С недостатком политического смысла и способностей, которые так

хорошо заслужили то обращение, которое они получили от рук своих тиранов, этот августейший орган постоянно предпочитал - с полным отсутствием государственного мышления - неизвестное известному злу своего будущего.

После смерти Карагаллы Юлия больше всего горевала о потере своего влияния. В течение последней четверти века у ее ног был весь мир, и отнюдь не мир подхалимов. В последнее время она пользовалась верховной властью и, должно быть, имела в своих руках огромное покровительство; естественно, что ее выдвиженцы были людьми, жаждущими ее интересов и поддержки. Дион, кажется, говорит, что ее первой мыслью было самоубийство, как средство избежать потери престижа, но он показывает нам, что ее опасения оказались беспочвенными, так как новый император оставил ее в Антиохии с внешними признаками ее достоинства, не изменившимися. С точки зрения Макрина, это была, конечно, не самая мудрая политика. Юлия, зная, по крайней мере, о его предательстве и при поддержке своей хитрой сестры, воспользовалась неумелым управлением парфянской кампанией и нечувствительной строгостью, с которой этот педантичный юрист сразу же попытался исправить нравы своих молодых солдат, чтобы внушить, что она сама была бы лучшим правителем, чем этот педагог (по крайней мере, так можно понять из Диона, 78-23). В лучшем случае это была химерическая затея, и, поскольку Юлия так хорошо знала свой Рим, она должна была понимать, что в такой обстановке ни у одной женщины не может быть шансов на роль единоличной правительницы. Поэтому естественнее предположить, что если она и пыталась что-то сделать, то это предложить армии какого-нибудь юношу, от имени которого она могла бы осуществлять любимую власть; а кто мог быть более естественным, чем сын Соамии и Карагаллы? Конечно, это предположение, но сообщение о его отцовстве, похоже, уже было за границей, и оно объясняет ту необычайную расторопность, с которой войска приняли мальчика несколько месяцев спустя. Во всяком случае, что-то заставило Макрина передумать относительно целесообразности того, чтобы Юлия и ее родственники дольше оставались в восточной столице. Поэтому он приказал им немедленно вернуться в Эмесу, откуда они были родом. Юлия была слишком горда, чтобы подчиниться авантюристу, которого ее семья вырастила из ничего, или стать после такого величия объектом общественной жалости. Поэтому она решила выбраться из беды, как стоик древних времен. Кроме того, она страдала от болезни, которая до сих пор считается неизлечимой. Смерть приближалась к ней, она вышла навстречу и либо позволила себе умереть от голода, либо пронзила рак отравленным кинжалом. Сообщение о том, что Макринус приказал ей покончить с собой, совершенно не согласуется с другими его поступками в отношении семьи Бассиана.

Маеса, более благоразумная и дальновидная, решила подчиниться приказу буквально и вернулась с овдовевшими дочерьми (Дионами), двумя сыновьями и всеми своими огромными сокровищами в родной город Эмесу, расположенный примерно в 125 милях к югу от Антиохии. Здесь, как мы уже отмечали, семья имела огромное значение не только из-за своего наследственного положения, но и благодаря богатству и имперским связям. Непродолжительное пребывание Макрина на своем посту - это сплошная череда грубых ошибок, среди которых эта - самая бесполезная, сравнимая лишь с несколькими подобными деяниями, совершенными нашей династией Стюартов и последними наследственными королями Франции. Эмеза была единственным местом в Империи, где Маеса обладала реальной властью и авторитетом. Целый город поддерживал ее притязания и осуществлял ее планы с такой преданностью, какой Макринус мог ожидать только от горстки мавров, составлявших его телохранителей.

ГЛАВА III

УЗУРПАЦИЯ И ПАДЕНИЕ МАКРИНА, 217-218 ГГ.

Шаги к империи

Как мы уже предположили, Маэса видела больше возможностей в жизни, чем в получении той лучшей доли, которая никогда не может быть отнята у людей, и это обстоятельство показывает, что она, по крайней мере, не была запятнана растущим суеверием, что мифическая вечность предпочтительнее определенного настоящего. Она быстро подчинилась эдикту об изгнании, который Макрин издал против родственников убитого императора, и, как мы уже говорили, забрала с собой в родной город все свое богатство и имущество. Зимой 217/18 года Макрин приказал семье Бассиана покинуть Антиохию, и именно этот отъезд в конечном итоге стоил ему трона и жизни. Конечно, он должен был знать, что планы по замене дома Антонинов на троне уже созрели. Конечный результат свидетельствует о многомесячной работе, которую выполняли только многочисленные агенты. На самом деле можно предположить, что государственные служащие по всей империи вообще не соглашались на узурпацию Макрина и просто выжидали время. У Макрина был только один безопасный план, если он хотел получить лояльность гражданской и военной партий в государстве, а именно: уничтожить весь дом Антонинов. Вместо того чтобы принять эту разумную и необходимую меру, он просто изгнал родственников Каракаллы, которых солдаты считали своими естественными союзниками, особенно сына и самозванца этого императора, юного Бассиана, которому сейчас было около четырнадцати лет.

У них была не одна обида на Макрина. Во-первых, они чувствовали полный позор парфянской кампании и испытывали отвращение к лживой медали в честь победы, которая, как знал весь мир, была колоссальным поражением. Далее, они были справедливо раздражены ограничениями, наложенными на их обычную свободу. В-третьих, их без всякой необходимости перевели на половинный паек в неудобные зимние кварталы, уменьшили жалованье и лишили привилегий.

Легко представить себе отвращение солдат, оказавшихся в подчинении у простого юридического педанта, вместо их народного кумира и прирожденного вождя Каракаллы, в подчинении у человека, главной целью которого, казалось, было назначение суровых и ненужных наказаний во всем, что касалось обычных удовольствий, присущих их государству и жизни, - правителя, первыми реформами которого было признание уголовными преступлениями тех естественных удовольствий, которые, как считалось, одни только и делали выносливой напряженную военную жизнь. Тристран, цитируя Диона, вспоминает закон, который предписывал сжигать заживо солдата и его любовницу (*junctis corporibus*); или, как акт милосердия, замуровывать их вместе (в одном и том же интересном состоянии) и оставлять умирать от голода и удушья. Это чувство мятежа ничуть не уменьшилось, когда люди узнали, что новый император устраивается в Антиохии, царице Востока, и сравнили это обращение с тем, что они получили от своего друга и товарища покойного императора. Макрин был полон предписаний для других, но полностью проникся юридической максимой о том, что законодатель выше закона. Неудивительно, что молитвы этого воинства были направлены на то, чтобы боги благоволили своим сторонникам и в их ненависти, и в их похотях, молитвы, которые возносились в такой правильной давидовской манере, что Форке де Дорн считает, что попытки, предпринятые даже в этот период против жизни императора, были бы успешными, если бы не верность его соратников-мавров. Макрин, как и другие

солдаты-любители, не признавал власти армии в управлении военной империей. Похоже, он решил, что лучший способ задобрить своих избирателей - это принять титул Северуса и демонстрировать его им во всей строгости. На этом неспособность Макрина как государственного деятеля и полководца не закончилась; он совершил еще большую ошибку, оставив большую и недовольную армию на зимних стоянках в Сирии, частично в самой Эмесе. Номинально эти легионы предназначались для защиты Финикии; на самом деле они поддерживали связь Маэсы с внешним миром и находились под непосредственным влиянием ее активного мозга и безграничных сокровищ, ибо к таковым, как дает нам понять Геродиан, приближались ее трофеи. Мавр и представить себе не мог, какой вулкан он готовит для себя, когда оставил вместе недовольных легионеров, тетку Каракаллы и представителя дома и фамилии Северус: чей титул бастарда отныне стал иметь первостепенное значение для семьи и ее судьбы.

Юлия Маеса не зря прожила двадцать пять лет при римском дворе. Она знала людей, с которыми ей приходилось иметь дело, привыкла наблюдать и размышлять; кроме того, у нее было золото, открывающее сердце человека, и достаточно острый ум, чтобы понять, куда его лучше всего потратить, чтобы получить наибольшую прибыль. Кроме того, у нее был внук, славившийся своей удивительной красотой, живым умом и восхитительным весельем. Для такого юноши нужно было срочно найти работу. Здесь, в Эмесе, как раз было готово то, что нужно, - священническая должность, которая была собственностью семьи. Маэса знала, что высокое положение в Церкви - это приобретение, которое даже в этой жизни приносит доход и приносит пользу обществу. Первосвященство одной из важнейших религий Сирии досталось Бассиану всего лишь за то, что он прошел обряд рукоположения, а вместе с ним и некоторое количество былой княжеской славы этого дома. Не успела семья с видимым горем и скорбью преодолеть расстояние в несколько миль, как Бассиан был наделен семейными должностями, достоинствами и вознаграждениями, а его двоюродный брат Алексиан, скорее всего, был связан с ним как своего рода священник или аколит. Мальчику очень шел образ верховного жреца семитского Элагабала или Бога Солнца, бога богов, созданного без рук, верховного, плодотворного, могущественного и славного. Элагабалу поклонялись под символом огромного черного камня или метеорита в форме фаллоса, который, упав с небес, представлял собой истинную часть Божества, во многом повторяя стиль тех изображений из черного камня, которые популярно почитаются в Нормандии и других частях Европы в наши дни. Сам храм пользовался большой известностью; его знаменитость объяснялась тем, что он представлял величайшую природную силу всех времен, и его великолепие было пропорционально его известности. Золото, серебро и драгоценные камни стекались в него не только из сельской местности и из Иудеи, но и от царей, сатрапов и вассалов со всех восточных провинций. Храм Соломона, хотя и был номинально последним словом в варварской показной роскоши, в Эмесе был легко превзойден по вкусу, богатству и великолепию. Иродиан ярко рисует чувственную красоту поклонения, одевания, музыку, танцы, жертвоприношения и мистерии, и стоит только заменить Иегову на Ваала, и перед нами знакомая сцена; более пышная, более космополитичная, чем иерусалимские мистерии, но одинаково предназначенная для того, чтобы приводить в восторг зрителя и мистифицировать благочестивого человека. Но в то время как Ваал притягивал всех людей в свои теплые, естественные, плодородные объятия, Иегова был в лучшем случае местным божеством, которого никто, кроме тех, кого побуждали племенные нужды, никогда не считал нужным умиловать, не говоря уже о том, чтобы служить ему, по крайней мере, если мы можем составить представление о его значении на основе семитской литературы и философии по сравнению с западной империей.

Во всю эту мощь и чувственную красоту Бассиан вступал гордо, как верховный повелитель, зная, насколько она соответствует его собственному великолепию. Его должны были предупредить, что это лишь средство достижения цели, что здесь у него нет постоянного города; но, к несчастью, в его крови был сильный оттенок мистической преданности, и он сразу же стал энтузиастом своего божества. С первого момента своего появления на сцене юноша всегда один и тот же, импульсивный, восторженный, мистический, над которым постоянно довлеет невротизм, все еще прикрывающийся именем религии. Так и Бассиан превозносил красоту, которая, по его мнению, выражала, пусть и неполноценно, силу его невыразимого божества. Перед ним был Бог, способный сделать человека счастливым и принявший его в свои особые защитные объятия; Бог, который, очевидно, был верховным, единственным и неповторимым, Богом Вселенной. Кроме того, Бассиан превозносил собственную красоту, совершенство, с которым он научился танцевать этот неторопливый танец под поцелуй флейт, облаченный в одежды, подобных которым он не мог себе представить во время своего пребывания в городе цезарей.

Следует помнить, что солдаты Каракаллы зимовали в этом месте, полуголодные, лишенные любви и недовольные, и, как нередко случается с простыми людьми этой профессии, их легко привлекало таинственное и необычное. Вскоре они услышали об этом удивительном мальчике, в лице которого была загадочная красота, разделяемая богами и женщинами; кроме того, ходили слухи, что, в отличие от большинства религиозных деятелей, этот священник был готов больше отдавать, чем получать. Они приходили десятками, чтобы посмотреть и поклониться, и, придя, обнаруживали, что он обладает очарованием беспутных и заблудших, усиленным божественным. На голове у него была диадема с драгоценными камнями, переливающимися, как светящийся ореол, на челе. Его хрупкая туника была из облегающего пурпурного шелка, пронизанного золотом, рукава были широкими, по финикийской моде, и спадали до самых ног, а обут он был в тонкую позолоченную кожу, доходившую до бедер. Многие из тех, кто смотрел на него, должно быть, видели и отмечали его красоту в великом городе Империи, а те, кто поднимался в храм и наблюдал за его обрядами, с каждым днем все сильнее верили (чему, конечно, способствовал хорошо отработанный стимул Маэсы), что видят дитя судьбы. Никогда его красота не привлекала так, как сейчас; никогда солдаты не чувствовали такой потребности в освободителе, как сейчас. Привлеченные слухами, они становились все многочисленнее, пока юноша, почувствовав, что Рим возвращается к нему, не прекратил танцевать и не стал прогуливаться среди своих любимых солдат, разглядывая их смелыми женскими глазами, которые они так любили. Среди солдат был некий Евтихий, которого Ксифилин называл Комазоном, потому что он участвовал в мимах и фарсах. Он был уже немолодым и известным солдатом, служившим во Фракии при императоре Коммодe, и был человеком с растущим влиянием и способностями. Публий Валерий Комазон Евтихий - таково было полное имя этого человека, который был высоко оценен за участие в последующих процессах. Невозможно поверить, что этот человек был всего лишь актером, и, скорее всего, сократитель Диона посчитал нужным ввести немного безвозмездно невозможной информации, когда он отмечает, что Евтихий был всего лишь вольноотпущенником императора и актером. В царствование Элагабала он был один раз консулом и дважды городским префектом, а при императоре Александре снова был назначен на эту же должность.

Этот человек и воспитатель Ганнис, по-видимому, стали средством донесения до забывчивых легионеров двух важнейших сведений. Через них солдатам напомнили, что Бассиан - сын и наследник их убитого товарища, сын императора и его столь же популярной кузины Соамии - этой пылкой женщины с великолепной осанкой, перед которой огонь носили как перед императрицей, но чья благосклонность всегда была на стороне сильных,

чьи пристрастия - на стороне военных. Здесь они снова нашли ее, страстную, как всегда, изгнанную из-за родства с их мертвым вождем, изгнанную человеком, который, как они теперь знали, был его убийцей. И еще они нашли ее богатой. Она старательно распускала слухи о своей щедрости, пока все люди не узнали о кусках золота, которые она готова была отдать любому, кто посадит ее Антонина на трон его отца. Возможно, не один человек в том лагере мог бы найти в чертах молодого священника сходство с собой, но никто этого не сделал. У кусков золота был свой язык, убедительная сила, настолько мощная, что не только Бассиан был признан с неистовой преданностью, но и его менее привлекательный кузен Алексин был принят как его сводный брат, юноша, чье императорское отцовство было по крайней мере столь же вероятным, как и его собственное.

Теперь вопрос заключался в том, можно ли сделать что-нибудь для практического применения этих заявлений о преданности? В начале 218 года легионеры, безусловно, приняли Бассиана как законного бастарда и наследника Каракаллы; истинного Августа, лишённого трона и наследия ненавистным мавром, - человека, который убил их кумира и теперь угнетал их (что, пожалуй, было еще важнее) множеством своих гражданских прихотей.

Планы Маэсы (или Юлии Пии?) уже обретали форму, слишком хорошую, чтобы быть правдой, когда на помощь юноше и его родственникам пришли божественные знамения, которые были привычными предвестниками важных событий. Великий Бог скрыл свое лицо. Елагабал обозначил свое недовольство правлением убийцы затмением, а вслед за затмением явилась комета, дневная звезда свыше (еще один часто повторяющийся знак восхода искупителя и омоложения мира). Эти знамения и предвестия, несомненно, были адекватно объяснены солдатам, и, похоже, они решили искупить свои обещания. В течение четырех дней, по словам Вирта, было решено, что Бассиан должен прибыть в лагерь со своими сокровищами и быть провозглашенным императором всей армией в этой провинции. Конечно, на все это требовалось время. Авторитеты расходятся не только в отношении принятого метода, но и в отношении месяца, в котором произошло провозглашение. Дион определенно утверждает, что Бассиан был провозглашен императором на рассвете 16 мая 218 года. Вирт, критикуя Диона, решает, что провозглашение произошло почти сразу после затмения, которое, как мы знаем из Оппольцера, произошло 12 апреля. Он цитирует слова самого Диона о том, что провозглашение произошло ὑπὸ τὰς ἡμέρας ἑκαίνας затмения; поэтому 16 мая, очевидно, является ошибкой переписчика и означает 16 апреля, поскольку фраза не может иметь значения в течение тридцати четырех дней. Далее Вирт объясняет, что поспешность была очевидной необходимостью, поскольку ни одно войско никогда не оставалось в зимних кварталах до середины мая. Середина апреля в этой провинции была более чем поздним сроком, чтобы объяснить заявление Диона о том, что в том году войска неоправданно задержались в зимних кварталах. Несомненно, предположение Вирта о более ранней дате провозглашения, чем та, что указана в приведенном тексте Диона, является наиболее вероятным; сложность заключается в том, что с 16 апреля по 8 июня, дату битвы, существует период в семь недель, в течение которого активный Маэса, очевидно, ничего не делал; но подробнее об этом позже. Продолжим рассказ. Когда приготовления были готовы, а предзнаменования затмения убедили суеверных, Дион говорит, что Бассиан, Маэса и семья Бассианов с повозками, в которых находились их сокровища, выкуп за империю, покинули город и расположились в лагере в ночь на 15 апреля (или 15 мая) 218 года. Геродиан говорит, что ушли только Бассиан и Евтихий, причем тайком, так как Маэса не знала об окончательных планах, хотя оба согласны, что на рассвете следующего дня первосвященника Бассиана вывели, показали солдатам, одели в одежды, которые носил Каракалла, а затем, когда Макрин был свергнут, Бассиан был избран вместо него императором под именем Марка Аврелия Антонина, Антонини Филиуса, Севери Непоса,

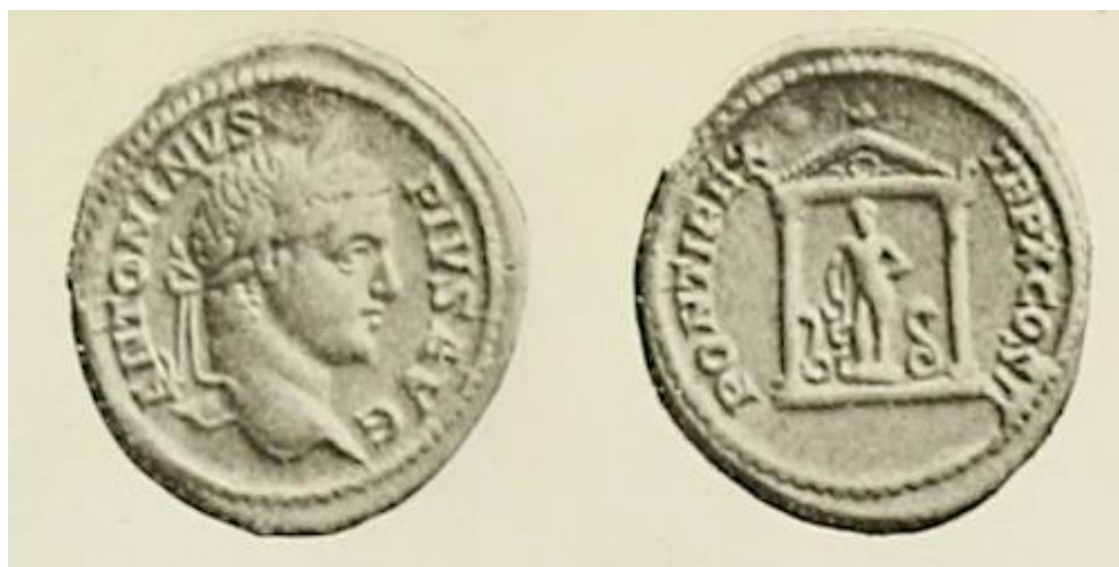
Августа, Пия, Феликса. Геродиан добавляет, что лагерь сразу же был укреплен, как для защиты молодого императора, который, как и его предполагаемый отец, предпочитал лагерь дворцу, так и для противостояния карательной экспедиции, которую Макрин должен был отправить, как только узнает о восстании и мятеже. Весть об этом должна была дойти до Антиохии не менее чем за пару дней, а то и значительно дольше, учитывая, что солдаты позаботились о том, чтобы все происходило в лагере. В свое время Макрин узнал об их дерзости. Он был поражен и возмущен и откровенно сказал об этом. Отчет, который он отправил в сенат, не был приятным чтением ни для кого из тех, кого он касался; но кроме как с помощью пера, номинально свергнутый император не считал нужным делать много. Тем не менее, то, что простой мальчишка с горсткой женщин соблазнил защитников провинции, было нелепо. Нужно было что-то сделать, чтобы показать солдатам, что, хотя Каракалла и допускал такую свободу выбора (чего он, кстати, никогда не делал), он, Макрин, теперь хозяин империи, а значит, и их хозяин. Конечно, это была настоящая буря в чайной чашке, но очень обидно для человека, который думал, что его беды уже позади, что отдых остался для избранных богов. Примечательно то, что Макрин, похоже, был в полном неведении относительно состояния общественного мнения и масштабов заговора по замене дома Антонинов на троне. Когда мы читаем историю феноменального восхождения Бассиана к власти, в ней чувствуется отголосок английской Реставрации. Невозможно объяснить его всеобщий успех иначе, как тем, что чиновники повсюду, равно как и солдаты, признавали в нем законного государя и очевидного правителя. С того момента, как он установил свой штандарт, кажется, не было никакой адекватной оппозиции ни со стороны гражданского, ни военного правительства Макрина; с другой стороны, у Бассиана, очевидно, была партия, организованная в каждом городе и провинции, которую изо дня в день тщательно информировали о его успехах. Не только партия, но и партия, поскольку нет ни одного случая - за исключением Александрии, где Антонины едва ли были популярны - когда легатов Бассиана принимали бы иначе, чем с распростертыми объятиями. Ни один из этих фактов не говорит в пользу положения мавра в государстве. Макрин был склонен переоценивать свою популярность и, конечно, недооценивал влияние молодежи и женщин. Возможно, он не знал тактики женщин и того упорства, с которым они преследуют свои собственные цели; очевидно, он думал, что сентиментальное письмо в сенат, полное самодовольных банальностей, оскорблений в адрес армии и дома Антонины, - это то, что нужно августейшему собранию. До сих пор он не промахнулся; но когда он продолжил сообщать, что у них никогда не возникнет желания желать ему зла, один из сенаторов, Фульвий Диогениан (который, очевидно, был лучше большинства осведомлен о вероятности того, что им придется долго терпеть Макрина), немедленно и с удивительной прямоотой ответил: "Но мы все этого жаждем"; после этого сенат послал армии весть, что их генералу и императору не стоит доверять по нескольким пунктам.

Макрин, однако, не был совсем бездейственным; он, по крайней мере, начал думать. Правда, для себя он предпочел перо мечу, а потом обнаружил, что перо - такое же обоюдоострое оружие, как и меч, только более опасное, поскольку представляет собой документальное свидетельство. Тем не менее он не позволил другим ошибаться подобным образом. Он послал за своим префектом Ульпием Юлианом, чтобы тот присутствовал на его шелковом диване и обсудил дела. В результате этого совещания Макрин решил, конечно же, по доверенности, вселить страх сердца этого "ребенка и идиота", двух его женщин и легиона, который его поддерживал; и где, рассуждал он, будет восстание, когда их надежды, возложенные на ребенка, слишком юного, чтобы знать даже зачатки политики, внезапно разрушатся? Конечно, он хотел бы услышать новости, и да, подумал он, лучше сказать, что голова мальчика в колеснице - камень, мертвый не имеет товарища. Императору было бы приятно узнать, что его соперник мертв. Возможно, глупо беспокоиться о столь ничтожном

экипаже - из этого ничего не выйдет; но все же он почувствовал бы облегчение, если бы Юлиан сразу же отправился в Эмесу.

Мы не знаем, сколько времени Юлиан потратил на приготовления или на путешествие. Судя по пренебрежительному отношению Макрина, вероятно, на него не оказывалось особого давления, хотя, судя по подбору войск, Юлиан, должно быть, считал восстание более важным, чем Макрин утверждал в своем письме в сенат. Главной заботой Юлиана было обеспечить верность Макрину среди людей, которых он взял для подавления восстания. Некоторые неосторожные рассуждения среди людей привели к тому, что несколько человек были казнены еще до начала экспедиции. Юлиан, занимая пост префекта претория, должен был взять с собой изрядный контингент; этого требовал его сан, и, вероятно, его знание политического положения подсказывало ему, что с самого начала необходимо сильное движение. По всей видимости, всего отправилось около трех легионов. Юлиан добавил к своим силам большое количество мавров, если только Иродиан не имеет в виду, что он взял мавританские когорты преторианской гвардии в качестве основного корпуса и добавил к ним других людей; в любом случае, кажется очевидным, что, даже если правительство не узнало о том, что происходит, армия знала, и, следовательно, мавры, как собственные земляки Макрина, считались самыми надежными солдатами для работы, кроме того, они никогда не были слишком придирчивы в своих методах. Есть свидетельства того, что, как бы он ни принижал это движение на публике, Макрин знал, что "Идиот" и две его женщины, скорее всего, будут иметь все шансы и получают хорошую выгоду.

Путь от Антиохии до Эмесы, как мы уже говорили, составляет 125 миль. Сообщение о встрече *в лагере* должно было дойти до Макрина, он должен был настроиться на чрезвычайные обстоятельства, затем назначить Юлиана, который должен был провести инквизицию и другие приготовления, а затем добраться до Эмесы. Предположительно, он мог прибыть с эффективными силами не раньше 28 апреля и не раньше этого дня расположиться для атаки укрепленного лагеря за городом. В первый день, как рассказывает Дион, Юлиан почти взял лагерь в долгом дневном бою; но это была тяжелая работа, и, вопреки ожиданиям Макрина, прибытие Юлиана не вселило страх в сердце "слабоумного и развратного сирийского юноши", который все еще был со своими солдатами и не собирался сдаваться, даже когда солнце начало заходить на запад.



Монета Марка Аврелия Антонина (Каракаллы) (Британский музей).



Монета Марка Аврелия Антонина (Элагабала) (Британский музей).



Монета Макрина, записавшего Викторию Парфику, 218 г. н.э. (С гравюры на дереве.)



Монета Диадумениана как императора, 218 г. н. э. (Британский музей).

К несчастью для Юлиана - и, как оказалось, для его господина тоже, - префект решил, что "наступает ночь, когда никто не может работать", и дал маврам разрешение удалиться в свои ряды на закате. С ними отправились и некоторые эмесские легионеры, проявившие поистине героическое упорство, если только они не были полностью уверены в своих силах. Всю ночь они работали, распространяя свой благовест, разговаривая, убеждая и обещая от имени Антонина и его золота; говорили до тех пор, пока даже осаждающие мавры не поняли, что эти стены хранят не только сына Каракаллы, но и безграничные богатства, которые он готов отдать всем, кто поможет ему достичь трона его отца и их героя. Этого было достаточно. Когда наступило утро, над стенами лагеря появилось видение его августейшей особы, одетой в одежду, которую по цвету и форме можно было узнать как принадлежавшую Каракалле, и окруженной мешками с деньгами. Он стоял, смело и гордо, конечно, в непосредственной опасности смерти от осаждающих, но без страха, в то время как вокруг него поднялся великий крик: "Вот образ вашего благодетеля! Можете ли вы сражаться против него и нас, которые поддерживают его ради его отца?" Сходство, изображенное на монетах, приведенных Коэном (см. монету 8, с. 324, и монету 1, с. 243, т. iv.), весьма примечательно; было ли это просто семейное сходство или полностью отцовское, оно было вполне достаточно для людей, которые на небольшом расстоянии уже были убеждены и жаждали разделить то богатство, которое, как они видели, уже принадлежало другим.

По приказу Джулиана дальнейший бой не состоялся. Солдаты бросили оружие и отказались от битвы с народным идолом. Правда, оставался еще вопрос о головах, но о голове "Идиота" не думали в прежней связи; она была слишком ценна там, где находилась. Именно офицеры Макрина пострадали от рук тех, кто был кандидатом на их должности и кому новый император обещал должность и имущество отставшего. Последним пал Юлиан. Этот верный фаворит свергнутого императора сумел спастись, увидев, как течет вода, но главнокомандующему не так-то просто сбежать, а претендентов на его ответственность и должность, несомненно, было много. Геродиан рассказывает мрачную историю о префекте, которого нашли в укрытии, где ему не дали покоя, потому что его голову хотели использовать не только для командования преторианской гвардией. По коварству завоевателей, она была задумана как благовестие Макрину, выдавая его за голову Бассиана Самозванца.

Но вернемся к Макрину. Юлиан отправился выполнять свою миссию, а император, похоже, волновался все больше и больше; люди, должно быть, рассказывали ему вещи, о которых он никогда раньше не слышал, и он, похоже, дошел до лихорадочного возбуждения, простого желания что-то сделать, несмотря ни на что, действовать, умиловить кого-то, в первую очередь солдат, которыми он пренебрегал и, возможно, немного преследовал. Конечно, все это было ради их блага, но теперь ему нужно было думать о собственном благе, и он отправился в Эмесу. Не то чтобы у него было намерение подвергать опасности свою драгоценную персону, отправляясь куда-то поблизости; но там находился второй парфянский легион, набранный Северусом и очень верный дому Антонина, который зимовал в Апамее, примерно на полпути между Антиохией и Эмесой. Возможно, было бы не лишним дополнить этот драгоценный титул подарками, щедротами и другими привилегиями, особенно в случае с этим легионом Альбано, как его называли, легионом, который находился так близко к опасной зоне и чье дезертирство могло означать для Макрина просто бегство. Золото творило чудеса в Эмесе, но Макрин был не настолько глуп, чтобы ожидать чудес, ему нужны были только наемники; он не хотел больше разговоров о взятках, которые каждый охотно принял бы и с такой же готовностью отказался бы от ответственности, которую он при этом понес. Но, конечно, то, что заплатили в Эмесе, должно было заплатить и в Апамее. Если

там пользовался популярностью мальчик-император Бассиан, то почему бы не поставить ребенка еще младше самозванца; в самом деле, почему бы не сделать его собственного сына, Диадумениана, помощником своего императора? Мальчику уже исполнилось десять лет, и он стал бы достойной противоположностью четырнадцатилетнему "идиоту", чьи юношеские притязания он только что так убедительно высмеял перед сенатом. Кроме того, это стало бы дополнительной гарантией для его семьи, если случится что-то неладное, и дало бы повод для щедрости, которой Макринусу так не хватало. Это был бы повод, при котором никто не мог бы усомниться, никто не мог бы притвориться, что усмехается. Это не было бы и подлым поступком, каким заклеили недавние дела с Парфией. Это был весьма бюджетный план, который этот грузный юрист продумал за столь короткий срок. Путешествие, о котором он не знал, куда именно, здорово подточило его ум, и он не просто составил план, а без промедления привел его в исполнение. Легионы снова радовались своим деморализующим привилегиям и большему, чем они могли надеяться, жалованью. Дион рассказывает, что в день, когда Макрин провозгласил своего сына Антонина и Августа (разумеется, без сенатского патента), он пообещал каждому легионеру 5000 драхм, из которых 1000 должны были быть выплачены вниз. Далее, в письме к сенату, в котором объявлялось о возведении сына на престол, он обещал каждому римскому гражданину конгий в 150 драхм. Очевидно, Макрин меняет свои взгляды; в своем последнем письме он заигрывал с сенатом и презирал армию; теперь он заигрывал с армией и показывал сенату и государеву народу Рима, что оценивает их ценность всего в одну тридцать треть от той суммы, в которую он ценит низкого солдата - человека, который постоянно терпит взятки, к огромному ущербу для государства, как он недавно навязывал сенаторское внимание.

Макрин, конечно, не был умен, его акробатические подвиги никогда не были изящными и не вызывали аплодисментов даже на галерке. Повод для этого конгрия и пожертвования был, конечно, хорошей заявкой на всеобщую популярность; ликования шли полным ходом; послушный сенат, получив свою взятку, с сердечной доброжелательностью осыпал дом Антонина презрением и объявил его членов врагами государства и содружества Рима. Но почему-то никто не был полностью удовлетворен, и уж точно не Макрин; новости, которых он ожидал, не пришли; глава, которого он хотел, еще не был послан.

Существует определенная сложность с датой возведения Диадумениана на престол. Ни Дион, ни Иродиан не указывают определенно, когда это было сделано. Моммзен предполагает, что это должно быть в конце мая из-за скудости свидетельств на этот счет. Известно несколько монет, на которых он назван императором: одна отчеканена в Антиохии, другая - в Фиатире в 218 году; третья, очевидно, выпущенная раньше в том же году, не содержит этого титула. Конечно, автор писем Макрина к сенату помещает его после провозглашения Бассиана и заставляет предположить, что это произошло, как указано выше, в Апамее, и было средством, принятым для примирения легионеров.

Тем временем в Эмезе в это время активно работали мозги. Макрину пришло мягкое напоминание о его гибельном положении. Чтобы показать ему, что Юлиан форсировал битву и отправляет добычу на торжества, устроенные по случаю возвышения императора-ребенка, Евтихий Комазон, солдат, чья убедительная сила и влияние так пригодились Маесе, придумал приятный сюрприз. Он взял голову префекта, завернул ее в льняную ткань, перевязал многочисленными и сложными шнурами, затем, взяв собственную печатку Юлиана, тщательно запечатал сверток и отправил его руками надежного и хитрого солдата. "От победоносного префекта Юлиана его августейшему императору с приветствием. Главе и источнику наших обид, согласно заповеди". Судите, какой ужас и отвращение возникли в груди мавра, когда он открыл сверток, обнаружив там не черты презируемого врага, а

посмертную маску своего верного и любимого лейтенанта, человека, который спас его от мести Каракаллы в самом начале его собственного заговора. Только это, и больше никаких новостей, потому что их носитель ушел, не дождавшись награды. Постепенно до него доходили новости: по меньшей мере четыре легиона дезертировали, и, что самое обидное, те самые мавры, на которых он уповал. Ненавистный Антонин торжествовал и возвышался. Этого было достаточно, чтобы разбудить даже коматозную пародию на великого Марка Аврелия. Подождав, пока он придет в себя, он вскочил на пятки и бежал - осторожность была лучшей частью доблести - но не в Эмесе, как с характерной неправдой предполагает Геродиан, а обратно в Антиохию, как осторожно замечает Дион, с Бассианом и его скудными, хотя и быстро увеличивающимися силами, которые вскоре должны были последовать за ним. Мальчик и идиот был готов сразиться с преторианской гвардией, готов даже встретить отпор со стороны примирившегося легиона в Апамее, если потребуются.

Армия Бассиана должна была быть преданна и увлечена энтузиазмом. Это была пестрая команда людей, с новыми офицерами и неорганизованным комиссариатом; конечно, у нее не было адекватного руководителя. Действительно, если бы Макрин сразу взял быка за рога, он должен был бы разбить войска Антонина и подавить восстание; но он сбежал, надеясь сразиться в другой день, а Бассиан вместо этого пришел в Апамею. Здесь легион Северуса из Альбано был не в настроении оказывать сопротивление наследнику Северуса и быстро принес предложенные клятвы, что придало еще больше сил натиску на Антиохию, где Макрин укрывался и дрожал от страха, оставив поле боя своему противнику и дав ему то, что он хотел, - время для пополнения сил.

На мгновение вернемся к тому, сколько времени длилась эта кампания. Если мы примем дату провозглашения Диона - 16 мая, то до битвы останется всего три недели, за которые должно произойти много событий. Во-первых, новость должна быть доставлена Макрину за 125 миль. Во-вторых, Макрин должен назначить Юлиана, который должен тщательно подобрать своих людей, добраться до Эмесы и потерять голову в попытке взять Антонин. Тем временем Макрин написал в сенат письмо, чтобы объявить о восстании и получить от него осуждение дома Антонинов. Затем он отправился в Апамею с двором и багажом, провозгласил своего сына императором и, как ему казалось, умиротворил легион и устроил празднества, во время которых ему наглядно продемонстрировали неудачу попытки Юлиана. Затем он пишет в сенат спешное письмо о воцарении своего сына и получает ответ на свое первое письмо с осуждением дома Антонинов. Затем он удаляется в Антиохию, и здесь, по-видимому, наступает затишье, во время которого патрульные отряды, за которыми послал Макрин, приходят под знамена Бассиана, а не Макрина. Геродиан говорит, что это происходило по каплям, но до 1 июня их было так много, что генералы Антонина советовали ему склонить к битве. Все это, особенно ожидание постепенного пополнения сил, невозможно было бы уместить менее чем в две недели.

Но есть и другие свидетельства. Согласно Хензену, 30 мая в Коллегии Братства Арвалия обсуждали "precatio cooptionis Antonini", то есть принятие в члены Коллегии. Если бы провозглашение состоялось только 16 мая, братья не могли бы узнать о нем и организовать встречу до 30 мая, особенно если учесть, что (согласно Диону) письма Макрина в сенат заставили этот августейший орган объявить войну роду Антонинов после этого. Если бы Бассиан был провозглашен 16 апреля и братья узнали о его феноменальном успехе, они, естественно, поспешили бы подстраховаться к 30 мая. В течение месяца после этой даты они должны были узнать о поражении Макрина, так что, по всей вероятности, собрание, на котором был провозглашен Бассиан и отправлен примас Корнелиан объявить о его принятии, состоялось около 28 июня. 14 июля есть запись о третьем собрании, на котором

просто даются дальнейшие клятвы за безопасность Антонина, как императора, который уже был принят в члены. Таким образом, дата, указанная Дионом, просто невозможна. Ни Макрин, ни Антонин не смогли бы совершить то, что они сделали, за две недели, даже за три недели. Рим не мог услышать и ответить в течение пяти недель, даже с помощью экспресс-почты. Бассиан не смог бы собрать достаточно сил, чтобы обеспечить успех в течение этого срока. Поэтому мы должны сделать вывод, что дата Диона, 16 мая, является простым замещением 16 апреля, как и предполагал Вирт.

Это очень убедительно доказывает нам, когда мы понимаем (как рассказывает Геродиан), что когда Бассиан двинулся на Антиохию, то с силами, едва ли уступающими по численности тем, что были с Макрином, и тем самым ему удалось напугать мавра из его логова, поскольку существовал страх, что Антиохия может пасть и он попадет, как крыса в ловушку. Так Макрин был вынужден выйти навстречу ребенку. И снова древний прокуратор-фискал совершил ошибку, приняв командование на себя. Лучше бы он остался в городе и передал командование опытному полководцу; но он ничуть не волновался, слишком переживал, чтобы кому-то довериться. Когда он услышал, что Антонин приближается к Имме или Эмме, что не в двадцати милях от Антиохии, он внезапно вышел из города, решив доверить результат своим маврам и преторианцам.

В этой битве доблесть обеих армий, похоже, была безразличной. Геродиан рассказывает, что солдаты Антонина сражались как львы, опасаясь других результатов; они предпочитали умереть как мужчины, чем быть повешенными как собаки; эти сведения о доблести, вероятно, были почерпнуты из самой армии. Но звезды, похоже, сражались против Сисеры в лице Макрина, в то время как Дебора и ее сын Варак, а также Маеса и ее родственник Ганнис (ни один из которых никогда не видел красной крови, кроме как в цирке) сумели так зажать силы Макрина в тесноте деревни, что их численность и превосходная ловкость, лишенные для этого кирасы и пряжек, оказались малоэффективными. Тем не менее исход битвы был бы не так уж сомнителен, если бы Макрин не выдал его своей трусостью. Стражники выступили так решительно, что армия Антонина обратилась в бегство. Именно тогда Маеса и Соамия, по словам Диона и Геродиана, проявили свою храбрость, так как, соскочив с колесниц, бросились в гущу бегущих войск и со слезами и мольбами убеждали их вернуться. Однако пальма первенства, похоже, принадлежит мальчику-императору. И Дион, и Геродиан рассказывают о его храбрости и могучей ярости, которая (словно божественное вдохновение) дышала от него, когда он с мечом в руке галопом пронесся сквозь слабеющие ряды и рубил всех, кто проявлял склонность к отказу от боя. Это было хорошее начало, и оно показывает, что мальчик был не совсем таким, каким его рисовали биографы, - жалким, несчастным, религиозным сладострастником, известным всем. В этой битве он показал, что может славу своей мужественности, может забыть, что спасение только в вере и молитве; может забыть, что только боги могут решать великие вопросы. Поэтому Антонин понес свое успешное оружие прямо в лагерь противника, надеясь найти мавра; но, к отвращению всего войска, император исчез; уставший, он отправился домой. Его преторианцы некоторое время искали прапорщиков, возвещавших о присутствии императора, но поиски были тщетны, и дезертиры рассказали Антонину эту историю.

Тогда Антонин обратился к противникам с предложением: пусть они перейдут в его гвардию, сохранят привилегии, дарованные Каракаллой, и, главное, больше не будут сражаться на стороне беззаконника. Ничего не боясь, они сделали то, что им было приказано, и к ночи 8 июня 218 года провозглашенный император Марк Аврелий Антонин был признанным главой большей части армии и правителем римского мира, который признал Антиохию своей

столицей. Смелая попытка Маэсы увенчалась успехом, превзойдя все ее надежды. Единственным источником проблем было то, что Макрин все еще находился на свободе.

Политика Антонинов никогда не была политикой Макрина. Они всегда искореняли источник своих обид, насколько это было возможно, и с этой целью Марк Аврелий послал гонцов за личностью экс-императора. С поля боя этот каитиф отправился сначала в Антиохию, послав вперед глашатаев с вестями о победе своего господина и уничтожении войска Антонина, чтобы население не захватило город для Антонина и не убило его, или, как говорит Ксифилин, чтобы побудить их вообще принять его в свой город. Если бы было время, мы могли бы получить еще одну медаль, соответствующую парфянскому подлогу, сообщающую о победе Макрина при Имме; но начали прибывать отряды, а с ними и известие о том, что Антонин скоро прибудет во главе всей армии; это сообщение вызвало кровопролитие и раздоры в городе и заставило Макрина пересмотреть свои планы. Он решил, что не будет оставаться там, где его не ждут; он направится в Рим, надеясь, что его любезность сенату обеспечит ему хотя бы телохранителя - хотя какая польза от 600 грузных и средних лет господ против легионов военной империи, вопрос, который еще не пришел в его рассеянный ум; но в любом случае Антиохия была не местом для него и его сына. Последнего он поручил Эпагату, одному из немногих, на кого мог положиться, с приказом отвести его на хранение к парфянскому царю, а сам, остригши волосы и бороду и отложив пурпур и императорские украшения для использования своим преемником, отправился в столицу обычным путем. Знаменательно, что этот человек, признанный император, в день самой битвы до такой степени не доверял всем своим лейтенантам, губернаторам и гражданским чиновникам, что счел единственно безопасным способом передвижения - замаскировавшись под деревенского жителя, ехать в общественной повозке. Это предполагает, что к этому времени все люди просто ждали его падения, которое повсюду предвиделось как предрешенное, как неизбежный результат неудачной попытки слабого узурпатора.

Невероятно, чтобы все государственные служащие и другие аккредитованные Макрином агенты осмелились сразу же оказать доверие послам неизвестного претендента, и только в Александрии (где имя Антонина приобрело незавидную славу и губернатором был личный друг Макрина) послов Антонина предали смерти как выскочек-предателей. Правда, беглые цари бывали и раньше, и позже, но никогда - после одной битвы и чтобы освободить место для совершенно неизвестного ребенка, который каким-то чудом получил в свои руки всех функционеров имперского правительства, как гражданских, так и военных, менее чем за пару часов, даже без использования полевого телеграфа.

Из Антиохии Макрин верхом на лошади отправился в Эги в Киликии, а оттуда государственной почтой через Каппадокию, Галатию и Вифинию, с большой поспешностью выдавая себя за посланника императора Макрина. Он намеревался переправиться в Европу через Эриболу и таким образом избежать Никоидии, где губернатор Цецилий Аристо искал его жизни, чтобы отнять ее у него в пользу нового императора. Расстояние, которое преодолел Макрин, составило, как мы узнаем из *"Итинеры Иеросолимитаны"*, 750 римских миль, преодолевая в спешке, как считает Фридлиндер, около 130 римских миль в день, что привело бы его к Эриболе (если не считать случайностей, конечно) около 15 июня. Затем, как нам сообщают, он сел на корабль и попытался добраться до Византии; но битва оказалась не по силам; попытка была сорвана божеством-мстителем в виде сильного северо-западного ветра, который отбросил его к побережью возле Халкидона. Там к нему подоспели осведомленные агенты императора Антонина и выяснили его местонахождение с помощью императорского прокуратора Макрина, к которому, испытывая недостаток средств, мавр по глупости отправился в крайности.

Открытие было трагическим: владыка мира, человек, чей скипетр грозил богам и повелевал солнцем, был обнаружен своими преследователями спрятанным в маленьком домике на окраине Халкидона, дрожащим от лихорадки и испуга, вызванных усталостью и переживаниями во время спешного путешествия. Его быстро посадили в колесницу и увезли обратно в Антиохию. К тому времени, когда они достигли Каппадокии, пришло известие, что Эпагатос не справился со своей миссией, а Диадумениан был убит, что так сильно расстроило бедного господина, что он намеренно бросился с колесницы в надежде покончить со своим разочарованным существованием и избежать худшей участи. При этом он сломал себе не шею, а ключицу. Макринусу не везло до тех пор, пока он не добрался до Архелая, расположенного примерно в 75 милях от границы Каппадокии, когда, предположительно действуя по новому приказу, центурион приказал предать его смерти, милосердно избавив от страданий, которые навлекла на него его глупость и неспособность. Дата не известна, хотя, по всей вероятности, это произошло за некоторое время до конца июня. Дион отводит на его пребывание у власти четырнадцать месяцев за вычетом трех дней, считая до дня битвы.

Насколько нам известно, он не оставил после себя ни друзей, ни врагов, ни памятников (кроме арки в Тане в Алжире, воздвигнутой его соотечественниками), ни детей, ни зла. Безусловно, он хотел как лучше, а действовал более бесполезно и менее имперски, чем любой из его предшественников. Не было предпринято ни одной попытки возродить память о нем, ни одной реанимации партии в пользу его правления, ни одного энтузиазма или даже преданности по отношению к нему с того момента, как Антонин вступил на трон. Напротив, кампания Антонина была одним триумфальным шествием, которому слабо противостоял контрмарш со стороны царствующего императора; после этого, даже не дожидаясь известий о смерти или отречении своего императора, весь правительственный мир без малейшего подозрения в нелояльности оседает под властью Антонина. Ничто не нарушено. Менее чем за полдня все абсолютно в его распоряжении по всей империи, и больше не возникает вопросов о том, где может находиться покойный император. Как бы быстро он ни путешествовал, Макринусу не удалось вырвать из людских умов то, что должно было быть предreshено, а именно: что он обречен, и вместо него воцарится другой. Это был очевидный случай узурпатора, о котором никто не заботится настолько, чтобы наводить справки.

Римский мир устал от Макрина и его притязаний, как и от Клавдия; оба были фантастическими, колеблющимися, абстрактными и трусливыми тиранами, объявлявшими себя приверженцами мнения тех, кто прав, и объявлявшими, что они вынесут приговор в пользу тех, чьи доводы покажутся наилучшими. Они оба прошли через всю жизнь: императоры, которым никто не подчинялся и над которыми все потешались; люди, которые, узнав о заговоре, не возмущались, а лишь пугались. Возможно, именно пурпур, который свел с ума столько императоров, сделал Макрина идиотом; несомненно, он вел себя как идиот и освободил место для еще одного Фаэтона во вселенной: принца, для власти которого мир был слишком мал, как заметил Тиберий о своем племяннике Кае, прозванном Калигулой, человека, без которого не могли бы существовать ни Нерон, ни Домициан, ни Коммод, ни Каракалла, ни Элагабал. Жизнь каждого из них ужасна, но, анализируя ужасное, вы найдете возвышенное. В долинах живут имбецилы, с гор приходят поэты и безумцы. Элагабал был и тем, и другим, причем скипетром, который мог хлестать землю, грозить небу, манить планеты и восхищать божественность божественного.

ГЛАВА IV

ЗИМА В НИКОМЕДИИ

Вечером 8 июня 218 года молодой император Марк Аврелий Антонин, приветствуемый всей армией, отправился в путь, чтобы преодолеть 20 миль, отделявших Иммею от Антиохии, восточной столицы. На следующее утро, как сообщает нам Дион, он вошел в город среди обычных ликований. При покойном Каракалле было принято отдавать завоеванные города на растерзание солдат, и здесь побежденные военачальники предполагали, более того, настоятельно требовали, чтобы этот похвальный обычай был возрожден, но нынешний Антонин не видел причин для подобных действий. С необыкновенным отсутствием раболепия, которое, как нам говорят, является первым признаком прирожденного государя, он сообщил им, что вместо этого с граждан будет взиматься регулярная пошлина, и каждый человек будет платить сумму в 500 драхм из императорской казны; таким образом он удовлетворил их естественные ожидания вознаграждения и пообещал населению, что грабежей не будет; с другой стороны, обычных взносов в казну (знаки устоявшегося правительства в мирное время) достаточно, а грабежи будут предполагать войны и беспорядки, которые теперь закончились.

Это был, конечно, смелый поступок - переступить через волю солдат в самом начале, слишком смелый для женщины или четырнадцатилетнего мальчика; но Антонин намеревался сделать этот город своей временной столицей, и, следовательно, ему нужно было примирить не только солдат.

Что касается вопроса о главном советнике и главном министре, то здесь мы с самого начала сталкиваемся с трудностями. Лампридий утверждает, что Соамия была абсолютным руководителем императора и его правительства, и это утверждение совершенно нелепо для любого, кто понимает характер этой дамы, как его излагает сам Лампридий. С психологической точки зрения Соамия была бы совершенно неспособна руководить какими-либо операциями, кроме тех, что происходили на брачном ложе; хотя она могла продумать некоторые детали костюма, этикета и старшинства, которые позже выпали на ее долю в качестве председателя сената на Квиринале; кроме того, ее имя всегда следует за именем Маэсы в надписях и записях, где эти два имени встречаются вместе. Геродиан же утверждает, что Маеса была правящим духом, что гораздо более вероятно. Характер Маэсы совсем другой, хотя и менее привлекательный; хитрая, коварная, умелая и настойчивая, она не строила интриг, не сражалась и не тратила свои сокровища, кроме как ради собственного конечного блага, а конечным благом для нее было обладание силой и властью. Кроме того, она была в курсе всех правительственных процедур в Риме и, как следствие, являлась подходящим человеком для руководства ближайшей политикой.

Но ее власть была не совсем обычной. Существовал элемент, о котором даже она, как бы дальновидна она ни была, забыла и оставила без внимания, а именно - сам император. С момента своего возвышения он показал, что обладает собственным умом и волей; вероятно, он обладал ими всегда, но его бабушка никогда не думала, что они могут встать у нее на пути, пока не столкнулась с ними лицом к лицу.

По натуре Бассиан был нежен и ласков, не имел других страстей, кроме невинного фанатизма в отношении культа единственного Бога, и наследственного темперамента, который, как мы знаем сегодня, является не столько пороком, сколько извращением; темперамент, который, как уверяет Суэтоний, он разделял с большинством своих предшественников, а Дион говорит, был распространен среди сирийского духовенства. Каракалле были присущи ревность, ненависть и месть. Бассиан никого не ненавидел; более

того, он был слишком склонен любить своих братьев, но, как и Каракала, обладал сильной и властной волей. Не успел он осознать безграничные возможности императорского положения, как его, похоже, настигло головокружение. Но только представьте себе это положение! На пику, пронзающем небеса, заслоняющем землю, с обрывом по обе стороны, стояли молодые императоры Старого Рима. Если бы они посмотрели вниз, то едва ли смогли бы увидеть мир. Сверху приходил бред, а горизонт, хотя и ограничивал пределы их видения, не мог обозначить границы их мечты. Кроме того, на высоте возникала экзальтация.

Император был один; отныне его воля была бессильна. Его бабушка пыталась о себе заявить; каждый раз ей приходилось уступать, уходить побежденной, пока можно представить себе отчаяние этой дамы от непредвиденного развития событий, почти предвидеть окончательное решение этой старой коварной грешницы избавиться от внука, которого она подставила, вообразив его своей марионеткой. И все же советчики были необходимы. Из всех имеющихся людей (а человек, несомненно, был бы выбором Антонина) нашелся только один, которого император неизменно уважал на протяжении всей своей жизни, а именно Евтихий. Он, как утверждает Дион, задумал план прокламации и осуществил его в одиночку, пока женщины еще не знали, что происходит. Его сразу же назначили префектом претория, затем он был консулом и дважды префектом города, причем частое повторение должностей, необычное для одного человека, Дион считает грубым нарушением конституции - там, где не существовало никакой конституции, кроме императорской воли. Насмешка Ксифилина над его шутовскими выходками - явная неправда, учитывая тот факт, что мы знаем о нем как о солдате еще в правление Коммода. Если бы он был просто ничтожеством или никчемным человеком, то невероятно, чтобы в условиях проскрипций и убийств, последовавших за Антонином, Евтихий был вновь назначен префектом Рима, по крайней мере, на следующий год. Принимая во внимание все свидетельства, можно предположить, что с самого начала солдат Евтихий был главным министром и руководителем правительства и как таковой поддерживал Антонина против его бабки. Поэтому ему, как и Маесе, можно приписать большую часть здоровой работы, которая была проделана; работа, которая, особенно в отношениях с солдатами, показывает мужскую руку, солдатское прикосновение, действительно, руку солдата, который знает, в силу своего положения, как далеко он может зайти.

Первым зафиксированным актом нового правительства было объявление римским отцам о восстановлении дома Антонинов. Сенат римского народа находился в не очень приятном положении, учитывая возможности и зная, что императорский дом имел не мало обид, чтобы уладить их с августейшим собранием. Рим, как мы знаем из протокола собрания братьев Арваль, состоявшегося 30 мая, почти ежедневно ожидал какого-нибудь сообщения либо о воцарении, либо о прекращении связи с покойным императором. Последнее сообщение с Востока было подписано Макрином. Это было рассеянное и неграмотное послание, в котором сообщалось о возведении его маленького сына на престол империи и скором падении псевдо-Антонина. По всей вероятности, новости, дошедшие до братьев Арваль, были общим достоянием, и сенат не был так уверен в результатах восстания, как хотелось бы Макрину. Главным поводом для беспокойства был их ответ, который, вероятно, все еще находился на пути к Макрину: покорный ответ на его требование, выдвинутое около 20 апреля, о том, что семья Антонинов должна быть проскрибирована и объявлена врагами государства. С обычным подбострастием отцы-призывники приняли постановление, как

того требовал, и даже пошли на то, чтобы осыпать ругательствами память о доме Северов, причем с сердечной доброжелательностью, свидетельствующей об их искренности.

Теперь, если эти бестактные послания, как опасались отцы, попали в Антиохию до или сразу после прибытия нового монарха, они могли стать причиной бесконечных неприятностей, особенно если попали в чужие руки, что, как и следовало ожидать, произошло незамедлительно. Это обстоятельство вполне определило Элагабала в вопросе о том, насколько уважительно следует относиться к "рабам в тогах" как в своем, так и в любом другом государстве. Судите об их опасениях, когда в течение первых двух недель июля, если не раньше, в палату сената был доставлен ответ на их покорные запреты от глашатая, объявившего о своей миссии от августейшего императора Марка Аврелия Антонина, сына Антонина, внука Севера, Пия и Счастливого, трибуна и проконсула, без всякого разрешения или с разрешения собравшихся отцов. (Дион опускает титул консула, несмотря на то, что существуют надписи, называющие Антонина консулом в этот период). Подумайте, с какой готовностью отцы отдали бы сейчас свои правые руки, чтобы исправить вопиющую ошибку, которую они только что совершили. Они были слишком поспешны, слишком торопливы, и они знали по прошлому опыту, что дом Антонина не посещает подобные ошибки в окаянном духе.

Наконец императорское послание предстало перед домом. Как будто боги раз были благосклонны к человеческой глупости. В письме были милостивые слова, "падающие, как нежная роса с небес". Была ли это простая уловка, подобная тем, что разыгрывали прежние Антонины, или на самом деле предвестник грядущего нового мира? Несомненно, да, ибо оно обещало амнистию, по слову императора, сенату и народу Рима за все слова, деяния и запреты, ранее обнародованные против божественного цезаря по приказу узурпатора Макрина; которому тот же сенат и народ повелевали не оказывать ни помощи, ни содействия, а осуждать и презирать в тех же выражениях, которые они недавно применяли к божественному императору, ныне счастливо царствующему. Ибо разве не враг государству тот, кто не только убил своего господина, которого он был назначен охранять, но и тот, кто, не будучи ни сенатором, ни иным достойным, претендовал на империю, будучи простым рабом и гладиатором, которого Каракалла возвел в ранг преторианского префекта?

Еще несколько язвительных замечаний по поводу того, с какой легкостью этот августейший орган без вопросов принял притязания бывшего раба и убедил его утвердить в должности убитого им господина. Для себя Антонин делает простое объявление о своем престолонаследии, как это сделал Макрин по случаю возвышения своего сына, с очевидным намеком на то, что отцы подтвердят свершившиеся факты с минимальной задержкой, совместимой с обычными приличиями. Он говорит им, что ошибаться - дело человеческое, но Антонин, *mirabile dictu*, простит, разумеется, на указанных условиях; приняв эти условия за выполненные, император продолжает объяснять счастливые предзнаменования начала своего царствования. Он пришел, сказал он, вторым Августом; как Августу, ему было восемнадцать лет (явная ложь, и они это знали, но император четырнадцати лет звучал не очень хорошо); Как и Август, он начал свое правление с победы, отомстившей за убийство его отца, и успех, с которым встретились и он, и Август, был хорошим предзнаменованием для народа, который мог ожидать великих свершений от принца, предложившего объединить мудрость Августа с мудростью философа Марка Аврелия и править по этим поистине восхитительным образцам. Одновременно с этим было доставлено еще одно письмо к солдатам, в котором содержались выдержки из переписки Макрина с префектом города Марием Максимом. В этом письме наиболее полно раскрывается переменчивая

двуличность покойного Макрина и его мнение об армии в целом, а его врожденное гражданское недоверие к военным выставляется на посмешище и презрение.

Венцом этих восхитительных произведений литературной убедительности стало обещание солдатам немедленно вернуться к привилегиям и условиям, существовавшим при Каракалле, в случае каждого и нескольких любимых товарищей императора. Это были, безусловно, восхитительные письма, призванные радовать сердца как гвардейцев, так и людей, и оставлять сенат в приятном предвкушении грядущих благ, если они немедленно воспользуются предоставленной им возможностью изменить свое мнение, - в противном случае, возможно, придется прибегнуть к более жестким методам Августа, и на этот счет консулу Суффекта Поллио были отправлены соответствующие распоряжения. Несомненно, отцы приняли решение с восхитительной быстротой - кажется, они не сделали ни одного запроса о судьбе мавра, который номинально был правящим императором. Никогда еще их голос не звучал так охотно; за восстановление дома Антонинов объявлялись публичные благодарения, а деяния императора, который относился к ним как к садовому мусору, превозносились с особой пышностью. Запрет был уделом "Тирана и убийцы", узурпировавшего императорские стили, титулы и обращения; фактически все, что было в их силах, чтобы обязать их, они были рады предложить; больше, чем он когда-либо думал просить, отцы поспешили положить к ногам ребенка, чье происхождение, чьи чувства, чья женская красота, чьи родственники женского пола дышали божественностью из каждой поры.

Нет лучшего примера огромной полноты ума, которой обладают тела мужчин, выполняющих функции, которые Аристотель называет "коллективной мудростью многих", чем этот пример удивительной способности видеть все точки зрения подряд, особенно более выгодные. Всего несколько недель назад непогрешимая мудрость постановила, что новые божества - враги государства. Теперь же они знали, что существование этих самых врагов - лишь еще один способ заявить о жизни и бытии самого государства. Они сожалели лишь о том, что не узнали об этом раньше; теперь же они были вынуждены признать, что если воспитанные люди могут противоречить другим, то мудрые должны противоречить самим себе.

Конечно, молодой император был доволен тем, с какой преданностью Рим приветствовал его вступление в должность; Маеса и Соамия - совместным титулом Августы, который император и сенат присвоили им; но ради предосторожности Поллио мог бы держать солдат в состоянии *qui vive*, как бы напоминая отцам-призывникам, что в настоящий момент не следует принимать более широкие взгляды на обстоятельства, тем более что император пока не намерен отправляться в Рим. Но говорить было неразумно, и отцы знали это; в настоящий момент они довольствовались тем, что возносили хвалу богам за свою безопасность и регистрировали любые указы, которые августейшие особы сочтут нужным прислать для их подтверждения, в остальном же они решили держать рот на замке, что касается внутренних помыслов сердца.

После того как объявление о престолонаследии было отправлено в Рим, а агенты посланы для обеспечения безопасности личности экс-императора, Антонин, похоже, обратил свое внимание на награды и управление армией. Как и было вполне естественно, первые посты были отданы Евтихию, человеку, о котором мы только что упоминали. По всей вероятности, именно ему был обязан успех при Иммее; он был солдатом, обученным вождем, в то время как Ганнис, воспитатель мальчика, которому Ксифилин приписывает победу, был, по общему признанию, изнеженным и пресыщенным леманом Соамии и Маеса, который никогда не мог быть настоящим лидером людей, даже если бы он был лично популярен в войсках, как утверждает Вalezиянский фрагмент. Очевидно, что деятельность и способности этих двух

людей (Евтихия и Ганниса) смешались. Ксифилин (78.31.1) приписывает заговор Евтихию; позже (79.6), все еще предположительно цитируя Диона, он утверждает, что Ганнис был единственным виновником всего заговора. Дион (Frag. Vales.) утверждает, что Евтихий подстроил всю революцию. Очевидно, что кто-то из переписчиков допустил ошибку при вставке имен, или же Ксифилин не является надежным сократителем. Если судить по результатам, то мы видим, что Евтихий сразу же был назначен префектом преторианской гвардии вместо умершего Ульпия Юлиана, а Ганнис, личный фаворит императора и его женщин, не получил никаких отличий. Возвышение Евтихия было не совсем популярным. Ксифилин считал, что он не имеет права занимать этот пост (хотя он только что заметил, что только он посадил императора на трон), а частота, с которой его переназначали, была фактически конституционным скандалом; но он, безусловно, делал хорошую и полезную работу на протяжении всего срока пребывания на посту.

Первым делом он исправил ошибку Макрина, когда тот без необходимости держал войска в поле. Новое правительство отправило обратно в свои кварталы всех солдат, собранных Каракаллой для парфянской войны, причем с большой скоростью. Об этом свидетельствуют различные надписи в Ламбезе, в Паннонии и других местах, а в Могунтиакуме в Верхней Германии есть запись о прибытии легиона уже 23 июля 218 года, в которой, кстати, император получает титул консула, а также другие императорские должности, которые, как упоминал Дион, он принял на себя по праву.

Это увольнение солдат было благоразумной мерой. Оно не только радовало их и давало им занятие помимо разжигания междоусобиц, но и позволяло поддерживать дисциплину, не прибегая к огромным подачкам, которые до этого обедняли правительство. Это, безусловно, можно отнести скорее к влиянию Евтихия, чем Маеса, который, вероятно, предпочел бы задержать солдат еще на некоторое время, чтобы посмотреть, как все уляжется; в то время как войска должны были быть отправлены обратно в свои кварталы на следующей неделе после битвы и до смерти Макрина, чтобы прибыть в Верхнюю Германию к 23 июля. Это действие, кому бы оно ни приписывалось, свидетельствует о полной уверенности нового правительства в собственной стабильности с самого начала. Кроме того, это была смелая мера, которую мог принять только генерал, знающий свои войска, знающий, кого держать и с кем расходиться, потому что из-за честолюбия и других подобных причин обязательно возникнут проблемы.

Дион рассказывает о по крайней мере двух известных людях, которые считали себя *sarax imperii*, потому что им казалось, что государство нарушено, а случай благоприятен. Один из них - Верус, или Северус, трибун третьего галльского, другой - Геллий Максим, трибун четвертого скифского легиона; оба были сенаторами, стремившимися к империи и обретшими будущее. Тот же историк упоминает еще трех незначительных людей: один - сын центуриона третьего Галльского легиона (который, кстати, из-за этих двух претендентов на известность был практически расформирован, а люди переведены в третий Августовский легион). Другой был суконщиком, третий - простым частным лицом, чья храбрость привела его к попытке, целью которой было подорвать флот, размещенный в Кизике зимой 218-219 годов, предположительно для защиты императора, когда он прибыл в Никомедию. Попытки этих людей были вознаграждены по глупости и лишь укрепили положение императора, дав ему повод предать смерти других, чье соучастие или сочувствие указывало на них как на опасные для государства. По словам Уоттона, все они были друзьями Макрина, который создавал трудности для нового правительства. Все авторитеты утверждают, что ни один человек не пострадал за помощь, оказанную Макрину; не было и дознания, проводившегося в отношении врагов или нейтралов. Главы оппозиционной партии просто

предавались смерти, когда отказывались признать *свершившийся факт*; когда они это делали, их утверждали на своих постах как само собой разумеющееся. Число умерщвленных, помимо пяти претендентов на императорский пост, Дион оценивает в восемь человек - не такой уж огромный холокост, если вспомнить о легионах императорских слуг, утвержденных в своих должностях. Среди имен - Юлиан Нестор, капитан гвардии покойного императора; Фабий Агриппин, губернатор Сирии; Пика Цериан, губернатор Аравии; Аэлий Деций Трикциан, человек низкого происхождения, смерти которого потребовал 2-й Парфянский легион за его жестокость по отношению к ним; Кастин, друг и офицер Макрина; Клавдий Аттал, вице-губернатор Кипра, человек, который был исключен из сената Севером и по глупости принят Каракаллой. Неясно, по какому поводу этот человек пострадал, и поэтому история о вражде между ним и Евтихием во время кампании во Фракии, когда он, как говорят, обналичил нового префекта преторианской гвардии, считается достаточным основанием для того, чтобы сказать, что Евтихий потребовал его смерти.

В ту же зиму появился еще один претендент на царствование, которому помогал другой наместник, друг Макрина, некий сенатор Валериан Паэтус. Преступление этого человека заключалось в том, что он, следуя императорскому обычаю, отчеканил золотые монеты со своим изображением и надписью и распространил их среди жителей Каппадокии и Галатии, что считалось равносильным императорскому провозглашению. При задержании он оправдывался тем, что медали предназначались для украшения его любовниц. Однако суд пришел к выводу, что ни один здравомыслящий человек не мог обладать такой роскошью в достаточном количестве, чтобы оправдать чеканку такого количества медалей; кроме того, его сообщник Силла, губернатор Каппадокии, который незадолго до этого вмешивался в верность галльских легионов, следовавших через Вифинию, был неразрывно связан с заговором. Так что приговор был таков: "Виновен в узурпации императорских функций и стремлении к империи"; довольно крупное обвинение, если принять во внимание все, чем родственное обвинение в "чеканке монет", которое заслуживало смерти в этой просвещенной и гуманной стране вплоть до благодатного 1832 года. На протяжении всех судебных разбирательств нам дано понять, что соблюдался обычный ход судебной процедуры; приговор выносился после судебного разбирательства и выявления справедливого основания; в то время как те, кто хоть что-то знает о римском судопроизводстве, понимают, что обвиняемому предоставлялись все шансы, а бремя доказательства лежало на обвинителе.

Но вернемся к хронологическому расположению событий во время этого пребывания на Востоке. Как мы уже говорили, 9 июня 218 года Антонина въехала в Антиохию под всеобщие аплодисменты. Насколько мы можем судить по показаниям Иродиана, он должен был оставаться там несколько месяцев. Неотложные государственные дела накладывали огромный отпечаток: нужно было отправить различных легатов, получить подчинение губернаторов, решить вопрос с армией и другие нерешенные проблемы, и, как следствие, сезон был уже далеко впереди, говорит Геродиан, когда императорская семья достигла Никомидии, слишком поздно, чтобы они могли попытаться переправиться в Европу. Помимо деловых задержек, много времени, должно быть, было потеряно из-за решимости императора взять с собой образ Великого Бога и везде, где он будет царствовать, установить храм этого верховного невыразимого Божества.

Дуруи утверждает, что во время пребывания в Антиохии или во время путешествия по Малой Азии император заново посвятил Элагабалу храм Фаустины, который Марк Аврелий воздвиг на горе Тавр. Если это и так, то только в качестве временного пристанища. Божество, как нас

уверяют, не имело оседлого дома после ухода из Эмесы, пока на Палатине не был воздвигнут великий храм или Элиогабалиум. Был один человек, которому эти задержки показались совершенно излишними, а именно вдовствующая императрица Юлия Маэса.

В полном восторге от своего недавно обретенного положения она намеревалась перезимовать в столице. Это было ей гораздо больше по душе, чем провинциальная жизнь, к которой ее приговорил покойный император. Из этого намерения можно сделать вывод, что государыня отдавала приказы. Здесь император проявил свое отцовство. Возможно, Маэса и раньше не вполне доверяла собственному утверждению, но теперь она была вынуждена поверить в него, хочет она того или нет. Ее внук, возможно, просто своевольный, возможно, желающий уладить дела, а возможно, намеревающийся остаться на сладострастном Востоке, велел госпоже замолчать и отменил приказ. Она попыталась его образумить, но получила ответ, что это утомило его юношеское благородство. Она упорствовала и дальше, и тогда ей показалось, что она одержала победу, потому что император с истинно антониновским коварством собрал вещи и приказал двору отправляться в Рим. Не то чтобы у него было хоть малейшее намерение встретиться с Трамонтаной, возможно, даже со снегом, но все выглядело милостиво, и *по пути* можно было сделать многое. По многим причинам путешествие было медленным и трудным; нужно было учитывать достоинство Бога; шествие через Азию заняло бы несколько недель. У нас нет никаких сведений о маршруте, хотя Рорт сообщил нам о надписи из Пруссия, где, по его словам, останавливался император; если это так, то, вероятно, это была его последняя стоянка перед Никомедией, где он решил перезимовать, вместо того чтобы доверять себя ветреным морским волнам. Именно здесь началась императорская жизнь Антонина; здесь, под восточным небом, в окружении пышности и цвета Востока, император формировал свое правление и развивал две основные черты своей жизни - религию и психологию.

Однако прежде чем говорить о них, следует подвести итог тому, что мы знаем о работе, проделанной за эту зиму, проведенную в Малой Азии. Согласно заявлению Гидатия, взятому из *Consularia Constantinopolitana*, Антонин приказал сжечь записи о долгах перед фиском, и это сожжение заняло тридцать дней. Если эта история правдива, то она была либо глупой тратой долгов перед правительством, либо признанием безнадёжности сбора долгов, хотя как новое правительство могло так быстро осознать этот факт, не сообщается; в любом случае это была настоящая заявка на популярность.

Много времени уйдет и на судебные разбирательства, в ходе которых решалась судьба различных претендентов, злопыхателей и предателей. Опять же, рассмотрение вопроса о грантах легионам, достойных наградах за помощь, оказанную в трудную минуту, в общем, тысяча и одна вещь, которая занимает чиновничий ум в обычном ходе событий, не говоря уже о восстановлении дома, изгнанного и проскрибированного императорскими предшественниками, - все это должно было быть обсуждено и, конечно, потребовало бы времени. Коэн рассказывает об одной из таких мер, о которой мы ничего не знаем, кроме монет 218 года, на некоторых из которых есть надпись "*Annona Augusti*", что, по его словам, является ссылкой на некую меру, касающуюся поставок зерна, учрежденную для блага народа.

Безусловно, этого было достаточно, чтобы занять внимание каждого, но это не совсем объясняет, почему весь двор оставался в Никомидии до мая 219 года. Коэн, однако, обнаружил факт, о котором не упоминает ни один историк, а именно, что в этот период император был болен, поскольку на некоторых монетах 219 года есть легенда "*Salus Augusti*", "*Salus Antonini Augusti*", которая, как предполагается, сообщает о его выздоровлении. Если бы эта болезнь случилась после его прибытия в Рим, мы бы наверняка о ней узнали, кроме

того, она могла бы стать препятствием для его брака; если же в Никомедии, как считает Коэн, то это объясняет длительность его пребывания.

Не считая дел, о которых они практически ничего не говорят (факты приходится черпать из монет, надписей, отчетов и т. д., а не со страниц проплаченных клеветников), историки начинают тирады против поведения и религии императора. Напрашивается очевидный вывод, что своевольный мальчик уже начал действовать кому-то на нервы; кому, как не Маесе и его чувствительной тетке Юлии Мамае, которая так горячо желала, чтобы ее собственный сын занял свою комнату. Маэса, должно быть, уже поняла, исходя из собственных ощущений и настойчивых представлений Мамаи, что даже с ее собственной точки зрения было бы гораздо лучше, если бы она поселила своего младшего внука вместо этого упрямого юноши, который на каждом шагу попирает ее интересы. Конечно, было сомнительно, что возвышение Алексиана вообще было бы возможно, в то время как старший и более обаятельный сын Каракаллы был известен солдатам, тем не менее Маэса размышляла и оставила записи, которые переписали ее писцы.

"Одним из самых черных его преступлений, - цитирует Ксифилин, монах из Трапезунда, сократитель Диона Кассия, - было поклонение своему богу, которого он ввел в Риме (хотя это был чужой бог), которого он почитал более религиозно, чем любого другого, настолько, что поставил его выше Юпитера и объявил себя его жрецом по указу сената. Он был настолько экстравагантен, что сделал обрезание и воздерживался от свиной плоти. Он часто появлялся на публике в одежде, напоминающей одежду жрецов Сирии, из-за чего его прозвали Ассирийцем. Нужно ли упоминать о тех, кого он без причины предал смерти, ведь он не щадил своих лучших друзей, чьих мудрых и здравых замечаний он не мог вынести". Таков итог великих преступлений, которые в этот период Ксифилин выдвигает против императора, к которым Иродиан добавляет обвинение в беспорядочной жизни. Давайте рассмотрим эти утверждения по порядку.

"Самым черным из его преступлений было поклонение своему богу и введение в Рим чужого бога". Для Ксифилина-церковника, по всей вероятности, поклонение любому Богу, кроме своего собственного, было грязным и наглым преступлением, с которым лучше всего справлялась святая канцелярия инквизиции, или что там заменяло этот полезнейший орган (для общих целей истребления) в тот период. Но в настоящее время знание и поклонение Богу Ксифилина было, в практических целях, ограничено в Риме прачками или людьми их умственного калибра. Идея Ксифилина о том, что в Риме не было чужих богов, столь же церковна, поскольку только слепой не знал, что Рим был всесторонне, скептически политеистичен, и что он признавал и был глубоко привязан ко многим аналогичным монотеистическим восточным культам, в частности к культам Митры и Исиды. Зачем же тогда осуждать поклонение одному лишь Элагабалу? Нельзя увидеть никакой другой причины, кроме исключительности этого культа, огромного монотеистического идеала, к которому привязался император и который он намеревался распространить по всей длине и ширине империи всеми доступными ему средствами. Именно эта идея, позже сосредоточенная в митраизме, была самым решительным противником такого же монотеистического идеала Ксифилина и, как самый сильный его противник, вызвала ненависть монаха. У Рима, однако, была другая причина не любить Элагабала. Он, подобно Иегове, сверг с престола всех других божеств. Рим охотно принял бы сирийское божество среди лупанара божеств, чьей резиденцией был Пантеон и чьи обряды были непристойны; но это не входило в планы Антонина, даже *primus inter pares* был невозможен. Элагабал был над всеми верховным; даже Юпитер Капитолийский, Иегова и Веста должны были служить

единому Богу. Но Рим, в атриумах которого капала не кровь, а метафизика, слишком хорошо знал тщету всех богов, чтобы желать какого-то исключительного культа; он должен был достаться прачкам, потому что они были нежеланными, необученными, варварскими и устаревшими. Но император упорствовал, что очень раздражало его бабушку и других людей (впрочем, она, похоже, вообще была раздражена, так что это можно считать сказанным и по другим поводам). Она говорила мальчику в Эмесе, что религия - лишь средство достижения цели, а он, со свойственной ему непоследовательностью, пренебрег ее мнением, поддержанным его матерью, и упорно продолжал делать ее главной целью своей жизни. Тем самым он пошел наперекор *веяниям времени* и в итоге пострадал за свою глупость, не повесив рыболовную сеть, когда рыба уже была поймана. Ксифилин совершает еще одну вопиющую ошибку, заявляя, что Антонин заставил сенат объявить его жрецом Элагабала, поскольку именно обладание этим наследственным званием или должностью проложило путь к империи. Опять же, нас просят поверить, что к этому периоду относятся его обрезание и решение воздерживаться от свиной плоти, тогда как Чейн считает, что эти две религиозные особенности были общими для всех сирийских религиозных, а также египетских и семитских народов, и датируются у него, по всей вероятности, обычным возрастом, в котором обрезание, возрастом половой зрелости, что соответствует его принятию священства в 217 или начале 218 года. Лампридий, с другой стороны, датирует начало этих обрядов как часть фанатизма позднего периода в Риме; когда император сформулировал свою схему единой универсальной церкви, которая должна была включать в себя отличительные обряды всех религий, - вывод, который отнюдь не является необходимым. Религия Антонина, несомненно, была исключительной и фанатичной, хотя и здесь она не была своеобразной, поскольку христианская история дает нам гораздо более плачевные свидетельства этих пороков. Религия Антонина никогда не была жестокой, она никогда не преследовала, в то время как с того момента, как христианство достигло господства, она считала преследование своей особой ролью. На небесах могут радоваться раскаявшемуся грешнику; в христианстве радуются его гибели. Мы можем представить себе, с какой разницей монахи отнесся бы к памяти этого императора, если бы он добился успеха, если бы ему хватило прозорливости присоединить свою церковь к родственному иерусалимскому культу, назвать свое Божество Иеговой в более поздней адаптации этого термина, а затем умереть, как и другие мученики, жертвой убеждения, что в нем телесно пребывает полнота Божества, и далее, в ходе осуществления схемы монотеистического культа, подобной которой еще не сформулировал ни один император. Тысяча сожалений для его репутации, что он не предвидел этого. В этом случае, хотя он и не стал бы четвертой частью неизреченной Троицы, его жизнь, по крайней мере, стала бы безупречной, не только крещением кровью, но и на страницах церковных историков. Тогда мы могли бы увидеть святого Антонина "Athleta Christi", святого мученика, которому поклонялись во всем христианстве, как защитнику монотеизма против сил его политеистического окружения.

В связи с этим вопросом о пребывании Никомидии в гордом одиночестве свидетельствует один поступок, который хорошо показывает нрав мальчика, а именно: принятие им латинизированного имени своего бога - Элагабал (хотя, очевидно, это было сделано не в официальных целях, поскольку оно никогда не встречается на монетах или надписях его правления). Ранние императоры обожествлялись после смерти; в последнее время было принято воздавать божественные почести при жизни монарха. Элагабал не верил, что с помощью сенаторского патента он сможет стать новым богом. К сожалению, он, подобно многим пророкам и другим религиозным маньякам, верил, что может ассоциировать себя со своим богом как его земное воплощение или выражение; и отныне, говорит Лампридий, никто не мог обращаться к нему официально, кроме как коленопреклоненно. Это была странная фантазия, но не редкое заблуждение, и мир потворствовал его самомнению, давая

ему этот титул, когда все остальные были забыты, за исключением нумизматов. То, что Антонин хотел, чтобы другие воспринимали его в таком свете, и был, таким образом, постоянной угрозой для Христа, ясно из того факта (записанного Геродианом), что он послал в императорский город этой зимой свой портрет, написанный в полном великолепии его аароновых одеяний, с приказом поместить его в доме Сената, прямо над статуей Победы, и чтобы каждый сенатор, входя, возносил фимиам и приношение Deus Solus в образе своего земного Первосвященника. Геродиан сообщает еще об одной попытке, предпринятой в эту зиму, внедрить в сознание людей поклонение Deus Solus. Это был приказ, разосланный магистратам, совершавшим публичные жертвоприношения, чтобы это имя занимало первое и самое важное место; приказ, которому, как нам говорят, даже христиане-монтанисты были вынуждены подчиниться, тем более что за отказ не полагалось никаких наказаний.

Очевидно, что со стороны Маэсы было грубой ошибкой вводить мальчика с таким темпераментом в религию любого рода, тем более делать его ее направляющей силой; но дело было сделано, и вместе с ним ушла одежда, которую она теперь так горячо ненавидела. В Эмесе Антонин привык к липкой мягкости шелковых одеяний, которые носили священники; теперь он отказался от них. Он ненавидел шерсть и отказывался ее носить, да и лен ему не нравился. Шелк и золотые ткани, инкрустированные драгоценными камнями, были его показным пристрастием, и он собирался носить то, что нравилось его душе, теперь, когда он был свободен потакать своим наклонностям, но то, что было вполне уместным и подходящим в Эмесе, не подходило для военного лорда Римской империи. Известно, что обстоятельства меняют дела, и можно представить себе состояние ума Маэсы, когда она предвкушала изумление, которое встретит нарисованного священника, когда он въедет в Рим-консерваторию. Император считал, что знает все лучше своих старших; он нашел секрет популярности в армии и думал, что подобная привлекательность приведет город в плен к его ногам. Деньги, красота и сладострастие, говорит Капитолин, привели его на трон мира, и у него было достаточно художественного вкуса, чтобы понять, что его красота, рост и грация усиливаются, когда он облачается в шелковые одежды по своему выбору. Он не понимал, что эти одежды слишком богаты для солдата; что браслеты, ожерелья и диадемы - это средства, с помощью которых жрецы управляют женщинами, а не солдаты - сердцами мужчин; что теперь он должен отбросить детские вещи, поскольку он стал мужчиной, предводителем армии. И снова Маэса была права, но ее переубедили, и она сделала еще больше записей против того дня, когда сумма беззаконий этого внука против нее будет настолько полной, что она сможет посадить в его комнату другого. Однако справедливости ради следует отметить, что Дион совершенно не согласен с этим другим "очевидцем", когда отмечает, что Антонин всегда носил тогу Претекста на играх и представлениях, ограничивая, таким образом, использование сирийской одежды религиозными и семейными мероприятиями.

Но перейдем к третьему обвинению Ксифилина - в том, что он без причины предавал смерти людей, даже своих лучших друзей. Это почти наверняка относится к смерти Ганниса, услужливого слуги его матери и бабушки, воспитателя императора, к которому, как рассказывает Геродиан, он был очень привязан. Форке де Дорн говорит, что этот человек считал себя уполномоченным постоянно высказывать императору свое мнение о его поведении, как будто ворчание его родственников не достаточно его утомило. Кроме того, Уоттон рассказывает, что между ним и одной из императорских дам был заключен брак, и что существовала идея провозгласить его цезарем. Вероятно, эти два обстоятельства и привели к трагедии или несчастному случаю, в результате которого Ганнис умер и о котором, как нам говорят, Антонина всегда горько сожалела.

Наставник был ворчлив и педагогичен. Далее был раскрыт заговор. Ганнис не понимал, что антониновский нрав, когда он развит, - не та вещь, с которой можно играть. Император забылся и в порыве безумного гнева бросился на своего мучителя с мечом или ножом, ударил и даже ранил его. Как и положено, Ганнис бросился защищаться, но стражники, опасаясь за жизнь Антонина, вмешались, и несчастного больше не было. Вина Ганниса заключалась в том, что он пренебрегал обучением мальчика любовным связям с женщинами; откладывал свою обязанность лепить пластичный характер, пока тот не застыл, твердый, как бронза, в искаженном и перекошенном виде. Он откладывал все до того времени, когда исправление было невозможно, и расплачиваться должен был сам неплательщик. Ни о каком другом убийстве или акте жестокости никто из тех, кому заплатили за то, чтобы погубить его репутацию, не упоминает и не намекает. Самое худшее, что они могут сказать, - это то, что его характер был испорчен, и это неудивительно.

Читая жизнь этого императора, мы вынуждены признать, что его характер был испорчен; но нас поражает не столько этот факт, сколько необходимый вывод о том, что у него никогда не было возможности быть кем-то другим. Его недостатки - это, безусловно, недостатки детей, усиленные тем фактом, что он был ребенком, внезапно поставленным в прискорбное положение, когда любое сдерживание извне было невозможно, и когда его своенравная капризность не позволяла искушать суд. Обладание верховной властью означало для него безграничные привилегии, при этом он практически не был подготовлен к ответственности. Вся эта позиция вызывает скорее жалость, чем порицание, если мы осознали, что его единственное образование было невротическим или религиозным, причем фаллическим. Учитывая все вышесказанное, удивительно, что даже его враги не обвинили его в убийствах, насилии, зависти, ненависти или злобе; в этом обвиняли не только его предшественников, но даже тех, кого мир почитает как праведников, соль земли. Ни одна история не бывает безупречной. Если бы она была таковой, то относилась бы к лучшему миру; не имея возможности быть безупречной, история обычно глупа, а чаще всего ложна. Что касается Элагабала, то она дошла до абсурда благодаря невозможности утверждений, для которых она не может предложить ни доказательств, ни вероятности.

Именно в этот период в Никомидии, говорят нам историки царствования, исчезает его популярность - утверждение, которое, судя по медалям и надписям, а также по тому, что мы знаем о его необычайной щедрости, является и должно быть абсолютно ложным. Дальнейшее утверждение о том, что солдаты уже сожалели о своем поступке, свергнув Макрина, столь же абсурдно, поскольку у них не было для этого никаких оснований, и, будучи в основном возвращенными в свои кварталы, они практически ничего не знали о скандалах, которые полностью одобряли несколько месяцев назад. Впечатление, которое оставляют прилагательные, используемые на надписях, медалях и монетах, таково, что император пользовался бешеной популярностью не только среди военных, но и среди гражданского населения. Титулы полновесны, использование превосходных степеней беспрецедентно. Частое использование прилагательного *indulgentissimus* рассказывает свою историю, объясняет, что Рим думал о его характере. Нет ни малейших сомнений в том, что его щедрые расточительства привели к тому, что он понравился всему населению так, как мало кому из императоров, если вообще кому-то, когда-либо нравился, и прилагательные свидетельствуют о народных настроениях. Еще одной причиной популярности императора был Pax Romana, который он принес всему миру. О том, что он был популярен и выгоден, свидетельствуют надписи и многие монеты, до сих пор известные нам.

Пагубное влияние мира еще не было признано, и счастливый скептицизм успокаивал разум, давая волю чувствам. Жизнь была беззаботной, хотя мир по-прежнему был охвачен одной

великой страстью - Римом, его величием и славой. Колеса империи были хорошо смазаны; теперь они работали с удивительной плавностью, даже в провинциях, которые жесткость Республики отторгала. Это было время, когда даже в далекой Дакии влюбленный цитировал Горация своей служанке при свете луны, время, когда тога защищала мир. Жизнь была сладкой из-за изобилия приятных вещей. Сокровища мира были такими, каких никогда не было с тех пор, ресурсы богатства - чудесными. За триста лет, от Августа до Диоклетиана, не было создано ни одного нового налога, а в начале третьего века взносы граждан, установленные двумя веками ранее, стали настолько номинальными с ростом силы денег, что их вес стал почти ничтожным. Римский мир всем был обязан своему Imperium; неудивительно, что его жители обожали юношу, который олицетворял все это с такой грацией и либеральностью.

ГЛАВА V

РАННЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В РИМЕ

Правительство в Риме до 221 года н. э.

Писать историю с 219 по 221 год (в том виде, в каком она изложена в Scriptores) - задача, которая может быть выполнена только на языке, непонятном народу. Не то чтобы эти годы существенно отличались от предыдущих или последующих. "У каждого алтаря в Старом Риме был свой Хлодий", - так сказал нам Ювенал, - "и даже в отсутствие Хлодия в Митилене всегда витало дыхание сапфической песни". Рим был, конечно, старым, но не хорошим - по крайней мере, не в том смысле, в каком мы употребляем это слово сегодня. В этом не сомневается никто из тех, кто хоть раз пробирался через катакомбы классиков. А все потому, что римский мир был красив, наряден, неутилитарен; мир, в который еще не пришли трамваи, реклама и телеграфные столбы; мир, в котором еще были иллюзии, мифы и тайны, мир, в котором религия и поэзия шли рука об руку, мир без газет, лицемерия и ханжества", мир, в который этот мальчик-император, его ум, настроенный на всего окружающего, гордо вошел в июне или июле в 219 году милости.

Дата отъезда императорской семьи из Никомидии по имеющейся информации неясна, и мы можем лишь приблизительно определить дату их прибытия в город, сопоставив утверждение Евтропия, что он царствовал там два года и восемь месяцев, и утверждение Диона, что он царствовал в общей сложности три года девять месяцев и четыре дня, причем ни одно из этих утверждений не является определенным, поскольку не согласуется с другими авторитетами. Если бы дата, хотя бы месяц, смерти Антонина могли быть определены истолкованы, то дата его прибытия была бы ясна. Однако большинство авторитетов относят его въезд в город к первым двум неделям июля; Вирт, основываясь на вышеприведенных данных, предлагает, если быть точным, 11 июля. Однако различные обстоятельства склоняют нас к более раннему времени, скорее всего, к июню.

Кажется невероятным, что, если только болезнь, о которой уже говорилось, не носила самого серьезного характера, император, имея перед глазами неудачу Макрина, должен был оставаться вдали от Рима более года. Следует помнить, что император Каракалла несколько лет до своей смерти отсутствовал, воюя с парфянами; что Макрин провел все четырнадцать месяцев своего шаткого пребывания у власти в Антиохии или около нее; и что восстановленный дом Антонинов беспрерывно правил с 8 июня 218 года.

Таким образом, Рим около пяти лет оставался без своего двора и своего бога, олицетворяющего его величие. Все это время Рим кричал и изнемогал, ожидая, когда же жизнь оживит его великолепие. То, что Антонин был желанным и дико популярным, не вызывает сомнений, как на основании заявлений Лампридия и Евтропия, которые фиксируют спонтанность, с которой сенат и народ осуждали узурпаторский дом и радовались его восстановлению, так и на основании записей о том, как тепло Антонина встретили по прибытии. На самом деле, кажется, что все люди были довольны: армия - своим Антонином, сенат - своим Аврелием, народ - своим Августом или Нероном, в зависимости от обстоятельств. Кроме силы, у Рима не было ничего своего. Религия, литература, искусство, философия, роскошь и разврат - все это пришло извне. Греция дала ей художников; в Африке, Галлии и Испании были свои земледельцы; в Азии - свои ремесленники. Рим потреблял, но не производил; за исключением себя и своего величия, он был бесплоден. Она должна была желать, чтобы источник ее величия, воплощение ее силы находились в ее среде.

Это, конечно, предположение чисто косвенного характера, но есть нечто большее, чем предположение, что семья прибыла раньше июля. Существует запись о первом браке императора, который должен был состояться в начале этого месяца. Об этом свидетельствуют александрийские монеты, датированные LB, *то есть* до 28 августа 219 года. Брак состоялся в Риме, и новости о его совершении должны были дойти до Египта не менее чем за три-четыре недели, после чего пришлось бы вырезать новые монетные штампы и выпустить деньги, обычные дебетовые монеты в обиходе. Таким образом, самая поздняя возможная дата, когда мог состояться брак, чтобы найти в обращении монеты, фиксирующие это событие, до 28 августа, - это вторая неделя июля. Это не оставляет императору ни времени для выбора супруги после прибытия - что, в конце концов, было бы естественным желанием с его стороны, - ни, что более важно, времени для необходимых приготовлений к тому, что, по словам Геродиана, было самым грандиозным празднеством, свидетелем которого когда-либо был великолепный Рим. Дата, указанная Виртом, вполне возможна, особенно если Маеса выбрал жену и заранее провел приготовления; в противном случае, зная склонность Маесы к управлению, мы должны предположить более раннюю дату прибытия, тем более что ни один из биографов не согласен с продолжительностью правления, которое, по разным данным, длилось от шести лет (Геродиан) до тридцати месяцев (Виктор).

К сожалению, единственная известная надпись изуродована. Он установлен на Солнце в честь возвращения кого-то и Totius Domus Divinae. Она была найдена в 1885 году под улицей Тассо на постаменте, и на ней указана только дата ее возведения, 29 сентября 219 года, а не дата возвращения дома. Поэтому, чтобы оставить время до 21 июля для бракосочетания и празднеств, наиболее безопасным представляется предположение о начале путешествия либо в конце апреля, либо в начале мая, которое, проделав путь в 1600 миль, привело бы семью в Рим в начале июня. Это, конечно, предположение, но оно позволяет учесть время для известных событий.

Оказавшись в Риме, мы слышим мало хорошего о жизни, поведении, управлении и способностях императора. К сожалению, в основном нам приходится иметь дело с другом Константина, Аэлием Лампридием, человеком, чья биография представляет собой дешевое прославление Александра в сочетании с невежественным и вечным поношением религии и психологии Антонина. Все его утверждения, касающиеся фактов, можно было бы уместить на половине страницы любого обычного справочника, и даже их он умудряется так плохо

излагать или черпать из таких противоречивых источников, что они представляют собой просто массу бесполезных противоречий.

Въезд в город - это запись скандала, который увековечил только Иродиан. Этот писатель, как мы уже отмечали, нигде не славится своей точностью; он рассказывает, что кортеж представлял собой сброд женщин, евнухов и жрецов Солнца, окружавших императора. Мальчик был одет в шелковые одежды, которые носили жрецы Сирии. На голове у него красовалась драгоценная диадема персидского образца, а тело было унизано кольцами, ожерельями из жемчуга, браслетами и другими признаками вульгарной показности; щеки были разрисованы, брови сведены; в общем, он был похож на египетскую или ассирийскую куртизанку. В завершение мы имеем немного морали, которая рассказывает нам, как он не только испортил свою настоящую красоту такими экстравагантными вещами, но и сделал себя смешным в глазах богов и людей с помощью этих заимствованных плюмажей.



Монета 219 г. н. э. в честь прибытия Элагабала в Рим (Британский музей).



Либералиты II. Монета, выпущенная в 219 году н. э. в честь брака императора с Юлией Корнелией Паулой. (Из коллекции сэра Джеймса С. Хэя, К.С.М.Г.)



Монета 219 г. н.э., посвященная поставкам зерна (Британский музей).



Монета, выпущенная в 219 г. н.э. в честь выздоровления императора (Британский музей).

[Лицевая страница 110.](#)

Все это очень косвенно, очевидно, работа очевидца, но это не подтверждается свидетельством какой-либо монеты, выпущенной в память об этом событии. На *Adventus Augusti* изображен император, въезжающий в город с лаврами и в военной экипировке. О скандале не упоминают ни Лампридий, ни Дион; это означает, что, по крайней мере, с точки зрения Лампридия, его источник, Марий Максим, тогдашний префект города, который, несомненно, был очевидцем, не заметил ничего необычного. Это, надо полагать, ему очень хотелось сделать, поскольку он, судя по всему, сразу после этого освободил этот пост в пользу друга императора Евтихия, а это обстоятельство вряд ли было особенно приятно Мариусу и должно было побудить его быть начеку в поисках непристойностей. Дион, как мы уже говорили, тоже молчит, и он не упустил случая рассказать о слабостях Антонина. Конечно, можно, по крайней мере, отложить эту запись непростительной глупости в лимб других живописных небылиц и перейти к просеиванию аналогичных накоплений, которые Лампридий собрал для нашего развлечения.

Несомненно, первым делом он заключил союз с дочерью известного юриста Юлия Павла и отпраздновал это событие с колоссальным великолепием. Все авторы, за исключением Лампридия, который полностью игнорирует брак, приводят живописные подробности. Они описывают игры, в которых был убит только один слон и, чтобы уравновесить его, пятьдесят один тигр (цифры своеобразны, но не поддаются проверке); общую раздачу пшеницы, необычное великолепие всей сцены и конгиарии, в которых участвовали даже жены сенаторов. Больше всего обращают на себя внимание денежные суммы; каждый житель Рима получил по 150 драхм на голову, кроме солдат, которые получили только 100 или чуть больше - уменьшение обещанных привилегий, ранее предоставленных Каракаллой, что вряд ли могло понравиться владыкам Рима, особенно если, как говорит Лампридий, император уже начал терять свою популярность в армии. Это почти предполагает смену идей в политическом теле и утверждает, что новое правительство стремится к тем же реформам, которые погубили Макрина, а это обстоятельство не может быть выгодным для всех заинтересованных сторон. Разумеется, уменьшать донатив по такому случаю было неразумно и не способствовало миру, но об этом мы расскажем позже.

Сразу после празднеств в честь прибытия и, как было предположено, бракосочетания, поскольку в этом году мы можем проследить только один конгирий и один набор ликований - что скорее заставляет предположить, что упомянутая необычайная щедрость предназначалась для двух случаев, - император приступил к работе, чтобы обеспечить приют для своего бога. На самом деле, их было два. Первый, самый великолепный, находился на Палатине; другой, почти такой же огромный и прекрасный, был своего рода летним местом отдыха в пригороде. Виссова считает, что второй находился в восточной части города, недалеко от Санта-Кроче, рядом с Порто Праенестина, и что он был построен на участке земли, известном как "Ad Spem Veterem"; другими словами, в саду, принадлежавшем Варию Марцеллу, покойному мужу императрицы Соамии, и, следовательно, являвшемся императорской собственностью.

Что касается местоположения первого храма, то у нас есть более определенные доказательства. Баумейстер определил некоторые руины на Палатине как Элиогабалиум, и хотя его выводы не являются общепринятыми, все греческие авторы согласны с тем, что Палатин был центром культа. Виктор говорит нам, что бог был установлен в "Palatii penetralibus", а Секст Руф подтверждает утверждение Лампридия, что он находился на месте храма Оркуса (Плутона) на стороне Circus Maximus на Палатинском холме.

Некоторое представление о его общем великолепии можно получить из монеты, выпущенной в 222 году, которую описывает Студничка. "Храм, - говорит он, - возвышается на большую высоту в великолепной симметрии колонн и частично покрыт фигурой императора и его сопровождающего. Под группой виднеется вход во двор храма, увенчанный статуями". По обе стороны от входа расположены крылья-залы, необычайно напоминающие портики Браманте в соборе Святого Петра, а место статуй в качестве акротерия занимают орлы.

Не стоит полагать, несмотря на заявление Ксифилина, что культ этого бога Солнца впервые появился в Риме в этот период. На всех императорских деньгах, отчеканенных в Эмесе, уже много лет назад были изображены его храм, камень и орел на аверсе, кроме того, поклонение Митре, персидскому богу Солнца, по мнению Кумона, было самой популярной религией в Риме в это время. Септимий Северус построил храм на Палатине в его честь, несомненно, с помощью и по совету семьи поклонников Элагабала, и, похоже, в городе было много других храмов; этот факт, как правило, прокладывает путь к реализации плана Антонина. Однако он не мог развиваться до тех пор, пока не был завершен храм, что, судя по

свидетельствам, которые можно почерпнуть из монет и надписей, стало возможным лишь поздней осенью следующего, 220 года.

Не успели достроить храм, как в действие была приведена схема объединения церквей, которую император задумал сам и собирался продвигать всей мощью императорского командования. Как мы уже говорили, Антонин не больше думал о том, чтобы сделать Елагабала простым соперником римских божеств, чем Константин о том, чтобы поставить Христа в это незавидное положение. Он намеревался, чтобы Господь поглотил все остальные божества, взял в плен всех богов старого Рима. Для этого необходимо было, во-первых, поразить мир величием, красотой, силой и великолепиям того существа, которое столь чудесным образом избавило семью Бассианов от финикийской неизвестности и вывело их на яростный свет римского полудня; Во-вторых, он должен был заключить союз с главой и центром старого римского культа Весты, единой религии, которая символизировала Рим, его вечность и неугасающую славу; в-третьих, он должен был приобрести все предметы священного поклонения и перенести их в храм Элагабала, чтобы привлечь поклонников и стимулировать преданность.

Для осуществления первой из этих целей он учредил самое величественное поклонение, которое только было придумано. Как первосвященник, он ежедневно спускался из дворца, чтобы принести в жертву огромное количество быков и овец на бесчисленных алтарях, усыпанных благовониями и ароматами. Возлияния были более обильными и дорогостоящими, чем все, о которых до сих пор слышали. Геродиан рассказывает, как редкие и дорогие вина, смешиваясь с кровью жертв, создавали огромные потоки во всех направлениях; но даже этих трат было недостаточно: с давидовым упорством император танцевал, окружая алтари, за ним следовали сирийцы, мужчины и женщины, составлявшие его двор, а демонстрация и трата энергии сопровождалась грохотом кимвалов и других музыкальных инструментов, привезенных из дома бога на Востоке. На этих оргиях сенат сидел большим полукругом и, к счастью, был всего лишь зрителем представления. Меньше повезло генералам армий, правителям провинций и придворным чиновникам всех мастей. Этих достойных Антонин одел в копии своих собственных шлейфовых одеяний и велел выполнять рутинную работу у алтарей Божьих, что заставило их скрежетать зубами и бегать по городу, внятно заявляя (одному другому, разумеется), что они бесконечно предпочитают шатры безбожия всем и всяческим офисам божественной религии, особенно в ее семитских формах. С самого начала Элагабал был непопулярен среди высших слоев общества. У них были причины не любить эту бесчувственную показуху. С населением, вероятно, все было иначе, по крайней мере, на какое-то время. Можно представить себе их радость при виде того, как каждое утро ярус за ярусом собираются отцы-призывники - невольные зрители зрелища, которое им было противно.

Как мы уже отмечали, другие восточные культы пользовались в Риме большим успехом среди всех сословий и привлекли внимание не одного из членов этого августейшего органа. Мы уже упоминали о поклонении богу солнца Митре, значение которого, наряду с другими подобными религиями, постоянно возрастало с 204 года до н. э., когда он был введен в городе.

Восточные культы были популярны, потому что удовлетворяли потребность в личной духовной религии, в то время как религия Рима, хотя и была прекрасной, мужественной и сильной, была чисто политической. Бог Рима был Римом и занимался исключительно патриотизмом. О человеке, о его счастье или стремлениях он не заботился вовсе. Это было процветание империи, ее мир и бессмертие, ради которых приносились жертвы и возлияния. Античные добродетели - мужество на войне, умеренность в мире и честь во все времена -

были гражданскими, а не личными. Душа была у государства, а не у отдельного человека. Человек был эфемерен, нация - вечна.^[57] Естественно, это не удовлетворяло необразованных людей; их Рим был сокращением всех суеверий, их Пантеон - скотобойней богов, которые управляли смертью и чьим поклонением была кровь.

К этому добавилось поклонение Исиде, тайны Митры, главной нотой которых был мистицизм. Было что-то пугающее и в то же время манящее в авральных функциях, посвящениях, секретах, разглашать которые было смертельно опасно. Обряды, которые ввел Антонин, были совершенно откровенными, семитскими, сирийскими. В них, насколько мы можем судить, не было ничего особо таинственного, ни в плане инициации, ни в плане прогрессии, мало что могло привлечь любопытство даже набожных людей. Все, к чему мог апеллировать Элагабал, - это общественное любопытство; его поклонение, по сути, с *самого начала* было рассчитано именно на него и ни на что большее; даже с такой целью оно могло бы стать популярным, если бы не то, что Антонин сделал это всеобъемлющее божество слишком легкодоступным, в результате чего оно стало слишком дешевым. Император, похоже, рано осознал это и разработал схему объединения уже популярных мистерий всех других богов со своей собственной; этому решению мы можем приписать истории о его посвящении в жрецы Кибелы и остальных; он думал, что это повысит привлекательность его бога и обеспечит ему популярность в глазах толпы.

Насколько мы можем судить по монетам и медалям, религиозные идеалы Антонина и его всеобъемлющий культ практически не демонстрировались вплоть до конца 220 года, пока не был готов храм и не были готовы необходимые вспомогательные элементы. С его открытием сюда были перенесены самые почитаемые предметы римского суеверия: все священные камни, даже Палладий из храма Минервы, священный огонь, который был символом существования Рима, даже упавшие с неба щиты, с которыми оракулы связывали судьбы самого города. Но обо всем этом - в своем месте.

Конечно, при всех своих попытках Элагабал не стал популярным божеством. Люди стали опасаться его склонности к поглощению других культов. Его жадность в поглощении вековых божеств заставляла суеверных людей опасаться за дальнейшее существование богов, которые, как они смутно верили, когда-нибудь им понадобятся и которые тогда потеряют свою силу и власть. Но была еще одна причина непопулярности Элагабала - попытка императора объединить гебраистские и христианские мистерии с мистериями его собственного Бога.

Ни христиане, ни иудеи никогда не были популярны в старом Риме. Их характеры, обряды и махинации вызвали искреннее неодобрение как у правителей, так и у управляемых; их называли грабителями, ворами, лжецами, нарушителями закона, даже канибалами, людьми, лишенными всех добродетелей, которыми дорожил Рим; людьми, которые устанавливали свой собственный образец вероучения, исключая все остальные, что, вообще говоря, было подрывом правительства, закона и порядка. Это были люди, совершенно неугодные верховным богам, и поэтому их можно было пощадить только в том случае, если хозяин Рима не давал согласия на убийство.

Антонин же явно защищал этих атеистических бродяг, граждан ни одного государства, возмутителей спокойствия всех народов; более того, он пытался терпеть их богохульства, объединяя их со своей собственной религией. Как мы уже говорили, Рим, вероятно, был знаком с Элагабалом по сирийскому дому и эмесским монетам, но с другой иудейской религией у них было не мало разногласий, и они, конечно, не хотели объединять ее с

почитаемыми культами города, как это, похоже, собирался сделать Антонин. Это был, безусловно, плохой день для дома Севера, когда император решил связать себя с ненавистным иудаизмом.

Мы должны на время оставить историю религиозных изменений и устремлений Антонина, чтобы рассказать о светской работе, проделанной между летом 219 года и осенью или зимой 220 года, может быть, даже до первых недель 221 года, когда император совершил ту жизненно важную ошибку в политике, которая бросила его в руки семьи, к его гибели.

Среди "фактов", записанных Лампридием относительно этого периода, мы имеем два взаимоисключающих заявления, касающихся приема матери и бабушки императора в сенат и их правительственного положения в государстве. В первом (в § 4) говорится, что на первом же заседании этого августейшего собрания Антонин послал за своей матерью; что по ее прибытии он позвал ее занять место рядом с консулами; и что вместе с ними она подписывала декреты, *Senatus Consulta* и другие документы - чудовище, которое никогда не совершала ни одна женщина и о котором, конечно, никогда больше не слышали. В конце он отмечает, что она получила титул Клариссимы, единственной женщины, которой когда-либо была оказана эта честь, - в общем, это очень косвенный рассказ.

Несколькими разделами дальше (§ 12) он рассказывает, как Антонин всегда брал с собой свою бабушку Варию, когда отправлялся в лагерь или в сенат, чтобы придать ему авторитет и достоинство, которых ему не хватало, добавляя, что до нее ни одна женщина не была допущена в сенат ни для того, чтобы высказать свое мнение, ни для того, чтобы поставить свою подпись. Примечательно, кстати, что Вария никогда не была и не могла быть именем Маэсы - вот вам и неосведомленность Лампридия в истории семьи.

Итак, либо Антонин взял одну из них, либо обе, либо ни одну; Лампридий говорит, что обе - каждая из них исключает другую, поскольку каждая была первой, каждая - единственной женщиной, а Соамия была одной Клариссимой. Разве нельзя увидеть ревнивый гнев бабушки, настоящего политика, на то, что ее абсолютно неспособную дочь возвысили над ее головой с помощью этого желанного титула (титул, кстати, который невыразимо наскучил бы темпераменту Соамии), а ее саму низвели до низшего положения?

Единственный вывод, который можно сделать, это тот, который зафиксирован во всех надписях, а именно, что Маэса была доминирующим фактором, поскольку ее имя всегда стоит первым, когда она и Соэмиас упоминаются вместе. Маэса, по всей вероятности, действительно проскользнула в сенат; она бы очень высоко оценила достоинство этой должности, и этот факт дал бы основание для какой-либо истории, которая получила распространение. Антонин, конечно, не стал бы возражать; сенат больше не был правительством, как его правильно называть; Маэса не могла причинить там никакого вреда, и это было бы для нее поощрением за ту малую власть, которую она осуществляла в реальном развитии событий.

Соамия, как мы вполне можем предположить, была президентом собрания на Квиринале, которое Лампридий высмеивает как основание Антонина, но говорит, что оно существовало еще до его времени. Оно называлось Сенакулум или Монастырь Матроны. Фридлиндер говорит, что это было древнее и почетное собрание еще в 394 году до н. э., когда его члены проголосовали своими драгоценностями, чтобы помочь увеличить десятину в связи с добычей в Вейях. Сенека упоминает о нем в своем трактате *De matrimoniis* как о регулярном собрании. В 209 году до н. э. матроны, руководствуясь предзнаменованиями, собрались, чтобы принять решение об изгнании; еще в императорские времена Суэтоний говорит, что собрание собралось, чтобы упрекнуть Агриппину за ее капризы; а Иероним причисляет к

отвлеченным занятиям римской жизни ежедневное присутствие на *Matronarum Senatus*. Итак, что может найти для себя ворчливый критик в этом постоянном собрании, которое собиралось для выполнения положений *Lex Appia*, просто невозможно представить, разве что то, что, будучи предвзятым в ранней юности, он отказывался слушать любые аргументы в пользу расширения прав или обязанностей женщин в государстве. Во всяком случае, вряд ли справедливо клеймить как аморальный и предосудительный поступок то, что император предоставил этому женскому сенату право издавать необходимые указы по вопросам, за которыми теперь очень умело следит департамент лорда-камергера. Обсуждались вопросы, касающиеся длины поезда или придворной формы гвардейца; старшинства, полагающегося по рангу; кто должен ждать приветствия другого; кому подходит карета; кому - седло; кому - общественный транспорт; кому - простая повозка с ослом; кто может использовать мулов; или для кого волы считаются достаточно быстрыми; для кого седло может быть инкрустировано слоновой костью; для кого костью; для кого серебром; или даже при указании на то, какие люди могут носить золотые и драгоценные пряжки на обуви без обвинения в плутовском хвастовстве.

Сегодня, несмотря на то что мы продвинулись вперед на восемнадцать столетий, в правительственных кругах принято считать, что подобные вопросы лучше всего решать женщинам, а такие полезные, не говоря уже о необходимых, функции, касающиеся вежливых удобств цивилизованного существования, власти охотно уступили бы своему полу, если бы только это позволило унять кошачью вражду, которая в последнее время мешает светским раутам и даже общению между представителями государственной власти и дамами, ищущими полезного выхода для своей излишней энергии. Увы, мир стал старше, и женский разум теперь знает, что способен регулировать как социальный, так и политический мир, и не намерен удовлетворять свои стремления, подобно Соамии, с помощью социальной стороны жизни, пока простой мужчина противится ее вхождению в политическую сферу.

Конечно, если принять во внимание все обстоятельства, это презрение к тому, что было древним и все еще полезным органом, является лишь еще одним доказательством того, в каком духе биографы осыпали поношениями мальчика, который так явно стремился удовлетворить своих родственников, дав им выход их энергии, сохранив при этом основные полномочия правительства в своих собственных руках. Конечно, он потерпел неудачу, главным образом потому, что его бабушка не была удовлетворена своей функцией в государстве, она хотела отнять у Антонина то, что было его правом, и то, что она хотела, она намеревалась получить любой ценой. Действительно ли она стремилась в Сенат и добилась этого - другой вопрос. Точно известно, что при Александре Севере ни одна женщина не заседала в этом собрании; кроме того, были приняты указы, запрещающие их присутствие там навсегда. В первые годы правления Маеса была почти единоличной правительницей, и нельзя поверить, что она лишила себя хоть толики власти, которую когда-то приобрела. Есть один случай, и только один, когда мы вполне можем представить, как утверждают авторы, что все женщины официально присутствовали в сенате, а именно на заседании, когда был принят Александр. В остальное время мы можем считать, что они присутствовали там, подобно тому, как королева-консорт присутствует в палате пэров, но без какого-либо реального политического значения.

К этому периоду Лампридий относит зиму, проведенную в Никомидии, что является весьма справедливым примером вопиющей беспечности и глупости этого биографа. Учитывая, что и Дион, и Геродиан совершенно точно указывают фактическую дату, чудовищно, что он поместил этот период всего на год позже, чем это произошло на самом деле, и, как мы уже

говорили, только в этом вопросе он заставляет нас сомневаться в его точности, когда речь идет о факте или вымысле.

Лампридий с большим морализаторством, уже заявив, что император потерял свою популярность вскоре после смерти Макрина, вновь относит ее к нынешнему году, а именно с лета 219 года по осень 220 года, и это без указания причины, повода или бесхозяйственности, которые могли бы оправдать это заявление, если не считать туманного утверждения, что он пренебрегал государственными делами ради религии, хотя, насколько мы можем судить, император начал пренебрегать государством ради церкви только после открытия своего храма. После этого мы вполне можем поверить, что все его силы были сосредоточены на его культе, ошибка, которую, подобно той, что совершили некоторые государи Стюарты в этой просвещенной стране, в равной степени лишила, одного - головы, а другого - короны. До самого конца 220 года не приводится ни одного акта жестокости, ни одного обвинения в вопиющих или жизненно важных ошибках.

Прибыв в этот период, можно многое сказать - бесхозяйственность в делах растет быстрыми темпами. Во-первых, это его религия, которую он превращает в сплошное бельмо на глазу; во-вторых, его обвиняют в продаже почестей, достоинств и власти, как своими руками, так и руками своих фаворитов; в-третьих, он назначает сенаторов, не обращая внимания ни на их возраст, ни на здравый смысл, ни на знатность; в-четвертых, он продает должности префекта, трибуна, посла и генерала, даже те, что находятся в самом дворце.

Все это может быть совершенно правдой. Антонину наверняка нужны были деньги, но, как мы уже отмечали, у него была страсть к дарению, а не к получению. Поэтому наиболее вероятным представляется предположение, что он раздавал должности без разбора тем, кто ему угождал, а его фавориты, зачастую люди низкого происхождения и недостойные, продавали то, что им удавалось заполучить, тому, кто больше заплатит. Обвинение не выдерживает критики из-за того, что не названо ни одного имени, не приведено ни одного примера, кроме двух погонщиков колесниц, Протогена и Гордия, приближенных императора и наблюдателей за его спортом. Вполне возможно, что он восхищался и любил этих людей за их мастерство в спорте, а недоброжелательные умы увидели в этой дружбе больше, чем было оправдано. О Протогене мы больше ничего не слышим. Корд или Гордий - возможно, тот же человек, что и вышеупомянутый - был назначен префектом стражи в течение следующего года; возможно, он был полезен, возможно, нет; так или иначе, он был уволен осенью 221 года.

Среди последних событий этого 220-го года нашего спасения, или начала 221-го, был развод августейшей Юлии Корнелии Паулы, императрицы. Мы знаем, что это произошло в конце года, поскольку существуют монеты, отчеканенные в Александрии после 29 августа и носящие ее имя, и другие, отчеканенные в Триполисе в Финикии после октября 220 года (Eckhel). По всей вероятности, эта дама была не прочь удалиться в роскошное уединение, женщина с прошлым и будущим.

Конечно, ее муж скандально пренебрегал ею, если хотя бы десятая часть рассказов Лампридия о его неверности правдива, а, судя по тому, что мы можем узнать о его психологическом состоянии, некоторые из них явно таковы. Современные исследования подобных психопатических состояний склоняют нас к тому, что мальчик был своего рода нимфоманом, если не полностью гомосексуальным, то по крайней мере гетеросексуальным, с сильным гомосексуальным инстинктом, и было бы противоестественно для любой женщины ценить такой темперамент в муже, особенно когда она знала, как, должно быть, знала, поскольку он был совершенно откровенен, что он уже состоит в брачном союзе с

возницей Иероклом, называя себя женой и императрицей, и что он привязан не только к этому человеку, но и ко многим другим, за которыми по всей империи велись расследования из-за их внешности и способности удовлетворить его манию.

Это, конечно, версия Лампридия о характере императора, и те же источники использовали и Дион, и Геродиан с похожей, хотя и различной степенью грубости выражения. Несомненно, мальчик был ненормальным по своей природе, как и почти все императоры Старого Рима. У Антонина были моменты, когда он подражал девственнице, когда был женой, когда ожидал стать матерью, когда чесал шерсть, когда играл на пандоре (музыкальный инструмент с тремя струнами, изобретенный ассирийцами, по словам Поллукса, или, как замечает Исидор, приписываемый самому богу Пану). Кроме того, он играл на гидравлическом органе того времени и любил переодеваться в женскую одежду, даже в обычную форму куртизанки, принимая позы, голос и манеры самых искусных.

Несомненно, эти занятия были весьма предосудительны и неприятны и подлежали осуждению все до единого; хотя сегодня мы как-то не склонны считать мастерство в музыке среди мужчин столь же порицаемым и отвратительным искусством, как и другие пороки - чтобы не называть их хуже - которые так справедливо порицает Лампридий. К сожалению, многие из них, по-видимому, совершенно естественны для императора в силу его необученной и необузданной натуры, хотя Форке де Дорн считает, что злые умыслы неверно истолковали не столько дурные наклонности, сколько его врожденное желание нравиться в сочетании с искренним стремлением тратить все свои силы на других людей, тем более что это была не единственная сторона характера мальчика, как хотели бы заставить нас поверить биографы. А все потому, что среди перечня его безрассудств нам рассказывают, что он любил ездить на колесницах как во дворце, так и в цирке, одевался в зеленую тунику и был самым ловким в этом виде спорта.

В наши дни скачки считаются спортом королей; конечно, они не являются очевидным результатом слабоволия или деградации ума, скорее наоборот: это мужественное занятие, требующее нервов, мужества и других мужественных качеств. В Риме третьего века все было примерно так же, но в целях отвращения потомков Лампридий старался так не думать. Он указал, что это призвание, приличествующее только кучерам и лакеям, хотя он должен был знать, если он вообще думал об этом, что его читатели будут слушать, засунув языки в щеки, когда он попытается утверждать, что мужество, нервы и мужество, которые мальчик проявил в этом виде спорта, являются свидетельствами того же вырождения, которое он осуждал, когда рассказывал о чесании шерсти и других женских занятиях. Целые сонмы людей, королей и императоров всех веков предавались опьянению скачками. Одного факта, что Лампридий поставил эту историю с явно глупой и надуманной моралью в один ряд с действительно серьезными скандалами, было бы достаточно, чтобы заставить критиков не доверять не только его информации, но даже его способности понимать и использовать ее, когда он ее получил.

Таким образом, подводя итог нашим исследованиям месяцев с июня 219 по ноябрь 220 года, мы должны признать, что никаких грубых безрассудств совершено еще не было. Император тратил свое время на строительство храмов, восстановление Флавианского амфитеатра, сгоревшего 23 августа 217 года, достройку бань Каракаллы и возведение собственных великолепных купален во дворце и на Авентине. Он вновь основал сенат и построил для него зал; он занимался делами, помогая своему коллеге-консулу Евтихию, и выносил праведные суждения, как признают все биографы, когда он посещал суды или сенат. Кроме того, он был очень популярен, либерален и щедр, хотя и предан застольным удовольствиям и, к сожалению, гермафродитичен, что, конечно, смягчалось тем, что он был предан

упражнениям на свежем воздухе, особенно тем, которые требовали мужества, нервов и силы воли. Под всем этим скрывается преобладающее религиозное чувство и просто монотеистическая одержимость, которая привела его к гибели.

221 год - время полного провала Антонина. Насколько мы можем судить по нумизматическим свидетельствам, одним из первых его действий был развод, как мы уже говорили, с императрицей Юлией Павлой, вероятно, во исполнение его плана религиозного единства. Он задумал сделать своего бога абсолютно верховным путем союза с поклонением Весте. Эта богиня и ее священный камень или фаллос, называемый Палладием, а также ее щиты или панцири были посланы в Трою прямо с небес. Эней принес их в Лаций, и они стали главой и центром римского величия. Паллада, или Веста, была слишком могущественна, чтобы ее можно было поглотить обычным способом. Поэтому Антонин решил, что его бог, будучи неженатым, вполне может получить владение Вестой через брачный союз. Как Pontifex Maximus, он был главой культа Весты и имел полное право входить в ее святилище, когда и как ему заблагорассудится, - обстоятельство, которое Лампридий полностью игнорировал, когда говорил, что император незаконно проник в храм. Антонин, несомненно, действительно вошел в ее святилище в это время и взял священный огонь, перенес его в Элиогабилиум. Лампридий утверждает, что верховная жрица, ревнуя о потере своего подопечного, попыталась подсунуть ему фальшивый сосуд, но император увидел обман и разбил кувшин в знак презрения к глупому мошенничеству. Одновременно он перенес священный камень и, следуя своему плану, отпраздновал бракосочетание, на которое рассчитывал. Это было достаточно плохо для римской восприимчивости, но он поступил еще хуже. Будучи сам свободным, он решил жениться на одной из священных весталок из святилища новой жены своего бога. Его, несомненно, привлекли чары Аквиллии Севера, женщины уже не первой молодости, если судить по ее изображению, но которой его религиозные и личные пристрастия указывали на подходящую супругу. Паллас и Элагабал соединились в небесном союзе, как и многие другие сирийские и египетские божества; почему бы тогда Антонину, главному жрецу Солнца, и Аквиллии, важной жрице Минервы, не соединиться в плодотворном союзе, который произвел бы на свет полубога, подходящего для империи?

В этой теории были свои плюсы. К сожалению, Рим их не увидел. Она стояла, явно ошеломленная, и ей очень не нравилась эта идея. Тогда, как и сейчас, Риму не нравилось публичное отречение от клятв; это был непростительный скандал. Как заметил Климент VII несколько лет спустя Генриху Тюдору, с таким же неподдельным пылом: "Молитесь, ублажайте себя всеми средствами, но не ставьте меня в известность". Это было и всегда будет истинно римским отношением. Совокупление среди этих дам было совершенно естественным, но брак - никогда; он оскорблял восприимчивость, а отсюда и последующие неприятности. Антонин, похоже, не понял этого факта, а если кто-то и сказал ему об этом, то он был слишком увлечен своей затеей, чтобы отказаться от нее безропотно. Но даже сенат, похоже, запротестовал, и возник заговор, в котором были замешаны Помпоний Басс и Силий Мессала (вероятно, вдохновленные этой благородной дамой Юлией Мамаей). Это была попытка подменить какого-нибудь другого человека юношей, который так мало знал о римских чувствах, чтобы совершить это святотатство. Эти два человека были известными болтунами, которые уже свергли одного императора и, очевидно, жаждали получить новую работу в том же направлении. К несчастью для них, план был раскрыт, а их тайный суд, на котором рассматривались действия императора, подвергся налету. Они немедленно предстали перед Сенатом и были осуждены за преступление *lèse-majesté* или

государственную измену, а возможно, и за то, и за другое, и таким образом их постигла судьба, которую они так заслужили; но об этих двух людях у нас еще будет повод поговорить позже.

В связи с этим двойным браком (двух богов, верховного жреца и весталки) следует отметить еще одну вещь, а именно возведение святилища на Форуме в честь этого события, которое, по словам Коммендаторе Бони, было построено, вероятно, где-то летом 221 года. Некоторые фрагменты столицы, обнаруженные неподалеку от этого места в 1870-1872 годах, изображают бога Элагабала между Минервой и Уранией, его второй женой, что приводит к выводу, что союз с Вестой, хотя уже и не земной, но, по крайней мере, рассматривался как духовный.

Но продолжим. К весне 221 года Антонин должен был понять, даже если друзья не говорили ему об этом, что его религиозные идеалы далеко не популярны. Сам факт заговора был достаточным, чтобы показать ему, как меняется общественное мнение, к тому же, похоже, на императора оказывалось общее давление, чтобы исправить две вопиющие ошибки, которые он только что совершил благодаря своей извращенной религиозности. От Диона и Геродиана мы знаем, что ни один из браков не продлился долго. Нумизматические свидетельства о третьей свадьбе датируются 28 августа 221 года, что предполагает, что Аквилія Севера вернулась в женский монастырь, а празднование бракосочетания Солнца и Луны подразумевает, что Минерва вернулась в уединение, из которого ее никогда не должны были выводить. Должно быть, это был большой удар для мальчика - отказаться от одной из главных частей своего плана, но он видел, что Элагабалу не принесет пользы пренебрежение к религии, с которой неразрывно связаны судьбы Рима, и что он просто открыл путь к махинациям своей бабушки. Кроме того, как отмечает Боргези, Евтихий, вероятно, снова был рядом с ним в качестве городского префекта, а в этой должности он мог бы лучше судить о чувствах, которые вызвал поступок Антонина, чем в качестве консула. В результате император опубликовал заявление, отнюдь не примирительного характера, в котором сообщал, что его богу не нравится такая боевая жена, в связи с чем он решил вернуть ее в ее собственное святилище, а вместо нее послать за Астартой из Карфагена. Карфагенская Танит, Юнона Коэлестис или Магна Матер, как ее называли в Италии, где ее значение возросло с третьего века до нашей эры, когда она была впервые представлена, была, вероятно, финикийской богиней с космополитическими наклонностями. Кюмон рассказывает, что это девичье божество отождествляли с Дианой, Кибелой, а иногда и с Венерой. Обычно ее называли лунной богиней, несомненно, она обладала двойственной природой: как царица небес она управляла луной и звездами и ниспосылала на землю живительные дожди, а как олицетворение производительной силы природы она была покровительницей плодородия. Позднее в Риме она была отождествлена с культом Митры, который настолько завладел народным сознанием и сейчас находился на вершине своего могущества. Несомненно, введение этой богини в их среду, тем более что это не могло задеть ни одного местного суеверия, было бы популярным шагом, и Элагабал получил бы отраженную славу; по крайней мере, среди невежественных и религиозных людей, которым такая откровенная чепуха обязательно понравилась бы. С точки зрения самого императора, брак был вполне уместен, ведь царица небес не только уступала Солнцу по власти, но и была богата, а вместе с ней, по словам Геродиана, ушли и все ее сокровища. Однако Дион категорически отрицает это утверждение, заявляя, что император отказался взять из ее храма что-либо, кроме двух золотых львов, предположительно в качестве защиты в

путешествии, а сам обеспечил ее приданое общим налогом на всю империю; вот вам и соперничество очевидцев.

Примерно в это же время, несомненно (как мы уже говорили) до 28 августа, Антонин женился еще раз, предположительно по наущению своей бабушки и чтобы заручиться поддержкой патрицианского сословия. Невеста была вдовой того самого болтуна Помпония Басса, недавно скончавшегося. Этот союз, как и союз с Богом, должен был пользоваться популярностью среди всех сословий, а дама, хотя и не первой молодости (по портретам на ее медалях создается впечатление, что ей около сорока пяти лет), происходила из императорского рода Антонинов. Несомненно, император вскоре устал от ее чар, которые вряд ли могли понравиться восемнадцатилетнему юноше, и поэтому, как нам говорят, он не ее надолго. Она была подругой его бабушки, известной и амбициозной женщины, которая с удовольствием сразу же осушила ее глаза и присоединилась к плану Маэсы назначить своего рода брачного опекуна для мальчика, что, естественно, стало бы большим преимуществом в борьбе, которую его бабушка и тетя полностью решили с того момента, когда он совершил свою ошибку, недооценив народную антипатию к своей неудачной религиозной схеме.

Теперь и Маэса, и Мамай действовали сообща, ибо оба были полны решимости укрепить в своих руках власть, принадлежавшую Антонине по праву. С этого момента начинается непрерывная политика коррупции, очернения и захвата власти, а женщины, протягивая свои жадные когти, отнимают у мальчика его популярность, друзей и репутацию. Геродиан рассказывает нам о деньгах, потраченных на развращение стражников. Каждое слово биографий рассказывает ту же историю. Даже когда они обманули его смерть и положили в его комнату другого, они не смогли оставить память о нем в покое. Козырную карту в этой игре разыграла дипломатия Маэсы; она знала, что единственный способ завоевать мальчика - это приобщиться к его религиозным идеалам, и поэтому, похоже, приняла его план союза Элагабала и Урании. Она сочувствовала его стремлению сделать своего бога популярным; в самом деле, разве Элагабал не был и ее богом, принадлежащим ей по праву старшей в его наследственном доме жрецов? Очень хитро она вошла в его мальчишеское доверие, ублажала его разум, а затем предложила свой великий план - назначить Алексиана в помощь ему в управлении государством, для помощи в светских делах, которые так мешали духовным и священническим функциям императора.

ГЛАВА VI

ОТНОШЕНИЯ АНТОНИНА С АЛЕКСАНДРОМ

Лампридий в своей жизни Александра Севера предоставил нам массу непереваренной информации о характере и повседневной жизни сына Мама. Повествование в равной степени стремится доказать достоинства Александра и представить деградацию его предшественника. Каким-то образом панегирику не хватает огня; Лампридий выдает спазматическое и непросвещенное рассуждение о пустяках вместе с бессистемным эссе о моральных качествах своего героя. Он уверяет нас, что Александр обладал царственной внешностью, большими горящими глазами, пронизательным взглядом, мужественной внешностью, ростом и здоровьем воина. Практика идеализации внешности царственных особ небызвестна даже в наши дни. К сожалению, это описание никак не подтверждается сохранившимися портретами. Александр, изображенный на ватиканском бюсте,

безусловно, обладает силой, но она такова, какой обладает похотливый угольщик, с бычьей шеей и толстым черепом; неопределенные черты лица, слабый рот и подбородок, низкий лоб, наполовину скрытый волосами, говорят скорее о мягкой воспитанности, чем о мужественности, а глаза, далекие от вспышки, кажутся, по выражению Дюруа, "пристальными, не видящими". Это фигура не римлянина и не правителя людей, а всего лишь представителя семьи, к которой он принадлежал, хотя и отлитая в эстетскую и часто используемую форму; это лицо полукаста финикийца, каким он, по счастливой случайности, и был. Александр был абсолютно идеальным инструментом для целей плана своей бабушки, и, как следствие, Лампридий записывает ряд предзнаменований, предвещающих его царственное рождение. Весь зверинец Египта, казалось, провозгласил его царем. Конечно, рассуждала Маэса, такие доказательства пригодности убедили бы истинно религиозную Антонину; и вот, вооружившись доказательствами, дама отправилась осуществлять свой план. Но, как мы уже говорили, император был привычен к ее хитростям; она уже пыталась его переубедить и потерпела неудачу; на этот раз она напала на него именно из-за религии, из-за необходимости посвятить все свои силы осуществлению его великого и всеобъемлющего замысла. Нам, знающим результаты, жалко смотреть на коварство змеи, продающей невинность ради собственной выгоды. Маесе в это время было уже около пятидесяти лет, и мы можем с уверенностью сказать, что она была в тесном союзе со своей дочерью Мамаей, которая уже давно прониклась святым ужасом не только к грехам своего племянника, но и к личности грешника. Она была настолько убеждена в своей правоте, что уже считала своим непереносимым долгом и особой привилегией пытаться развратить стражу и поддерживать всевозможные заговоры, которые недовольные функционеры могли бы предпринять против личности императора.

В современном мире продажность - это порок, и тогда, как и сейчас, можно было найти людей, которые считали, что их полезность недооценена, а должность неадекватно отражает их достоинства. До нас дошли сведения, по крайней мере, о трех таких людях и их попытках: первая была организована Помпонием Бассом и его коллегой Силием Мессалой, которые приняли аргументы Мамаея о нежелательности продолжения ошибочной религиозной политики Антонина; вторая - Сеем Каром, который в 221 году пытался развратить Альбанский легион в своих интересах или в интересах Алексиана - и в обоих этих заговорах, как мы можем предположить, Юлия Мамай приложила немалую руку.

Вопрос о Сее Карусе представляет значительный интерес с этой точки зрения. Этот господин был богат и принадлежал к патрициям, что не мешало ему, по словам Диона, свободно тратить свои деньги среди солдат, явно имея скрытые мотивы. К несчастью для него, он набрал не на тот легион, который сейчас квартировал под Римом и который с такой готовностью присоединился к Антонину в Апамее в 218 году. В 220 году этот легион установил надпись на памятнике Антонину Victoria Aeterna, которая выражала величайшую преданность царствующему императору, и дала прямую ложь тем рассказам Диона и Лампридия, которые утверждают, что уже зимой 218 года солдаты сердечно ненавидели Антонина и возлагали все свои надежды на Алексиана. Лампридий приводит очень скудную причину этого - мол, они не могли смириться с мыслью, что он, как и они сами, готов получать удовольствие через все полости своего тела. Дион рассказывает о суде над Сеем, но, игнорируя факт заговора, о котором он только что упомянул, сообщает нам, что господин пострадал за преступление, которое было абсолютно неизвестно имперской, да и любой другой правовой системе, если только не церковной, - "из-за его достоинств и способностей". К сожалению, Дион не указывает, почему миллионы других мужчин в Империи, столь же достойных и столь же способных, были удостоены большей продолжительности жизни, хотя это, безусловно, вопрос, который можно было бы

рассмотреть с некоторым интересом. Но вернемся к императорским дамам. Как мы уже говорили, они тратили много времени на поиски недовольных подданных и повторяли истории, не способствующие ни миру, ни спокойствию; кроме того, они пользовались самым глупым решением Антонина сократить военные расходы ценой возможной непопулярности, отдавая предпочтение гражданскому элементу населения, что, как мы уже не раз отмечали, было не только глупо, но и при данных обстоятельствах преступно. Несмотря на многообразные и великолепные качества, которыми обладали солдаты, следует признать, что они жаждали наживы не меньше, чем средний еврейский бакалейщик, и почти так же готовы были принимать монеты, из какого бы запятнанного источника они ни поступали. "Деньги, - как сказал Веспасиан, - не имеют запаха", и большинство мужчин были с этим полностью согласны.

Это весьма справедливое представление о состоянии политики в июне 221 года от Рождества Христова, когда вдовствующая императрица изложила свой план; по ее словам, она пыталась переложить одиозную вину за пренебрежение Антонина светскими делами на другие плечи и таким образом освободить мальчика для осуществления его великой политики по укреплению религиозного единства во всем мире. Маэса, безусловно, согласилась с точкой зрения внука, или сказала, что согласилась, что в общем-то одно и то же. Дело, которое он предложил, было великим и важным, и им пренебрегли ради блага государства. Пренебрежение к великому Богу возмущало того, кому семья была обязана своим положением. Пренебрежение государственными делами возмущало народ и приводило к беспорядкам, чему Антонин не раз был свидетелем. Конечно, было бы целесообразно назначить коадьютора в государственных делах, причем, по понятным причинам, из своей семьи, того, кто, естественно, не имел бы другого желания, кроме как служить Антонину; у него был родственник, готовый и желающий. Почему же он не усыновил Алексиана? Возможно, мальчик был ничтожен! Что ж, тем лучше; во всяком случае, его можно было бы использовать с пользой. Все это было очень правдоподобно и, возможно, ослепило императора на мгновение, но мы можем легко понять, исходя из того, что знаем о характере Антонина, что даже если бы он видел насквозь очень умозрительные мотивы, он был бы очень рад встретиться со своей бабушкой на ее собственной земле. Он уже делал это раньше и успешно играл в эту игру.

Но, похоже, это предложение действительно пришлось ему по вкусу; он *был* в затруднении; его больше беспокоила судьба его бога, чем судьба империи (преступление, за которое другие государи терпели подобную участь от рук разъяренного населения), к тому же Дион говорит нам, что Антонин любил своего кузена, каким бы глупым и пофигистичным он ни был, несомненно.

Была и еще одна сторона этого предложения, которая заслуживала благосклонного внимания императора. В своем нынешнем положении Алексиан представлял собой явную угрозу для правительства. С тех пор как Антонин ошибся с Вестой и Севером, его кузена использовали как рычаг, с помощью которого можно было вызвать народное негодование. Как мы уже отмечали, существовало два заговора - с целью свергнуть Антонина и, предположительно, поскольку за обоими стояла Юлия Мамайя, заменить его Алексианом. Почему бы не взять мальчика к себе, не усыновить его, как предлагала Маэса, и, забрав из их рук орудие в ответ на их же призыв, одним махом нейтрализовать влияние и тетки, и бабушки? Тогда он сможет обучать его по-своему. Алексианус был молод - по словам Иродиана, ему было около двенадцати лет - и, если бы он был естественным ребенком, его легко было бы завоевать добротой, дружбой и радостью. Эта информация Иродиана о возрасте, как ни странно, подтверждается несколькими надежными источниками; не факт,

что Иродиан знал, что он прав даже в этом случае, потому что он помещает усыновление в 220 год вместо 221, что сделало бы Алексиана около одиннадцати, а не более двенадцати лет, как он утверждает.



Фиатирская монета Элагабала (Британский музей).



Монета, отчеканенная в честь усыновления Алексиана, 221 г. н.э. (Британский музей).



Монета, отчеканенная в память об Александре как Понте. Макса, 221 г. н.э. (Британский музей).

Лицевая страница 142.

Это единственный рациональный взгляд на очевидную доверчивость императора, поскольку Антонин был слишком сообразительным, чтобы не учуять неладное в любой схеме, какой бы хитроумной она ни была, в которой участвовала его тетя. Он уже слышал о ее сделках с солдатами и о деньгах, которые она тратила с определенной целью: очевидно, он видел в усыновлении лазейку для собственного побега, а заодно и для ее гибели. Его друзья могли предупредить его, чтобы он остерегался скал впереди. Они знали, что мальчик имеет дело с двумя способными и хитрыми женщинами, доведенными до отчаяния постоянными разочарованиями; если так, то он, должно быть, отказался их слушать, потому что в начале июля Антонина отвела его кузена Алексиана в сенат, и там, в присутствии женщин, этот мальчик шестнадцати лет прошел через церемонию усыновления ребенка двенадцати лет. Затем он торжественно объявил о своем намерении самостоятельно обучать сына, рано приучая его к делам империи, чтобы тот был свободен от просьб о преемнике. Это отнюдь не входило в планы Мамаея и вызывало бесконечные трения в рабочем коллективе.

Антонин, очевидно, считал, что его решение нуждается в каком-то объяснении, и имел дерзость заявить собравшимся отцам, что действует по велению великого Бога, который назначил Алексиана преемником имени и империи Севера, - и это на основании бастардии, почти столь же вероятной, как и его собственная.

Имя Александр, которое затем было навязано Алексиану, объясняется и Лампридием, и Дионом двумя одинаково недостоверными и взаимно противоречащими историями. Лампридий утверждает, что мальчик родился в храме Александра в Арке в день рождения Александра Македонского, 18 июня 208 года; на самом деле он родился только 1 октября того же года, и крайне маловероятно, чтобы женщина, занимавшая социальное положение Мамаи, допустила подобный несчастный случай в столь публичном и неподготовленном месте. Дион объясняет новое имя чудесным возвращением македонского царя из мертвых и его призрачным путешествием по Фракии, где он похоронил деревянного коня, который с тех пор так и не был найден, - впрочем, как и не было установлено соответствие этой истории. Настоящая причина смены имени была очень проста: это было сделано в память о преданности, которую Каракалла, его предполагаемый отец, всегда проявлял к царю Александру Македонскому.

Возраст двух главных действующих лиц этой церемонии является тем колышком, на который Лампридий навесил не мало насмешек. Возможно, это было абсурдно, но прославлялись и куда более противоестественные вещи: например, Септимий усыновил в качестве своего отца умершего Марка Аврелия, что, конечно, было еще менее возможным в естественном порядке поколений. Если позже Лампридий и насмехался, то на сайте никто этого не делал; на самом деле, можно сделать вывод, что все люди были довольны. Солдаты - потому что Мамай заставил их принять такое отношение; сенат - потому что ожидал внимания от маленького молокососа, воспитанного исключительно на фартуке своей матери; народ - потому что это был повод для четвертого конгиллиума Антонина. Как ни странно, здесь снова нет упоминания о жертвоприношениях или раздаче денег солдатам, что кажется прискорбным.

Трудно установить точную дату принятия. Утверждение Иродиана о 220 годе легко опровергается как эпиграфическими, так и нумизматическими свидетельствами. Они дают, насколько это возможно, 10 июля 221 года, путем следующих вычислений:-(1) Фасты священнической коллегии, вероятно, *Sodales Antoniniani*, датированные либо 2, либо 10 июля того года, описывают Алексиана как "Марка Аврелия Александра Нобилиссимуса Цезаря", и либо *Imperii consors*, либо *heres*, на расхождении слов которого висит будущая история; (2) самые ранние александрийские монеты, называющие Алексиана Цезарем, датируются LE, или позже 29 августа 221 года; (3) среди монет 7-й когорты вигилов, которая была создана 1 июня того года, есть надпись, посвященная императорам Антонину и Александру. Таким образом, самая ранняя дата - 1 июня, самая поздняя - конец июля или начало августа. Вероятность находится между этими двумя датами, поскольку ранняя полицейская надпись объясняется тем, что вместе с деньгами Мамай распространил сообщение об усыновлении до того, как оно состоялось. Нумизматические свидетельства указывают на среднюю дату, поскольку, насколько мы можем судить, Александрийский монетный двор был наиболее оперативным в выпуске своих монет, и здесь, если усыновление произошло в начале июня, они, по-видимому, позволили пройти месяцу или около того между получением новостей и первым выпуском монет. Другие монетные дворы также выпустили свои первые монеты, назвав Александра Цезарем, к концу 221 года.

Единственный официальный указ - это указ Содалеса. Он несовершенно в своем обозначении и вызвал много разногласий как по поводу положения Александра после его принятия, так и по поводу даты самой церемонии. Во всяком случае, пока не появится более точная информация, мы вынуждены довольствоваться общепринятой датой, где-то около 10 июля. Следующий вопрос касается положения Александра после этой даты, в 221 году. Безусловно, Маеса и Мамай намеревались сделать его *"Imperii consors"*. Насколько мы можем судить, как по заявлению в сенате, так и по его последующим действиям в государстве, намерение Антонина состояло в том, чтобы принять *"Imperii heres"*; это было совсем другое дело, и оно полностью сводило на нет большую часть плана интриганов. Антонина, конечно, частично разрушила их заговор, отказавшись предоставить Александру какие-либо государственные полномочия. Об этом свидетельствует тот факт, что ни на одной монете Александр не изображен с императорским знаком отличия (лавровым венком) до марта 222 года, хотя титулы, которые он получил при усыновлении - Август, Император и Цезарь - часто используются до этой даты, потому что Антонин никогда не возражал против того, чтобы другие люди использовали титулы, пока он сохраняет власть. Маеса и Мамай, должно быть, были вне себя от ярости, получив так мало; они неоднократно пожимали друг другу руки и так часто поздравляли себя с тем, что Самсон наконец-то отдал себя связанным в их руки и отныне они постоянно владеют администрацией, что, должно быть, им было очень неприятно проснуться, когда они обнаружили, что их план не удался.

Если верить всему, что говорит Лампридий, то можно предположить, что Маеса теперь была искренне напугана. Ей казалось, что религиозная ошибка Антонина вызвала в городе настоящую волну дурных предчувствий и что, если с правящим императором что-нибудь случится, ее положение будет потеряно навсегда и навсегда. Сейчас ей меньше всего хотелось возвращаться в провинциальную безвестность. С терпением и решимостью, достойными лучшего дела, она принялась за работу, чтобы получить для себя и, кстати, для Александра то, что не было получено при усыновлении. Насколько мы можем судить по монетам, Маеса к тому времени успела лишь добиться объединения с Антонином в качестве Pontifex Maximus, тем самым ослабив власть императора над римскими культами, к которым он проявлял так мало уважения. Однако одно было удовлетворительным: Александр был "на свободе"; о нем знали в Риме; он был назначен наследником и, как таковой, являлся самым полезным рычагом в руках беспринципных людей.

Конечно, не сразу Антонин обнаружил, что его успех не был таким безоговорочным, как он себе представлял. Александр стал цезарем по решению сената, Север - по какому-то совершенно неконституционному указу армии, Антонин - filius, Север - Neros, но на этом все началось и закончилось. Мальчик оказался совершенно невосприимчив к ласке, которую Антонин стремился ему оказать; он был совершенно неспособен, по словам императора, к какой бы то ни было подготовке для того положения, которое ему суждено было занять. Несомненно, была совершена большая ошибка, мальчик был прирожденным ханжой, и император, усыновив его, отдал дело на откуп, поставив его в положение, в котором его популярность должна была возрасти среди тех, кто не знал его лично. На самом деле Антонин еще до сбора урожая вина пришел к выводу, что играл не в свою, а в теткинину игру, и в результате стал угрюмым и неуютным.

Противопоставление двух персонажей у Лампридия, как мы уже говорили, - это карикатура, нарисованная для восхваления младшего и порицания старшего. Если в этом есть доля правды, то семнадцатилетнему императору, должно быть, было очень неприятно быть оседланным, по собственной глупости, двенадцатилетним олухом, мальчишкой, который на каждом шагу цитировал пословицы и поговорки отвратительной толпы родственников. Разумеется, Лампридий, изображая своего маленького героя, изобилует похвалой. Читая его, можно подумать, что на свете есть хотя бы один человек, который не обманывает себя, когда говорит, что он без греха, а значит, готов первым бросить камень. Рассказ о его первой встрече с сенатом просто смехотворен; ни один ребенок, каким бы отвратительным он ни был, не смог бы проявить ту благородность и смазливость, которая, как записано, сорвалась с его языка. Если бы он был хоть вполовину так противен, как утверждает Лампридий, то можно представить, что весь дьявол в Антонине стремился завладеть предрассудками своего кузена, пытался убедить его бегать, танцевать, играть, чтобы пробудить его от самодовольства, которое так плохо входило в его годы. Все это, как нам говорят, Антонин делал под общим предлогом развращения его нравов, что, в конце концов, и является общей суммой злодеяний Антонина.

Но тут вмешалась Мамайя. Она испортила юность своего сына, как это делали многие другие родители и до, и после, и не собиралась стоять в стороне и наблюдать, как ее труд рассеивается, развеивается на ветру. Не то чтобы ей стоило опасаться. Бассианы развивались молодыми; характер Александра был сформирован, и у него не было желания меняться, жить как человек, а не как овощ, или наслаждаться дарами, которые боги дали людям. Антонин думал, что можно что-то сделать для кузена, которого он жалел, отпустив его на свободу; он обнаружил, что это бесполезно, и вскоре потерял терпение. Он осознал

тенденцию развития событий; он видел растущее влияние женщин и глупость мальчика и с каждым днем все больше страдал от того и другого. Совесть нонконформиста, которая была главной привлекательной чертой Александра и до сих пор остается его единственным титулом славы, постоянно раздражала императора. Трения возникали на каждом шагу. То Антонин стремился свести к минимуму влияние женщин, то женщины стремились уничтожить влияние Антонина вместе с его командой жалких фавориток. Не пыталась исправить ситуацию и престарелая Анния Фаустина. Она, как и Александр, была ошибкой, и поэтому император решил одним махом избавиться от обеих неприятностей. Для этого, однако, ему пришлось открыто поссориться с родственниками и путем *государственного переворота* вернуть себе верховную власть в государстве. Вопрос в том, хватит ли ему сил? Будет ли у семнадцатилетнего юноши, окруженного друзьями, которые, как бы ни были приятны в спорте, как бы ни были искусны в театральном искусстве, но не были опытными политиками, много шансов вернуть себе то, что государственная политика, дипломатия и коварство отняли у него в тот момент, когда он был сравнительно беспомощен?

Первым его шагом было следование той же тактике, что и 10 июля. Он направил в сенат приказ отцам отозвать титул цезаря, который он присвоил Александру и который они подтвердили. Это августейшее собрание, как нам сообщают, хранило благоразумное молчание, не зная, кому угодить и в какую сторону прыгнет самая сильная кошка. Здесь, после всего, что автор говорил о популярности Александра и всеобщей ненависти, проявленной к Антонину, возникает странное утверждение. Лампридий говорит, что они молчали, потому что, "по словам некоторых лиц, Александр был популярен в войске". Это, как мы видим, гораздо более квалифицированное выражение мнения, если сравнить его с теми, что приведены в предыдущих разделах, и в сочетании с нежеланием сената брать на себя те или иные обязательства, оно, безусловно, значимо и указывает на то, что настоящую ненависть к императору еще только предстояло развить, как и аналогичную ненависть к аристократии в этой стране. Другой важный факт, касающийся честных и прямых намерений императора по отношению к своему кузену, заключается в том, что он до последнего распоряжался личностью мальчика и никогда не принимал никаких решительных мер, ни открыто, ни тайно - в обычной манере Антонина - для удаления его в другую сферу полезности в небесных сферах, несмотря на заговоры против его собственной жизни, о которых до сих пор у него было достаточно доказательств.

Вероятно, примерно в это время Антонин сделал несколько официальных назначений, которые были сочтены старшими политиками крайне неудачными. Имена не называются, но можно предположить, что император с подозрением относился к своим старым советникам с тех пор, как увидел их ухаживания за молодым цезарем и его матерью. Нам рассказывают, что он назначил на должности, особенно во дворце, людей, на которых, по его мнению, можно было положиться из-за личных и слишком близких отношений. Как всегда, такие назначения - грубая ошибка. В качестве простых друзей эти люди могли погубить его; в качестве чиновников они были склонны к революции.

Вслед за своим приказом сенату Антонин отправил гонцов в армию. Они требовали, чтобы солдаты освободили Александра от титула Северуса, Цезаря или какого-либо другого, который они решили присвоить мальчику, а тем же гонцам приказали испортить статуи и надписи в лагере, как это было принято по отношению к статуям свергнутых тиранов. Это было неразумно, даже без вашего разрешения или с вашим разрешением, потому что имущество принадлежало полкам, а не императору.

Далее по порядку идет запись о попытке Антонина убить своего кузена. Эта история требует тщательного изучения, поскольку Геродиан вообще не упоминает о ней, а Дион лишь

вскользь упоминает о ней в следующих словах: "Как ни любил Сарданапал своего кузена, но когда он начал подозревать всех и узнал, что общее мнение склоняется к Александру, он решился изменить свое решение и сделал все возможное, чтобы избавиться от него. Однажды он попытался убить его, но не только не преуспел в этом, но и едва не лишился жизни". Лампридий, конечно, гораздо более откровенен. Этого и следовало ожидать, ведь он жил гораздо позже и имел за плечами столетие очернительства, а также официальную историю Диона. От него мы узнаем, что Антонин послал людей для убийства Александра, а также разослал письма губернаторам мальчика (все они, напомним, были назначены Мамаей и, следовательно, работали на нее, а не на Антонина) с обещаниями богатства и почестей, если они только убьют своего подопечного любым способом, который сочтут лучшим: в бане, ядом или мечом.

Проведя эту политику бычьей хитрости, Антонин отправился в свои сады в пригороде (*ad spem veterem*), чтобы после обеда поупражняться в езде на колеснице, разумеется, без достаточной охраны. На этом месте Лампридий прерывает свой фантастический рассказ о самой тщетной попытке убийства из когда-либо зафиксированных, чтобы произнести несколько сентиментальных банальностей, которые, однако, прозвучали в обе стороны. Он с правдоподобной искренностью замечает, что "злые ничего не могут сделать против невинных". Эту сентенцию не всегда считают трюизмом даже на бирже, но это был удобный способ объяснить непонятную концовку этого абсурдного утверждения.

Далее Лампридий продолжает, что обнародование этих приказов, доведенных до солдат, не увеличило популярности императора, во всяком случае, среди тех, кто находился на жалованье у Мамаи; кроме того, братоубийство отнюдь не было популярным, даже когда оно было модным преступлением. В результате эти два предполагаемых послания, переданные солдатам (кем и зачем - к сожалению, не указано), вызвали у них сильнейший гнев. Совершенно спонтанно они побежали, одни во дворец, где Александр жил со своей матерью, другие в сады, где, также по необъяснимой способности к прорицанию, они знали, что найдут Антонина; их намерение состояло в том, чтобы без промедления исполнить желание Мамаи в лице императора. Соамия, как нам рассказывают, следовала за ними пешком с целью предупредить своего сына об опасности, которая ему угрожала. Антонин готовился к гонкам на колесницах, когда услышал приближающийся шум, и, испугавшись, говорит Лампридий, спрятался в дверях своей спальни за занавеской; конечно, не самое безопасное место, чтобы спрятаться, когда тебя сильно пугает разъяренная толпа, и совсем не похоже на его обычную процедуру во время опасности. Затем он послал своего префекта Антиохия выяснить причину беспорядков. Этому человеку легко удалось отговорить солдат от их убийственных замыслов и вернуть их к присяге, поскольку, как наивно замечает Лампридий, их было слишком мало; большая часть отказалась оставить свой штандарт, который Аристомах уберег от предательской попытки.

Наконец-то Антонин полностью осознал, что ему грозит. Теперь он знал, как далеко зашли деньги и уговоры Мамаи, и к чему вело влияние Маэсы. Произошло военное восстание, правда, недостаточно сильное, чтобы достичь своей цели, но все же способное вызвать в городе смятение, раздоры, разделение верности и заставить людей трепать языками.

Император, похоже, сразу определился со своей линией поведения. С мужеством, почти невиданным для мальчика его возраста, он отправился прямо в лагерь, решив показаться среди них и раз и навсегда уладить этот вопрос с преторианцами. Это был, несомненно, один из лучших актов мужества в его жизни - отправиться одному и без охраны в лагерь,

который, как предполагалось, был охвачен мятежом; в лагерь, где он только что узнал, что по крайней мере часть людей находилась на жалованье у его тети, и куда, если утверждение Лампридия верно, только что удалились для безопасности его тетя, кузина и бабушка. Конечно, отправиться туда совершенно без защиты означало просто-напросто навлечь на себя покушение, которого он так едва избежал, сделать смерть абсолютно верной, если только он не знал, что число недовольных очень невелико и что заявление Лампридия об императорской семье и их поездке туда - чистый вымысел. Однако, вопреки мнению биографа, нет особых сомнений в том, что они все еще находились во дворце и предпочли бы умереть, чем отправиться в лагерь, чтобы император не узнал об их участии в заговоре.

Есть еще одно расхождение между рассказом Диона и Лампридия; последний говорит, что Александр находился в лагере для безопасности, первый же уверен, что Антонин взял его с собой, когда отправился выяснять причину беспорядков. Как бы то ни было, Дион утверждает, что прибытие императора положило конец беспорядкам, и что было проведено совещание, на котором имя Александра ни разу не упоминалось. Предметом жалоб и мятежа стало то, что некоторые вольноотпущенники были назначены на должности, на которые, по всей вероятности, были кандидаты, более подходящие, чем друзья императора. Проявив немало здравого смысла, Антонин удовлетворил требования солдат; он уволил четырех из пяти упомянутых лиц, среди которых были Гордий, занимавший должность префекта ночной стражи, Муриссим, занимавший неизвестную должность, и еще два друга, "которые, будучи безумными, еще больше выводили его из себя". Упоминалось и имя Иерокла, но император отказался слушать его; "он скорее умрет, - сказал он, - чем откажется от Иерокла, что бы ни думали о его пользе", и на этом все закончилось. Антонин признал обиду и исправил ее; после этого, по всей вероятности, дело было рассмотрено полковым военным трибуналом, как обычно.

Если сравнить рассказ Диона об этом "ужасном волнении" и рассказ Лампридия о бесполезности всей этой затеи, то создается впечатление, что Мамай в очередной раз потерпел неудачу в подлом покушении на жизнь Антонина. Невозможно представить, чтобы убийца, каким бы глупым он ни был, предупредил друзей своего врага о предполагаемом покушении, как это сделали Геродиан и Лампридий. Геродиан, говоря в целом о заговорах Антонина против Александра, утверждает, что "император был настолько ничтожен и порочен, что открыто и без всяких предосторожностей объявлял о том, что у него на уме, и делал то же самое без всякого утайки". Лампридий утверждает, что у него хватило глупости написать опекунам мальчика и велеть им совершить этот поступок.

Что касается того, что вся эта затея была заговором Мамаи, то здесь можно сказать еще многое. Ей, конечно, было бы невыгодно, чтобы усыновление Александра было отменено: этот проект должен быть пресечен любой ценой; почему бы ей не распространить сообщение о том, что Антонин замышляет определенный акт против своего кузена в определенный день? Она выбрала день, когда, как ей было известно, император будет находиться в тихом месте и беззащитен. Она могла оплатить военный подъем, который, будучи вполне обычным явлением, все объяснил бы, и тогда ее проблемы были бы закончены, а положение обеспечено на всю жизнь. К несчастью для нее, Соамия узнала об этом плане и отправилась предупредить сына. Когда она добралась до садов, то обнаружила, что на деньги Мамаеа не удалось купить достаточное количество людей, и попытка сорвалась. Если бы имело место реальное покушение непопулярного императора на популярного соратника, было бы принято какое-то определенное решение о защите того, кому угрожала опасность, но, насколько мы можем судить, все шло как обычно. Император по-прежнему распоряжался личностью мальчика, как после, так и до восстания, а семья по-

прежнему жила во дворце, пытаясь нагло выпятить свое предательство - факты, которые опровергают замечание Лампридия о том, что были приняты особые правила, чтобы держать мальчиков отдельно, а также для безопасности Александра.

В Дионе есть фраза, которая достаточно убедительно говорит о том, как его семья относилась к Антонине в этот период. Она гласит: "На этот раз" (на лагерном совещании, где, как помнится, солдаты вообще не упоминали о предании смерти своего императора) "он добился пощады, хотя и с трудом, потому что его бабушка ненавидела его за его поведение и потому что, не будучи даже сыном Антонина (Каракаллы), она склонялась к Александру, как если бы он на самом деле был отпрыском этого принца". Это очень справедливое указание на истории, с помощью которых эти женщины пытались погубить мальчика; истории, вдохновленные ненавистью. Кажется, они были готовы сделать все, что угодно, сказать все, что угодно, противоречить всему, что они говорили раньше, потратить все, что угодно, лишь бы собрать фракцию, достаточно сильную, чтобы поддержать их планы замены Антонина Александром. Вот хорошая попытка подорвать его популярность, отрицая то, о чем они раньше с таким энтузиазмом заявляли, - бастардизм Вария, и утверждая вместо этого, что бастардизм Алексиана - единственный подлинный пример; фактически они ограничивали выступления Каракаллы непривлекательной сестрой и отрицали положение Соамии. Если им это удалось, то они были более чем способны вызвать ярость сообщениями о покушении на жизнь единственного подлинного бастарда и тем самым оправдать свое покушение в Садах надежды. Итогом этого заговора, кем бы он ни был организован, стало удаление Александра из поля зрения общественности. Геродиан утверждает, что он был лишен своих почестей. Однако это не может означать того, что, как кажется, подразумевает лживый автор, а именно, что Антонин лишил его титулов цезаря и императора, поскольку оба они встречаются на военном дипломе Монцы, выпущенном 7 января 222 года, и на большинстве монет, выпущенных вплоть до смерти Антонина весной того же года. Однако пустые титулы были малоэффективны для императорских дам.

Потерпев поражение в одной затее, их изобретательность обратилась к другому средству уничтожения власти императора. Упомянутая выше попытка не может быть точно датирована, но из изложения Лампридием своего дела можно сделать вывод, что это произошло между сбором вина и 1 января, когда Мамай предпринял свою последнюю и успешную попытку добиться для сына определенного политического положения. В этот промежуток времени и Дион, и Лампридий со слезами на глазах уверяют нас, что император ежедневно покушался на жизнь своего двоюродного брата: жизнь, столь полезную, столь необходимую государству.

Чтобы обойти их, Мамай отказался разрешить Александру есть что-либо из императорских кухонь и устроил во дворце свою собственную кухню и заведение, что вряд ли было бы одобрено Антонином, если бы он имел в виду какую-то определенную цель убийства, потому что это слишком сильно мешало бы таким планам. Но здесь явно имела место грубая небрежность. Любой решительный правитель, если бы ему дали пару дней (даже без знаменитого рагу из яда и грибов Локусты, которое Нерон, намекая на апофеоз Клавдия, назвал пищей богов), дал бы отпор благочестивому обобщению Лампридия о бессилии нечестивцев и сделал бы это точно так же, как Нерон, Домициан, Коммод и Каракалла; Не говоря уже о других, чьи имена было бы неблагородно приводить, но кто все еще твердо верит, что злые люди, когда они получают соответствующую поддержку, имеют определенную власть в этом мире горе, причем злыми, естественно, являются те, кто нам лично не нравится. Антонину, похоже, было совершенно безразлично, что происходит; он

знал, что его положение шатко; сирийские прорицатели говорили ему, что его гибель близка; в связи с этим он подготовил несколько приспособлений для уникального и великолепного самоубийства и жил своей жизнью, жизнью, в которой спинтри - форма развлечения, которой Тиберий освежал столь же беспокойную раму - занимала значительное место, наряду с другими столь же предосудительными удовольствиями.

О реальной политике мы почти ничего не знаем со времени этой так называемой революции, пока Маэса тем или иным способом, неизвестным императору, не добилась назначения Александра консулом на год милости 222. Тут Антонин нанес удар. Он наотрез отказался идти в сенат, чтобы получить это звание, если вместо его кузена не будет назначен кто-то другой. Он видел игру так же ясно, как и мы с вами, и решил завести конституцию в тупик. Император должен быть, но консулов не должно быть, если, конечно, женщины и сенат не будут готовы уступить. Он не собирался предоставлять официальное положение и власть врагам, цели которых он слишком хорошо знал. До сих пор ему удавалось сводить на нет их махинации; неужели они думали, что теперь он отдаст все свое положение? Не он, и так далее, и так далее. Возникла настоящая трудность - Рим без консулов был невозможен. Антонин без верховной власти был почти таким же невозможным предложением; и все же женщины решили держаться и попробовать, не обратятся ли терпение и дипломатия к его сентиментальной натуре, и таким образом преодолеть последнюю каплю сопротивления. В конце концов, он был молод, а привязанность к детям гораздо сильнее разума.

На этот раз сама Маэса, похоже, не пыталась повлиять на мальчика. Если верить утверждениям Лампридия, эта хитрая старая грешница уже успела влезть обратно в дружбу мальчика и его матери, переложив всю вину за недавние неприятности на плечи своей дочери Мамеи. Поэтому она с дерзкой походкой появилась на публике перед императором, а наедине использовала свое влияние на Юлию Соэмию, умоляя ее дать понять дорогому мальчику, что его отказ от консульства станет для него гибелью. Рим никогда не потерпел бы такого нарушения привычного порядка. Очевидно, что Антонину следовало бы уехать, но, похоже, до полудня 1 января он думал, что сенат и его родственники уступят первыми. Затем, внезапно поддавшись на уговоры матери, он согласился с планом и, отправившись в сенат, соединил Александра с собой в консульском достоинстве, тем самым подписав себе смертный приговор.

1 января 222 года стало началом конца. Очень жалко смотреть на многочисленные уловки, с помощью которых на протяжении всего царствования ремесло обходило то, что император, очевидно, знал как правильный и надлежащий курс. Иногда, как мы видим, они апеллировали к его религиозному рвению, иногда к его любви к матери. В каждом случае результат был один и тот же: император делал то, что его политический инстинкт подсказывал ему как неразумное, в ответ на то, что он считал высшим мотивом. Усыновление не несло в себе той власти, которой желали женщины; должность консула была, таким образом, жизненно необходима для продвижения Александра. Антонин не мог не согласиться с этим планом; он был постоянным консулом, если хотел, и не связывал с собой никого, кого бы не одобрял. Ему было все равно, что люди говорят о раздоре; разве они не делали этого с тех пор, как Маэса и Мамай начали свою предвыборную кампанию? Правда была бы для него лучше, чем ложь его родственников; сам он не боялся опасности, хотя Соамия, благонамеренная и бесхитростная, боялась, и ради нее Антонин отдал себя, невольную жертву, в руки врагов. Вскоре после полудня он отправился в курию в сопровождении самодовольной маленькой громадины и там, в присутствии своей бабушки, согласился предоставить женщинам всю ту официальную власть и полномочия, которые они до сих пор тщетно пытались получить.

Отныне и Дион, и Лампридий рассказывают, что император искал жизнь своего кузена, чтобы отнять ее у него. Не то чтобы постоянное повторение этого обвинения, когда оно контрастирует с полной бесполезностью мастерского бездействия Антонина, было сколько-нибудь убедительным; мы уже отмечали это и не можем ничего добавить к данному обсуждению.

Лампридий рассказывает об одном довольно забавном действии, которое, если бы было правдой, придавало бы определенную правдоподобность его рассказам. Антонин, решив убить Александра, потому что напряжение от этой непрерывной борьбы стало слишком велико для его нервов, решил сначала распустить сенат, опасаясь, что, если они будут заседать, когда Александр умрет, они могут избрать кого-нибудь другого вместо убийцы. Главная причина для сомнений в этой истории заключается в том, что ни у одного Антонина еще не было ни малейшего повода опасаться чего-либо плохого от действий этого августейшего собрания, и очень маловероятно, что этот Антонин собирался начать сейчас. Императоры всегда считали согласие сената на свои действия само собой разумеющимся и неизменно встречали полное повиновение.

Но перейдем к красивым косвенным деталям, которые, как обычно, Лампридий делает столь же вопиюще лживыми, сколь и косвенными. Сенаторам, говорит он, было велено немедленно покинуть город; тем, у кого не было ни карет, ни слуг, было велено бежать; некоторые наняли носильщиков; другим повезло, и они получили кареты. Только один консуляр, по имени Сабин, человек, которому Ульпиан посвятил свои труды и который, будучи отцом Севера, по идее, мог бы остаться, уехал недостаточно быстро, чтобы понравиться императору; на самом деле он остался в городе вопреки приказу и, должно быть, очень открыто гулял по городу, потому что император увидел его и прошептал центуриону: "Убей этого человека!" Центурион был глух и подумал, что приказ гласит: "Преследуй этого человека", что он незамедлительно исполнил. Так немощь "простого центуриона" спасла жизнь Сабину и подарила миру труды Ульпиана с вышеупомянутым посвящением. Если, как кажется, посвящение Ульпианом своих работ этому консулу зависит от того, что Сабин был человеком, спасшимся от жестокости Антонина, то вся эта история - ложь, как и явная неправда о посвящении. Ульпиан никогда не упоминал этого человека ни по имени, ни в подтексте, ни каким-либо иным образом, что просто неудобно для Аэлия Лампридия, который мог бы по крайней мере потрудиться ознакомиться с титульным листом сочинений Ульпиана или попросить кого-нибудь другого сделать это за него, если он слишком устал от своих прежних усилий по изобретению вымысла. Это имя, конечно, упоминается в комментариях, которые Ульпиан написал к знаменитому юристу времен Тиберия, но это, естественно, уже совсем другая история.

Есть еще одна попытка втянуть Ульпиана в эту же главу, а именно: Лампридий говорит, что частью плана Антонина по убийству Александра было лишение его наставников, одного из которых он изгнал (Ульпиана), а Сильвина, выдающегося оратора, которого рекомендовал сам император, предал смерти. Оба эти человека пострадали, потому что были великими и хорошими людьми. Ульпиан нам известен, Юлий Паулюс тоже (хотя почему он остался рядом с Александром, когда изгоняли хороших людей, мы не знаем; разве что на время спрятал свой свет под бушель); , но кто такой Сильвин? Его имя не упоминается в исчерпывающем списке ничтожеств, составленном Лампридием (*Alex. Sev. vita*, xxxii.), как людей, которые не смогли обучить Александра латыни после усилий, длившихся с самого младенчества и до самой его смерти; не упоминается он и в других местах, ни у этого автора, ни в других записях о жестокостях Антонина; поэтому мы склонны отнести его, вместе с другими сомнительными благодеяниями, в особый лимб, отведенный для всех подобных терминологических

неточностей, и перейти к рассказу о быстроте, с которой Мамай нашел средства наверстать упущенное время в обретении своего авторитета.

Нет нужды говорить, что даже здесь выдумки Лампридия так же трудно примирить с рассказами Диона и Геродиана, как невозможно примирить этих двух авторов друг с другом. Конечно, оба последних были очевидцами тех сцен, о которых они рассказывают, и говорят нам об этом с некоторой гордостью, что нисколько не мешает им видеть вещи двояко и называть их разными аспектами одной и той же истины, в манере теологов, когда они находятся в примирительном настроении.

Для убийства Антонина Лампридий не называет никакой адекватной причины, выдвигая вместо этого два собственных предположения: во-первых, преторианцы боялись мести Антонина из-за нападения, которое они совершили на него несколько месяцев назад и за которое он их тогда простил; но, говорит Лампридий, несмотря на это прощение, солдаты хладнокровно убили его. Во-вторых, из-за ненависти, которую он выказал по отношению к ним (предположительно, за то, что не позаботился об их донациях), они решили избавить Республику от этого вредителя и начали с того, что сначала предали смерти друзей императора различными грязными и непристойными способами, а затем, убрав их с дороги, открыто напали на Антонина в латрине и убили его.

Рассказ Диона более косвенный, он вводит Александра и Мамаю в ужасную сцену. Он рассказывает, что оба консула во время собрания преторианцев, созванного по поводу одного из многочисленных заговоров против Александра, отправились в лагерь, а их матери последовали за ними, сражаясь друг с другом более открыто, чем обычно, каждая из которых умоляла солдат убить сына своей сестры. Затем нам рассказывают, что Антонин, вопреки своему обыкновению, испугался, бросился со сцены и скрылся в сундуке. Очевидно, это было глупое и очевидное укрытие, откуда его вскоре вытащили, чтобы отрубить голову, а мать держала его на руках. Естественно, поскольку убить одного без другого в таком положении было сложно, Соамия погибла вместе с сыном.

Геродиан, всегда самый косвенный и живописный лжец, подменяет историю о внезапном роспуске сената сообщением, которое, по его словам, распространил Антонин. В нем говорилось, что Александр болен, настолько болен, что может умереть в любой момент. Таким образом Антонин надеялся держать мальчика взаперти во дворце, пока солдаты и горожане не забудут о нем, и тогда он сможет спокойно убрать его с дороги. Конечно, этот план был бы восхитительным, если бы у мальчика не было любимой матери или бабушки, которые заботились бы о его интересах, но он оказался довольно бесполезным, если учесть, что эти дамы, добивавшиеся власти в течение четырех лет, наконец-то взяли власть в свои руки, назначив Александра консулом. Поэтому было крайне маловероятно, что Маеса и Мамай собирались держать рот на замке и ничего не говорить, когда в полном блеске своего триумфа они увидели, как их марионетку, а вместе с ней и их собственную власть, медленно и томительно убирают с *поля боя*. Как обычно, Иродиану это не пришло в голову, и он приписал все действия преторианцам. Эти буйные гвардейцы, когда им стало не хватать молодого консула, решили снова взбунтоваться, причем в нынешней форме - отказом выставять дворцовую стражу до тех пор, пока Александр снова не появится в храмах.

На первый взгляд, это было самое неразумное действие. Если бы преторианцы хотели спасти Александра и подозревали, что во дворце готовится нечестная игра, они бы, конечно, отправились на свои посты, как обычно, а затем использовали свое служебное положение для спасения мальчика, вместо того чтобы закрыться в своем лагере и бросить его на произвол судьбы без всякой защиты. Это, видимо, не пришло в голову ни солдатам, ни

Иродиану, который сообщает, что когда стражники отказались прийти во дворец, Антонин (вместо того чтобы закончить работу и показать мертвое тело в храмах) просто проникся обычным страхом - всегда вменяемым и никогда не оправдываемым, к сожалению для Иродиана. Чтобы продемонстрировать солдатам, насколько он напуган, император сделал то, что не мог сделать ни один напуганный человек: он отправился в лагере на подводе - разумеется, совершенно без охраны, потому что у него не было стражников. Лифт полностью описан, это государственный лифт, сверкающий золотом и драгоценными камнями. Вместе с Антонином отправился и Александр, предположительно, как следует из рассказа, для того, чтобы усилить ненависть, которую солдаты испытывали к императору, и довести до бешенства любовь, которую они питали к Александру. Как обычно, это было путешествие, в котором император был обречен на смерть; на самом деле, количество случаев, когда Антонина подвергала опасности его драгоценную жизнь, просто поражает любого, кто изучает эти восхитительные романы. Но продолжим. Когда литавры прибыли, ворота лагеря были открыты, и консулов провели в часовню, которая занимала центральное место в ограде. Это позволяет предположить, учитывая также роскошь кареты, что визит носил официальный характер, и консулы должны были ехать вместе. Зловещим местом была и часовня, ведь именно здесь Каракалла разыграл фарс, сожалея о своем участии в убийстве брата Геты, но не оправдывая себя. Конечно, все произошло так, как и ожидалось: визит способствовал росту лояльности к Александру, которого с восторгом приняли как освободителя, и поднял до предела все злые страсти против Антонина, которого приняли с совершенной холодностью. Несмотря на столь неблагоприятный прием, император решил остаться на ночь в походной часовне, чтобы поразмыслить о своих обидах, что, очевидно, было маловероятным поступком со стороны молодого сибарита.

На следующее утро он созвал военный трибунал, чтобы судить солдат, которые отличились теплым приемом Александра. Иродиан и император, похоже, совсем забыли о том, что стражники взбунтовались, поскольку мы больше ничего не слышим об этой истории, хотя очевидно, что сначала их должны были судить за это преступление. Во всяком случае, Антонин, все еще охваченный ужасом, приговорил этих людей к смерти как подстрекателей. Солдаты, охваченные гневом из-за его обращения с их товарищами и неисполненные ненависти к императору, задумали помочь своим заключенным братьям, расстроив бесчестного императора. Время и предлог были великолепны; они убили Антонина и вместе с ним Соамию, которая присутствовала при этом как его мать и как императрица; затем они включили в резню всех тех из кортежа, кто находился в лагере и был известен как министр Антонина или соучастник его преступлений. Затем они отдали тела толпе, чтобы те таскали их по улицам Рима, и в конце концов бросили тело императора в Тибр с Аэмилианского моста. Все это, предположительно, было сделано под присмотром и с согласия Евтихия, друга и главного министра императора, который, напомним, в то время командовал преторианцами.

Внимательное сравнение этих трех историй показывает, что ни один из очевидцев не видел одного и того же, и ни один не приписывает поступок одному и тому же мотиву. Однако все сходятся в том, что перекладывают ответственность с плеч бывших заговорщиков на плечи преторианцев. Никто, кроме Диона Кассия, не упоминает ни Маесу, ни Мамею, он лишь говорит, что Мамея и Соамия призывали убить каждого сына своей сестры. Не упоминается и о предполагаемом заговоре Антонина против своего кузена; вообще, все упоминания о заговорах против Александра, Маэсы и Мамаи здесь тщательно устраняются, несомненно, с определенной целью, поскольку это было главной причиной непопулярности и шаткого

положения императора. Но давайте попытаемся восстановить события этого памятного дня. От Геродиана мы узнаем, что использовалась государственная литавры; что в ней путешествовали два консула, сопровождаемые, по крайней мере, императрицей-матерью; Фульвий Диогениан, префект Рима; Аврелий Евбул, который, будучи канцлером казначейства, сделал себя крайне непопулярным, грабя куриные петухи (Дион), и в результате был разорван на куски толпой; Иерокл, друг и муж императора (который недавно был назначен цезарем, предположительно в качестве своеобразного противовеса Александру), и двое из трех префектов претория.

Дион и Лампридий предполагают, что император пытался бежать. Геродиан, имеющий наиболее полный отчет, не упоминает об этом факте; ни Лампридий, ни Дион, однако, не согласны с тем, каким образом Антонин пытался бежать. Случай с латринами, упомянутый Лампридием, наводит на мысль об убийстве, схожем по обстоятельствам с убийством Каракаллы. Что могло быть проще, чем одному из приближенных Мамае схватить мальчика, одинокого и незащищенного в латрине? Если бы императора не стало, заговорщикам следовало бы как можно скорее устранить всех тех, кто мог бы затруднить жизнь его преемнику. Из них Соамия, несомненно, была бы самой проблемной. Горячая и страстная, преданная своему сыну и его памяти, если бы она осталась в живых, Рим бы огласился шумом преступления. Очевидно, необходимо было срочно закрыть ей рот. Почему Евтихия не постигла та же участь, совершенно непонятно. Единственная теория, которая была предложена, заключается в том, что ни Маеса, ни Мамай не считали себя способными в одиночку справиться со всем управлением; они чувствовали, что у них за спиной должен быть хотя бы один человек, знающий канаты.

Объяснить обращение с телом Антонина в руках толпы, конечно, сложно. Мы знаем, что он не совершил ничего, что могло бы сделать его несносным для населения. Приписывать это нетерпимости к его психопатическому состоянию свидетельствует не только о незнании римской восприимчивости, но и о глупом предвзятом отношении к народным предрассудкам. У нас, конечно, нет никаких записей о гробнице этого императора; и отбросить как басню тот единственный пункт, по которому все авторы сходятся во мнении, также невозможно. Вероятное решение заключается в том, что Мамай, из-за денег которого произошло убийство, придумал эту схему, чтобы опозорить память своего племянника, и таким образом отвести беду от себя. Это вызвало бы народные волнения или, во всяком случае, отвращение к кумиру масс, если бы тело Антонина публично протащили по городу, как виновника неблагоприятных преступлений, о которых население ничего не знало. Достаточно сказать, что это сработало. С Антонина сняли клеймо всех преступлений, а Александр добрый оказался выше всех человеческих слабостей. Именно тогда, а не раньше, Рим начал испытывать потрясение. Люди, чьи состояния Антонин сколотил своей щедростью, сенат, которому он так немилосердно нахамил, армия, которой он не уделял должного внимания, - все они сочли целесообразным принять взгляды новой администрации; их воспитание в неблагодарности было завершено. Вместо щедрого, бесстрашного, ласкового мальчика, которого знало население, появился мясник со скипетром, больной сатириазисом; молчаливый тиран, отвратительный и развратный, нечистый жрец, придумывающий в криптах дворца такие чудовищные злодеяния, что для их описания пришлось придумывать новые слова. Это была работа Мамаи, и вот уже 1800 лет никому не хватало смелости заглянуть под поверхность и разоблачить обман.

ГЛАВА VII

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О 221-222 ГОДАХ

Правление Антонина с 221 по 222 год н. э.

События 221 года и вплоть до марта 222 года - это в основном запись междоусобных схваток и борьбы; император пытался сохранить свое положение в государстве, а женщины не оставляли попыток завладеть властью от имени Александра. Мы проследили события, которые привели к усыновлению Александра, и заметили, как мало власти в руках Маэсы и Мамаи оказалось в результате его положения наследника империи. Далее мы увидели, как отказ Антонина от усыновления уменьшил даже эту толику власти, и как успешная попытка сделать Александра консулом принесла их марионетке официальную должность, от которой его отстранили условия усыновления. Как только эта должность была обеспечена, мы наблюдали за успешным заговором против жизни императора, в результате которого Маеса и Мамай получили фактическое управление государством под чисто номинальным руководством Александра. Нам остается только проследить за правительственными актами в последние месяцы жизни Антонина, насколько это позволят власти.

Первое зафиксированное действие после усыновления Александра было религиозным. Предполагаемой целью церемонии 10 июля или, скорее, раньше было освобождение главного жреца Элагабала от его светских обязанностей, чтобы он мог продолжить поклонение Великому Богу. Для этого Антонин устроил великолепную религиозную процессию по городу, пронеся своего бога от храма на Палатине до храма в пригороде. Геродиан, со свойственной ему неточностью, сообщает, что эта церемония происходила каждый год в середине лета. Судя по монетам, отмечающим расширение культа, храм на Палатине не был закончен к середине лета 220 года, а храм у Porta Praenestina был завершен еще позже. Таким образом, напрашивается вывод, что процессия не могла состояться в 220 году в середине лета. Однако есть и другие доказательства: Коэн упоминает некоторые римские монеты, выпущенные в честь процессии; на них изображен бог на машине, и они датируются второй половиной 221 года, к этому времени пригородный храм был закончен, и процессия, несомненно, состоялась.



Jovi Ultiori. Элиогабалиум, заново освященный Юпитеру, 224 г. н.э. (С гравюры на дереве.)



Монета, отчеканенная в честь шествия Элагабала, 221 г. н.э. (Британский музей).



Монета 221 г. н.э. с изображением Элагабала. (С фотогравюры.)

[Лицевая страница 174.](#)

До середины лета 222 года, по словам Диона, Антонин был мертв. Поэтому он не проводил процессию Элагабала, а поскольку авторы сообщают нам, что Александр отправил бога обратно в Эмесу со значительной экспедицией, после повторного освящения храма Юпитера, очень маловероятно, что Александр продолжал публичное шествие непопулярного культа, даже если бог все еще находился в Риме в указанное время.

Несмотря на утверждение Геродиана о том, что Александр, как и Антонин, был жрецом Солнца, можно с уверенностью сказать, что первый никогда не был связан со своим двоюродным братом в этом жречестве и не имел ни малейшего шанса начать поклонение

после смерти Антонина. Очевидно, что, как обычно, Иродиан говорил без книги; *каждый* год означал, что была одна процессия, и только одна, а именно в середине лета в 221 году.

Правильная интерпретация этой функции принадлежит специалистам по семитской мифологии. Однако есть моменты, которые склоняют к мысли, что ее учреждение в Риме было связано с браком Элагабала и Юноны Коэлестис. Его реальное значение заключается в том, что он проходил в середине лета. Рамзи рассказывает нам о многих подобных процессиях на Востоке, в частности, о тех, что проводились в месяц Таммуз, который (из-за вариаций местных сирийских календарей) выпадал в разных местах на разное время между июнем и сентябрем. Так вот, эти процессии праздновали бракосочетание божественной пары Иштар-Таммуз или Афродита-Адонис. Поклонение этой паре было сосредоточено в Былусе, расположенном в 100 милях от Эмесы, и из этого святилища, по всей вероятности, Антонин почерпнул свое представление о великой процессии, запомнившейся по монетам, выпущенным в 221 году, а также по надписи, посвященной Гераклу, воздвигнутой либо во второй половине 221 года, либо в начале 222 года (Домашевский) центурионом Маскулином Валенсом, знаменосцем Аврелием Фабианом и адъютантом Валерием Фермином - всеми из десятой Антониновой когорты преторианской гвардии. Эта надпись свидетельствует о том, что они приняли участие в священной процессии, которая, судя по всему, носила как военный, так и религиозный характер. Великолепие было необычайным. Колесница, на которой перевозили бога, была богато покрыта золотом и драгоценными камнями; на каждом углу стояли большие зонты. Она была запряжена шестью белыми лошадьми (на монетах указано, что все они ехали в ряд), а поводья были расположены так, чтобы казалось, что управляет сам бог, в то время как на самом деле лошадьми управлял император, бегущий сзади и поддерживаемый по обе стороны стражниками, чтобы не случилось ничего плохого. Статуи богов, дорогие подношения и знаки отличия императорской власти несли на себе, а за ними следовали конный орден и преторианская гвардия.

Улицы были усыпаны желтым песком, посыпанным золотой пылью, а по всему маршруту шли жители, неся факелы и усыпая путь бога цветами. Точно такое же можно наблюдать и сегодня, проходя по тому же маршруту и в то же время года. Процессия *Corpus Domini* по-прежнему популярна даже в современном Риме, хотя ее окончание уже не является поводом для мирских благ, как это было при Антонине. Геродиан упоминает об этой либеральности и осуждает ее как некий дьявольский заговор с целью истребления граждан. Он говорит, что когда праздник заканчивался, Антонин поднимался на специально построенные для этого башни и раздавал толпе вазы с золотом и серебром, одежду и вещи всех видов, жирных быков и других животных, чистых и нечистых, кроме свиней, которые были запрещены ему по финикийскому (не еврейскому) обычаю. Предположительно, раздача происходила по билетам, которые можно было обменять на эти дары, из которых, по его словам, каждый был волен взять то, что мог захватить. В этой суматохе многие граждане погибли, либо раздавив друг друга, либо бросившись в порыве страсти на копья солдат. В результате праздник стал несчастьем для многих семей. Но, конечно, возлагать на Антонина ответственность за жадность толпы так же нелепо, как и выдумывать, что он душил людей цветами или обедал в цирке, когда интересовался играми, а затем приводить эти безобидные забавы в качестве доказательств жестокости.

Как мы уже писали в предыдущей главе, Антонин, конечно, не сразу понял, что совершил жизненно важную ошибку, усыновив кузину. Мы можем предположить, что до этого мальчики некоторое время почти не виделись, поскольку Мамай держал их отдельно, опасаясь заражения сына. Теперь, когда Александр находился во дворце и ежедневно общался с императором, несовместимость нравов была естественным результатом, хотя в

нескольких местах нам сообщают, что Антонин любил своего кузена по крайней мере до 1 января, и этот интересный факт можно подвергнуть сомнению как на психологическом, так и на историческом основании, о котором уже говорилось. Второй его ошибкой была женитьба на престарелой подруге своей бабушки Аннии Фаустине.

К осени 221 года император решил (как мы уже отмечали) избавиться сразу от обоих обременений. Для Антонина разводы, как и браки, заключались на небесах, и это мнение он не хотел скрывать от людей. Поэтому он развелся с Аннией Фаустиной, не собираясь жить холостяцкой жизнью даже какое-то время, потому что устал, устал от этой борьбы со своими отношениями. Кроме того, ему нужны были друзья; *государственный переворот*, с помощью которого он освободился от неприятного сыновства Александра или, по крайней мере, попытался это сделать, и с помощью которого он в то же время избавился от своей третьей жены, естественно, привел к разрыву с семьей; после этого император, похоже, считал себя совершенно свободным делать любые назначения по своему усмотрению и управлять государством так же, как это мог бы делать Клавдий или Макрин. Это был период, когда, по словам Лампридия, Антонин особенно тяготел к представителям театральной профессии. Сейчас такие люди восхитительны на своем месте, но не слишком востребованы на государственных должностях. К сожалению, император не знал этого факта и, считая себя освобожденным, поступил так, как поступили бы Нерон, Тит, Домициан или Каракалла: он везде назначал своих друзей. Биографы, разумеется, предполагают, что назначенные люди были с распушенным характером и низменным происхождением, не приводя ни малейших доказательств того, кем они были и что делали, занимая ответственные посты. Предполагается, что они были назначены по причине ненормальности; в результате, как свидетельствуют хроники, государство не пострадало от их бесхозяйственности.

Мы вполне можем представить себе точку зрения мальчика, лихорадочно стремящегося вернуть себе утраченную власть и авторитет и полагающего, что единственный способ сделать это - назначить на должность своих друзей, будь то цирюльники, бегуны, повара или слесари. Лампридий рассказывает, что люди из каждого из этих ремесел были назначены прокураторами 20-го года, хотя сколько таких назначений сделал Антонин, выяснить невозможно. Осенью этого (221) года солдаты попросили уволить четырех таких фаворитов, одним из которых был колесничий Гордий, префект ночного дозора, другим - Клавдий Цензор, префект пропитания. В том же отрывке Лампридий повторяет старую ложь об Евтихии Комазоне, который был вновь назначен префектом преторианской гвардии около января 222 года. Он снова называет Евтихия актером, который менял свои должности так же быстро, как менял бы роли на сцене, и пишет, что было верхом глупости поставить его командовать гвардией. Скорее всего, это раздражало Мамаю, поскольку она не могла подкупать стражников так свободно, как раньше. Итак, мы уже видели, что Евтихий Комазон был солдатом еще в 182 году; что он занимал эту же должность (префекта претория) в 218 году; что он был префектом города в 219 году, консулом в 220 году; снова префектом города в 221 г., а когда в ходе убийств и проскрипций, последовавших за убийствами Антонина, настал конец префекту Рима Фульвию Диогениану, Комазон был вновь назначен префектом города в третий раз, теперь уже Маесой и Мамаей. Поэтому осуждать Антонина за то, что он назначил этого актера (!) на должность в 222 году, которую тот уже занимал с честью и которую ему предстояло занять снова с известностью, - чистая глупость. Если ни одно из назначений Антонина не было хуже, чем назначение Евтихия Комазона, то неудивительно, что государство ничуть не пострадало от этой бесхозяйственности. Еще одно обвинение, выдвинутое против администрации, заключается в том, что император назначал вольноотпущенников на должности губернаторов провинций, послов, проконсулов и

военачальников, тем самым унижая все эти должности, передавая их невежественным и беспутным людям.

Вот еще одно умышленное искажение. Краткое прочтение Петрония о положении вольноотпущенников лишит любого человека мысли о том, что они были либо благородными, либо по сути беспутными. Патрициями они не были, хотя и подражали манерам и экстравагантности этого класса, так же как сегодняшняя плутократия подражает вчерашней аристократии, как в своем богатстве, так и в своей исключительности. Деньги в Древнем Риме пользовались тем же уважением, что и сегодня в Англии. Демократия могла подняться и поднялась, когда приобрела богатство; тогда они были такими же вульгарными, такими же показными, такими же снобами, как их преемники - плутократы в современном мире; у них были привилегии, которые дает богатство, и не было ответственности, которую несет аристократия, и они, как и современные плутократы, не имели традиций и наследственности, которые могли бы направлять их. Но это было их несчастье, а не вина. С другой стороны, среди возвысившихся людей, как правило, было много способностей. Они были ясными, дальновидными политиками; людьми, которые, будучи свободными от традиций, лучше всего могли отсеять заросли веков, поскольку их уважение к археологическим институтам не превратило их в окаменевшие диковинки допотопной эпохи. Конечно, не все они были благородны, если и имели плебейское происхождение, и говорить о том, что все они были беспутными, - простое предположение; столь непристойное предположение могло исходить только от тех, кто надеялся выиграть от сравнения.

Была одна очевидная причина, по которой Мазса и ее партия должны были возражать против любого назначения, сделанного Антониной. Назначенные таким образом люди не были бы ее кандидатурами, и поэтому она не могла требовать положенных в таких случаях гонораров. Упоминание о гонорарах подводит нас ко второй части обвинения, выдвинутого против императора, а именно: он продавал должности либо сам, либо через своих фаворитов. Конечно, было бы более удовлетворительно, если бы мы знали, что он продал, кому он продал или за сколько он продал. Лампридий старается не упоминать о таких тривиальных и незначительных деталях, он просто выдвигает обвинение, не имея ни доказательств, ни реальной вероятности, чтобы поддержать его. Основное утверждение, по-видимому, состоит в том, что эта практика безнравственна; если это так, то безнравственность в наши дни так же распространена, как и в Риме третьего века. Государи, министры, кабинеты министров, университеты, церкви - в общем, все виды власти предоставляют свои должности, награды, титулы и синекуры, за все из которых по-прежнему взимается плата, даже взимается. Эта практика гонораров, возможно, и объясняет это обвинение, поскольку с психологической точки зрения маловероятно, чтобы Антонин когда-либо стремился извлечь материальную выгоду из своих друзей, и уж точно он не стал бы назначать врагов, даже ради денег; он слишком много узнал о путях таких людей в лоне своей собственной семьи. В других местах мы уже отмечали склонность Антонина к дарению, и можно с уверенностью сказать, что мальчик одаривал милостями по радио; он стремился заполнить должности, когда они становились вакантными, назначением друзей, особенно тех, кто был ему симпатичен, тех, от кого он ожидал верности в ответ на свою преданность и щедрость. Бедное дитя, ему еще предстояло узнать, что подхалимов всегда можно купить по самой высокой цене. Лампридий рассказывает о неприятностях и усугублении трудностей, которые своей нелояльностью, продажностью и безудержными сплетнями эти люди навлекали на своего благодетеля в обмен на его доверие. К счастью для всех заинтересованных сторон, они встретили свою смерть (несомненно, невольной жертвой) вместе с хозяином, которого предали. Они думали, что обезопасили себя, но оказалось, что лучше было бы обезопасить его, что не так уж редко случается с предателями.

К числу назначений, сделанных для собственного удовольствия в этот период, следует отнести возвращение Аквиллии Севера в положение жены и императрицы. Дион сообщает, что между разводом с Аннией Фаустиной и возвращением монахини к супружескому счастью Антонин взял в жены двух женщин; но тут же добавляет, что даже он не знает, кто они были и когда состоялись браки. Так как время между разводом с Аннией и смертью императора не могло превышать трех месяцев, и так как он явно желал вернуться к Аквиллии Севере с самого начала, историю о двух странных женах можно отбросить как недоказанную, еще одну из тех терминологических неточностей, которые, кажется, неотделимы от политических удобств каждого века; к этому следует добавить, что Антонин все еще был так страстно предан Иероклу, что охотнее умер бы, чем разлучился с ним.

Возвращение монахини стало венцом безрассудства Антонина. Несомненно, он все больше и больше волновался, лихорадочно стремился восстановить разрушенную власть, готов был ухватиться за любую соломинку, которая могла бы его ободрить и помочь. В крайности он обратился к единственной женщине, о которой когда-либо заботился, - если не считать его матери, которая, бедняжка, отличалась такой бычьей хитростью, что ее поддержка была гораздо полезнее в игре его врагов, чем в его собственном положении. Для Антонина, к сожалению, Аквиллия Севера тоже оказалась хуже, чем бесполезной; она могла заботиться о нем, но ее возвращение сулило ему гибель и разорение.

Не то чтобы Антонин был на пределе своих возможностей. Если он и колебался, никто об этом не знал. Как и Калигула, он, должно быть, потратил почти 400 000 000 фунтов стерлингов наших денег и сиял оттого, что добился невозможного. Но он волновался, и, опять же как Калигула, в самый нужный момент вспомнил о верном и надежном пути к славе. Как Антонин во главе армии завоевателей он снова должен был выступить против маркоманнов, жителей Баварии и Богемии, которых Коммод подчинил себе.

Оракулы предсказали, что Антонин должен закончить эту войну, и это обстоятельство устраивало императора не только с одной точки зрения. Как и все религиозные люди в империи, Антонин был суеверен. Зонарас рассказывает, что мальчик носил 600 амулетов; но, поскольку он не был там и не видел, а современные авторы не упоминают об этом факте, мы можем отбросить эту версию вместе с такими же преувеличенными историями. Не то чтобы использование этих вспомогательных средств для благочестия или билетов на небеса исчезло; эту идею все еще можно найти в любом руководстве по молитвам под заголовком "Коричневый скапуляр" или "Запасы святого Симона", изложенную с точностью и логикой. Еще более нелепыми и злыми были плоды воображения, с помощью которых люди пытались отговорить Антонина от этой войны. Они говорили ему, что маркоманны были покорены с помощью чар и магических обрядов, принадлежащих исключительно халдеям и прорицателям. Снимите эти чары, и те же враги империи снова начнут открытое восстание. Поэтому Антонин стремился узнать, что это за чары и как их разрушить, чтобы найти предлог для возобновления войны, которую он, как Антонин, стремился закончить, чтобы эта честь не досталась другому. Здесь даже Лампридий проявляет сочувствие; он говорит, что война позволила бы императору заслужить имя Антонина, которое он, как и почти все остальные, опорочил; но ему не представилась такая возможность; смерть пришла слишком рано, чтобы он успел сделать приготовления.

Теперь Лампридий пускается в еще несколько благочестивых рассуждений, а в ходе аргументации - в еще несколько терминологических неточностей, касающихся имени и истории семьи императора. Он утверждает, что Антонин не только узурпировал это величественное имя, но и осквернил его, пока оно не стало предметом публичных насмешек; что его называли не иначе как Варием и Гелиогабалом. Эти замечания и излишни, и не соответствуют действительности. Император никогда не назывался ни Варием, ни Гелиогабалом. Имя его Бога, которое он принял в Никомидии, никогда не было официальным титулом; ни на одной известной монете, надписи или документе нет имени Варий. Этот император часто упоминается как жрец Элагабала, жрец Всевышнего Бога, который, кстати, часто стирался на памятниках вместо имени Антонина, когда Александр испортил или частично испортил их после смерти своего двоюродного брата.

Как и имя Яхве, Эль евреев, это имя Элагабал, Эль эмесцев, , по всей вероятности, считалось слишком священным для общего употребления, по крайней мере, при жизни императора. После его смерти оно стало применяться к нему как своего рода прозвище, подобно тому, как Калигула или Каракалла применялись к прежним императорам, или даже как термин "романист" применялся совсем недавно к последнему королю Стюартов в этой стране[58].

К этому последнему периоду правления мы можем отнести определенную активность Антонина в строительстве. Лампридий упоминает по крайней мере два важных памятника, первый из которых - гигантская колонна, которую он намеревался воздвигнуть, с лестницей внутри, вокруг которой должны были быть выгравированы или выбиты не история деяний императора, даже не история подвигов семьи, а запись чудес, которые совершил Бог, и за которые люди возносили благодарность. Антонин был убит до того, как проект был реализован, и Рим потерял лучшие из самых прекрасных реликвий античности - колонны, которые до сих пор украшают его форумы и рыночные площади. Вторая - высокая башня, которую он построил в соответствии с пророчеством некоторых сирийских жрецов о том, что его смерть, как и жизнь, должна быть бурной. Все следы этой башни и ее расположения исчезли; исчезли и листы золота, усыпанные драгоценностями, которыми он вымостил двор внизу, желая пышно погибнуть. Идея этой экстравагантности заключалась в великолепном самоубийстве, которое должно было быть совершено путем бросания с вершины башни на сверкающую красоту внизу, чтобы обрести чувственность даже в смерти. Антонин читал "Иамбулу"; он знал историю людей на Счастливых островах, которые, когда их одолевала тоска от счастья, ложились на благоухающую траву, обладавшую способностью вызывать сладострастную смерть. Его концепция была не так проста, но то, что она потеряла в легкости, она приобрела в великолепии.

В дополнение к этим работам следует упомянуть о завершении строительства Антониновых бань, известных теперь как бани Каракаллы, терм Вариана на Авентине, которые Полли называет термами Сира или Сура, и зала, построенного для Сенакула на Квиринале. Это подлинные произведения, и есть много других примеров, приведенных Лампридием, страсти этого императора к строительству. Мы слышим о домах, банях, огромных озерах с соленой водой, возведенных в горах и горных массивах загородных районов. Все это возводилось, как утверждает история, лишь на время, как временное пристанище для монарха во время путешествий, и разрушалось, когда он достигал следующего места жительства. Даже Лампридий утверждает, что такие записи явно ложны, это выдумки тех, кто хотел навредить Антонину, как только Александр овладел верховной властью, подхалимы, как называет их Лампридий, который сам так плохо себя проявил, занимая этот незавидный пост по приказу Константина.

Есть еще один момент, который необходимо рассмотреть в связи с убийством этого императора, а именно так называемое недовольство солдат. Снова и снова, на протяжении всей истории правления, мы узнаем из монет и надписей, что Антонин был популярен во всех рядах армии. С другой стороны, мы имеем неоднократные заверения всех авторов, как греческих, так и латинских, что император постоянно терял свою популярность.

Письменным свидетельствам можно было бы доверять больше, если бы авторы согласились с тем, когда эта популярность была утрачена. На самом деле Лампридий приписывает начало, развитие и кульминацию этой неприязни каждому отдельному году; в более поздних случаях, по-видимому, потому, что он забыл, что уже определенно заявил, что привязанность к императору осталась в прошлом. Тем не менее, эту историю нельзя полностью отбросить как басню, поскольку было два военных восстания или волнения, во время второго из которых император лишился жизни.

Возникает вопрос, связаны ли они с действительным недовольством или с каким-то заговором. Боковой свет, который все авторы бросают на ход событий, не оставляет сомнений в том, что оба восстания были определенными заговорами, разработанными заинтересованными лицами, - такие совершенно неудачные заговоры, как заговоры Сея Каруса и Помпония Басса, можно не рассматривать, поскольку они были сразу же раскрыты и так же легко сорваны. Однако факт остается фактом: Антонин был убит, скорее всего, в лагере преторианцев, а его тело, которое таскали по городу, было брошено в Тибр возле Аэмилиевого моста или сброшено в сточную канаву, впадающую в реку, чтобы продемонстрировать презрение к его священной персоне. Опять же, не было предпринято никаких усилий, чтобы наказать виновных. Сами преторианцы, узнав об убийстве, не подняли никакого крика, что, как правило, свидетельствует об определенном попустительстве со стороны солдат и народа. Как же Антонин в 222 году оттолкнул от себя людей, которые в 220 году демонстрировали такую преданность его персоне и правлению?

Значительная часть недовольства может быть связана с глупым пренебрежением, которое император проявлял к своим войскам. Он был их выдвигенцем; им он был обязан своим тронном. Он обещал им деньги, привилегии и привязанность, которые были предметом особой заботы его отца. Как только империя оказалась в его руках, эта политика была изменена. Первый конгиллиум в 218 году, несомненно, сопровождался пожертвованиями удвлетворительной величины. На втором (по случаю своей первой женитьбы) нам говорят, что император дал самому скромному гражданину Рима, женам сенаторов больше, чем тем, кто посадил его на трон годом ранее. О других проявлениях щедрости не сообщается вплоть до начала 221 года, по случаю двойного брака - его самого с Аквиллией Северой и его бога с Вестой, Мадонной Старого Рима. По этому случаю не упоминается ни о каких деньгах, розданных военным силам. То же самое можно сказать и о четвертом либералитете, данном в июле 221 года в честь усыновления Александра.

Эти официальные либеральные мероприятия были далеко не единственными, с помощью которых Антонин приобщил к себе гражданское население. По случаю своего вступления в консульство он из кожи вон лез, чтобы одарить население великолепными подарками. После большой летней процессии в 221 году он раздал толпе огромное количество дорогих подарков. Он учредил две лотереи, одну для комедиантов, другую для граждан. Он раздал своим друзьям и беднякам больше, чем они могли унести, но во всех этих случаях нам прямо говорят, что он ограничивал свою щедрость гражданским населением.

Очевидно, Антонин устал от армии. И, будучи императором, он решил раздавать кому угодно, пренебрегать кем угодно. Это не было безнравственно, по крайней мере, на наш взгляд, это было глупо, что гораздо хуже, и, как каждый сам для себя открыл, глупость влечет за собой большее наказание, чем безнравственность.

О четвертой и пятой конгиях, о которых говорит Медиобарбус, мы ничего не можем сказать, поскольку, по мнению компетентных нумизматов (Коэн и Экхель), они вообще не относятся к этому царствованию; конечно, существуют монеты с надписью "Marcus Aurelius Antoninus" и на аверсе "Liberalitas V. VI."; но наука и дискриминация теперь относят их к царствованию Каракаллы, а не к царствованию обсуждаемого императора.

Есть, конечно, одна точка зрения, с которой такое пренебрежение к солдатам выглядело аморальным, а именно - военная. Были даны обещания, и, как обычно бывает с обещаниями, они были нарушены. Мамай воспользовался этим обстоятельством, и неудивительно, что при ее тайных, хотя и регулярных, пожертвованиях владыки Рима почувствовали, что их положение бесславно, когда они увидели, как другие, актеры, подхалимы, бездельники, закупщики, трутни и тому подобное, получают то, что, по их мнению, принадлежит им по праву; неудивительно, что они выслушали и воспользовались ее обещаниями о существенной благодарности, которая последует за заменой Александра на неблагодарного гражданского, который теперь держал в руках кошельки.

Надо признать, что деньги и обещания Мамаи были малоэффективны, пока жила Антонина. Императору, безусловно, было хорошо. Каждый заговор легко срывался; никогда достаточное количество людей не поднималось на восстание. Когда он умер, те, кому она платила наиболее щедро, убедили остальных в их правильном отношении, а первая либеральность царствования Александра стала достаточным поводом для того, чтобы закрыть большинство ртов. Те, кто создавал беспорядки, последовали за своим господином в могилу или, скорее, в клоаку.

Точное время убийства Антонина, как мы уже говорили, весьма неопределенно. Дион приписывает ему пребывание у власти в течение 3 лет 9 месяцев и 4 дней со дня битвы, в которой он получил верховное командование, - 8 июня 218 года. День его смерти определяет как 11 марта 222 года. Это утверждение, с которым согласны редакторы "*Просопографии*" Гроебе, Зальцер и Рубенсон. *Liber generationis*^[59] дает 6 лет 8 месяцев и 28 дней, и его поддерживает *Хроника* 354 года, которая дает столь же четко 6 лет 8 месяцев и 18 дней. На первый взгляд, расхождение очень обескураживает, тем более что оба последних утверждения - по крайней мере, номинально - являются официальными. Монеты ограничивают правление четырьмя годами, в результате чего необходимо найти какое-то объяснение необычному добавлению трех лет как в *Хронике*, так и в *Liber generationis*. Моммзен предположил, что отклонение двух первых штрихов III в числе лет создало ошибку в обоих этих документах. Более поздние авторы объясняли разницу между VIII месяцами Диона и VIII месяцами латинских источников пропуском одного штриха в последнем, путаницей в количестве дней из-за того, что в *Хронике* был пропущен X. Поправка Моммзена кажется вполне правдоподобной, но абсурдные придирки, использованные для приведения к согласию того, что, по всей вероятности, на какое-то время стало спорным вопросом, можно пропустить без особого упоминания.

У Рубенсона есть гораздо более разумный вывод, а именно: время, указанное в *Хронике* и *Liber generationis*, относится не к дате битвы вообще, а к дате провозглашения или к дате поражения Юлиана, где-то в первых числах мая 218 года. Лампридий, конечно, вклинивается с другой противоречивой нотой, а именно, что "A.D. pridie nonas Martias" сенат принял своего

нового императора Александра с аплодисментами, но для настоящих целей его можно не брать в расчет, поскольку у нас нет подтверждения этому очень позднему заявлению. Заявление Евтропия о том, что 2 года и 8 месяцев, относится только к пребыванию в Риме, а 30 месяцев Виктора совершенно исключены, как и заявление Лампридия о том, что это чудовище занимало трон почти три года. Еще более обескураживающим, чем дикие заявления биографов, является тот факт, что вплоть до 8 декабря 222 года некоторые рескрипты датированы именами как Антонина, так и Александра, "Conss."; только два, один в марте и один в октябре, появляются с Александром в качестве единственного консула, и эта надпись встречается на рескрипте, датированном "III поп. Февраль", когда, если принять любые другие свидетельства, Антонин был еще жив. Именно на этом Стоббе основывает свое утверждение о том, что Антонин был убит или, по крайней мере, отстранен от власти уже 5 или 6 января, и что Мамай воспользовался своей новой властью, как только Александр был официально признан консулом. Это, безусловно, теория, за которую можно что-то сказать, но она полностью опровергает косвенные свидетельства, которые историки оставили об убийстве мальчика. Если это предположение верно, то Мамай овладел личностью императора путем бунта в лагере, сразу после того как Александр стал консулом, лишил его друзей и поддержки и таким образом постепенно приучил население к его отсутствию, прежде чем убить его. Это, конечно, объясняет спокойствие, с которым Рим получил известие о его смерти в какой-то более поздний период, но не объясняет несоответствие монет и рескриптов, первые из которых делают Александра единоличным императором к началу лета, а вторые, которые называют Антонина консулом, предполагают, что он был еще жив в конце декабря того же года (222).

С нумизматической точки зрения возникали дополнительные трудности относительно продолжительности царствования, поскольку Антонин достиг четвертого консульства и пятого трибунского года, но они были подняты людьми, которые пренебрегли Эккелем и не всегда проверяли свои ссылки. Регулярные монеты говорят нам, что Антонин достиг четвертого консульства и пятого года трибунской власти, когда он умер. Некоторые авторы, в частности, Вальсекхий и Пагий, утверждают, что императоры всегда продлевали трибунские полномочия в годовщину своего престолонаследия, другие, например, Стоббе, что дата трибунской власти всегда ставилась на каждой монете, когда указывалась дата консульства. Ни одно из этих утверждений не может быть принято ни на мгновение, как убедительно доказал Эккель, и что можно также продемонстрировать на примере тех самых монет, которые эти авторы приводят в качестве доказательства своих утверждений. Теория Вальсеккия заключалась в том, что Антонин считал, что начал править с момента убийства своего отца Каракаллы, и датировал свой трибунский год, начиная с 8 апреля 217 года. Таким образом, к 8 июня 218 года у него начался бы второй трибунский год, и монеты должны были бы выглядеть как "T.P. II Cos". К сожалению для теории, нет ни одного примера такой аберрации, на что указывал Турре несколько веков назад. Паги, с другой стороны, считал, что Антонин датировал свое правление 16 марта 218 года и ежегодно продлевал свои трибунские полномочия в этот день; он принял дату Диона, 11 марта, для кончины Антонина, и, следовательно, предположил, что монеты с легендой "T PV Cos IIII" были изготовлены в преддверии события 16 марта 222 года. Против этого Эккель настаивает, что вся теория совершенно не нужна, потому что она отбрасывает все остальные монеты, чтобы сделать установку для девяти, которые в действительности совершенно регулярны.

Истина, очевидно, кроется в теории Экхеля, которая была отвергнута Штоббе из-за ее простоты и очевидности, а именно: Антонин обновил консульские и трибунские полномочия в один и тот же день, 1 января, и это утверждение подтверждают все римские Фасты. Естественно, как мы знаем из Диона, первый год начался 8 июня, когда имя Антонина было

заменено именем Макрина. 1 января 219 года Антонин принял свой второй консулат и вторую трибунскую власть. 1 января 220 года император в третий раз стал консулом, в третий раз - народным трибуном. 1 января 221 г. Гратус и Селевк были консулами, Антонин - народным трибуном в четвертый раз; 1 января 222 г. Антонин и Александр Косс. IIII и I, Антонин - народный трибун в пятый раз. Все это должным образом изложено на монетах в обычном порядке.

Основа для других теорий была найдена плодовитыми мозгами, когда Коэн перечислил несколько нарушений в датировке, в частности, три монеты, датированные Т.Р. Cos. II, что просто перевернуло теорию Вальсеккиуса и, по словам Стоббе, показало, что император возобновил свое консульство 1 января, но еще не возобновил свои полномочия в качестве народного трибуна. Это, несомненно, было правдоподобно, но Стоббе не обратил внимания на другую монету с датой Т.Р. Cos. IIII, которая, согласно его собственной теории о числе, неизменно прикрепляемом к Т.Р., а также к Cos., означала бы, что император вообще не возобновлял свои трибунские полномочия, или же возобновлял свои консульские полномочия четыре раза в течение одного года, причем обе эти идеи явно абсурдны. Наряду со своим предположением о том, что число всегда прикреплялось к Т.Р., когда оно также следовало за Cos., Стоббе сформулировал еще одну теорию, частично основанную на идее, высказанной Паги относительно даты монет, помеченных Т.Р. V Cos. IIII, и подкрепил свое утверждение примером, указанным Коэном как Т.Р. IIII, Cos. IIII. Оно сводилось к тому, что, поскольку императоры Септимий Север, Каракалла, Гета и Александр Север продлевали свои трибунские полномочия примерно в середине января, Антонин сделал то же самое, и что малое количество монет с обозначением Т.Р. V Cos. IIII объясняется тем, что он был убит вскоре после, если не до завершения выпуска и обновления трибуната. Доказательством Стоббе служит тот факт, что Коэн указал эти три монеты как выше (Т.Р. IIII Cos. IIII), которые, как подтвердил этот критик, были выпущены после 1 января и до обновления трибунала - примерно в середине месяца.



Монета 220 г. н. э., ошибочно прочитанная Коэном как Т.Р. III Cos. IIII (Британский музей).



Монета 221 г. н.э., ошибочно прочитанная Коэном как Т.Р. IIII Cos. IIII (Британский музей).



Монета 222 г. н.э. (Британский музей).

Лицевая страница 196.

Но это была всего лишь теория по обоим пунктам. Как показал позже Эгберт, обновление трибуната в случае Септимия, Каракаллы и Геты произошло вовсе не в начале января, а 10 декабря. Обновление Макрина произошло в начале января, как и обновление Александра, но это не является убедительным доказательством того, что Антонин обновил свои полномочия в тот же день. Конечно, есть монеты, три из них, перечисленные Коэном, две во Франции в Bib. Nat., и одна в Британском музее с пометкой Т.Р. IIII Cos. IIII. Это явное доказательство, говорит Стоббе, что трибунские полномочия были возобновлены после консульских, и что Т.Р. V Cos. IIII были составлены позже в том же году (222), чем Т.Р. IIII Cos. IIII. Французских монет я не видел, но мне довелось изучить монету из Британского музея (Cohen, vol. iv. p. 342, No. 197), и я обнаружил, что Коэн неправильно прочитал номер, проставленный на Cos.; она указана как Т.Р. IIII Cos. IIII, но на самом деле это Т.Р. IIII Cos. III Р.Р. (т.е. 221 год). Первая буква Р была прочитана в числе, - эта же надпись, скорее всего, имеется на французских монетах, а также на монетах Британского музея, поскольку вменить ошибку в вину современникам, чтобы сделать копию для более поздних критиков,

представляется необоснованным. Я отметил еще одну ошибку, а именно две монеты, перечисленные Козном как нерегулярные; они датированы, T.P. III Cos. IIII (p. 344, №№ 210, 211). На них была основана еще одна восхитительная теория, а именно, что Антонин собирался принять консульство, отчеканил свои монеты, а затем отказался от них в начале 221 года, таким образом, не успев возобновить свои полномочия трибуна. Опять же очень красиво, но монеты есть в Британском музее, и они вовсе не датированы T.P. III Cos. IIII; они совершенно обычные - T.P. III Cos. III, или 220 годом, и нет необходимости переносить цифры, что является альтернативной теорией, изложенной выше.

Доказательства монет вполне убедительны. Император возобновлял свои двойные полномочия либо в тот же день, 1 января, либо в день, непосредственно следующий за ним. Как отметил Эккель в 1792 году, нет ни одной монеты, которая, при правильном прочтении даты, давала бы основания для какой-либо другой теории, в то время как все подобные являются ненужными и противоречат известным фактам.

Лампридий дает нам определенное количество доказательств того, что император интересовался государственными делами на протяжении всей своей жизни, как своим рассказом о проницательности Антонина как судьи, так и его желанием назначить четырнадцать префектов города под руководством императорского префекта Урбиса или Урби. Естественно, это желание объясняется низменными мотивами, а именно желанием облагодетельствовать недостойных лиц. Эта схема, как рассказывает Лампридий, была фактически реализована в царствование Александра, и тогда ей аплодировали как полезной и необходимой, что является явным перебором с одной или другой стороны.

С необычайным единодушием авторы сообщают о всеобщем поношении памяти Антонина и о том, с какой радостью народ таскал его мертвое тело по городу. Все уверены, что сенат отдал общий приказ заклеить имя Антонина на всех памятниках и документах по всей империи, как только этот обещанный император благополучно уберется с дороги.

Единодушие замечательно; тем более замечательно, что оно совершенно необычно. К сожалению, оно никак не подтверждается надписями. Мы уже упоминали о рескриптах, которые в большинстве своем носят имя Антонина на протяжении всего 222 года. Это обстоятельство вряд ли согласуется с действиями сенаторов, приказавших изгладить все упоминания об обещанном императоре (*то есть* при том, что они сами продолжают публично и официально использовать его имя). Опять же, есть надпись C.I.L. VI. 3015, установленная в июле 222 г., которая поминает обоих консулов как живых; и другая, хотя, вероятно, подделка Лигория, № 570, в которой оба имени появляются 13 апреля того же года. Конечно, это было бы невозможно, если бы Антонин был мертв и сенат приказал стереть его имя повсюду. Однако этот приказ нельзя воспринимать буквально; изучение существующих надписей дает совсем другие результаты.

Имя Антонина стерто, но только в 40 известных случаях, в то время как в некоторых местах имя Александра заменено именем Антонина, что, если обычно, является довольно дешевым способом получить честь и славу, принадлежащую другому. В нескольких африканских надписях зачеркнуто утверждение, что император является внуком Севера, а в нескольких в разных частях империи зачеркнут титул жреца Элагабала, о чем свидетельствует надпись в Уолвике Честерс. В 52 случаях имена, стили и титулы Антонина остаются нетронутыми, что делает маловероятным проведение большой кампании против его памяти, как это хотел бы сделать Лампридий, который считает, что все в империи стремились к этому.

И Дион, и Лампридий рассказывают, что Антонина после смерти называли Тиберином и Трактитом, в связи с позорным обращением, которому подверглось его тело после убийства,

и последним актом - бросить его в реку, чтобы оно никогда не было погребено. Сарданапал - еще один эпитет, примененный к нему Дионом и его переписчиком Зонарасом, которые также называют его псевдо-Антонином, в связи с заявлением его бабушки, сделанным "по ненависти" в 221 году, что не он, а Александр был единственным законным бастардом; это и тому подобное были колкие прилагательные, с помощью которых биографы пытались опорочить память мальчика.

На этом, для всех практических целей, рассказ Лампридия о жизни императора заканчивается. В семнадцати главах еще есть просто биографический скандал, частью поучительный, частью лицемерно непристойный. Тем не менее, из этих разделов удалось извлечь определенную информацию, описывающую экстравагантность мальчика и его обстановку, его психологию и ее результат, его религиозные амбиции, а вместе с ними и причины его падения.

Все это - очевидные черты характера Антонина, которые можно разглядеть, несмотря на массу преувеличений и враждебности, которыми изобилуют эти страницы. Критиковать эти высказывания в деталях, однако, очевидно, невозможно на основе имеющейся информации, и, кроме того, мы вряд ли компетентны судить об этом периоде с нашей современной точки зрения, основанной на предубеждениях.

В истории нет периода, который бы полностью соответствовал этим последним годам имперского величия; мало людей, воплощающих дух, вдохнувший жизнь во все это великолепие, и еще меньше в современном мире тех, кто понимает возрожденное язычество эпохи Возрождения. И здесь тоже была разница. В старом Риме говорили, что грех - это молитва; при Льве X. это была, скорее, налогооблагаемая роскошь. Грех по-прежнему является роскошью, но уже не облагается налогом; Реформация освободила нас от подобных поборов и ограничений, а на их место поставила лицемерие и пустословие.

Из Суетония мы узнаем, что римский мир грешил и блистал; мы все еще грешим, но вынуждены зевать при этом. Мир Суетония был миром, *в котором можно было фантазировать*. Наш мир - это мир, *в котором все равно ничего не получится*. Отсюда наша неспособность понять дух философского язычества, дух, чья мораль состоит не в дурных мыслях о других людях, а в разуме, освобожденном от ужаса перед богами, не очень заботящемся о том, что делают другие люди, пока они не мешают нам.

Именно так мы должны смотреть на Элагабала. Смотреть на него другими глазами - значит рассматривать беспокойную, легкомысленную, возможно, развратную муху-дракона, как если бы он был вампиром, а затем, помогая воображению, описывать его как бегущего единорога с пристрастием к *marrons glacés*.

Это абсурд, чистый гротеск, эта карикатура на Антонина; возможно, именно поэтому мир оставил его в покое, чтобы дольше смотреть на маску, которая манит. Если эти критические замечания хоть в какой-то мере помогли устранить часть акцентов, которыми мир облил его фигуру по приказу его родственников, хлопоты будут сполна вознаграждены. Естественно, эта монография не является последним словом; с другой стороны, она является первой, выдвинутой в надежде, что она может хотя бы похвастаться своей точкой зрения. Не является она и компромиссом с приличиями, которые, в конце концов, в современном мире не что иное, как компромисс ни с соседями, ни с полицией; то, чего мы от них ожидаем, конечно, не то, чего они могут ожидать от себя или даже от Элагабала.

ГЛАВА VIII

ЖЕНЫ ИМПЕРАТОРА

Этого Антонина обвиняют в строительстве Клоаки Максима, в которую столетие спустя скатился весь Рим, в основном на том основании, что он развелся как минимум с тремя женами и сам был женой колесничего Иерокла, а также других своих необычайно многочисленных знакомых.

Вменение раскопок в Риме нельзя приписывать только Элагабалу. Август немного покопался там, но лицемерно, как и во всем остальном, придумывая этические законы как прикрытие для собственных пороков; то же самое делал Калигула, Нерон, Адриан и Каракалла. Меценат разводился сам и женился снова двадцать раз, поскольку обе церемонии были менее дорогими, чем в наши дни. Суетоний сказал о Калигуле, что еще неизвестно, что было самым мерзким - заключенные им союзы, их краткость или их причина. При таких примерах неизбежно, что обычные люди должны были соединиться, но расстаться, и что незаметно закон должен был отменить, как каприз, положение, определявшее брак как неразрывную жизнь.

При Цезарях брак стал временным соглашением, отменяемым и восстанавливаемым по желанию. Сенека говорил, что знатные женщины считают свои годы по своим мужьям; Ювенал - что именно так они считают свои дни. Павел в своем послании, чья многословность повторяет философскую фразеологию, рассматривал привилегии развода как неотъемлемую часть патриархальных теорий семейной жизни. Тертуллиан добавлял, несколько язвительно, что развод - это результат брака.

Однако развод никогда не был обязательным, обязательным было супружество. Согласно Lex Papia Poppoea, тот, кто в двадцать пять лет не состоял в браке; кто, разведенный или овдовевший, не вступал в новый брак; кто, будучи женатым, был бездетным, становился *ipso facto* врагом общества.

Этому закону, как и следовало, уделялось лишь техническое внимание. Мужчины женились только для того, чтобы получить должность или наследство; на следующий день они получали развод. В нужный момент ребенка усыновляли, а когда он проходил, от него отрекались. Как и в случае с мужчинами, так и в случае с женщинами. Унивира стала многомужней женой, иногда матроной без мужа; той, которая, чтобы избежать последствий Lex Papia Poppoea, наняла мужчину, чтобы он дал ей свое имя, и которая, имея собственное заведение, могла делать все, что ей вздумается; подражать мужчинам в их худших проявлениях; бороться, как они и с ними, за власть; участвовать в кровавой государственной драме; взойти на трон и убить там или быть убитой. Империя освободила женщин от домашней тирании, так же как и мужчин от тирании государственной.

Так обстояли дела с браком, когда в начале июля 219 года император Марк Аврелий Антонин взял в жены леди Юлию Корнелию Паулу из известного, но отнюдь не патрицианского рода Корнелиев. Ее отцом был Юлий Паулюс, вероятно, один из самых известных юристов и адвокатов, которых когда-либо знал Рим. Его положение тестя императора, как и положение Силлы, тестя Цезаря, было, несомненно, несколько притягательным. К сожалению, это в значительной степени снижало его полезность. От редакторов "*Просопографии*" мы узнаем, что к этому царствованию можно с уверенностью отнести только пять декретов по вопросам

юриспруденции, а от Лампридия - что Паулус был назначен на предположительно прибыльную, но, безусловно, неинтересную должность швейцара при молодом Александре, на чей бычий интеллект он, к сожалению, не смог произвести никакого впечатления. Несомненно, неправильно продвигать родственников на придворные синекуры, когда они могут быть лучше и полезнее заняты тяжелым трудом на благо государства, но это положение, к которому стремятся даже лучшие из нас, когда устают от неправильной или сытой жизни.

Согласно Баррахино, семья Корнелия происходила из Падуи, Бертран утверждает, что они были родом из Тиро, а по оценке Пиньория, они могли даже увидеть свет в Риме. Юлий и его дочь - единственные двое из семьи, ставшие известными. К сожалению, мы не знаем ни даты рождения или смерти обоих, ни года, в котором Юлий начал восхождение; достаточно сказать, что он опубликовал много томов до смерти Септимия Севера, в совете которого, согласно Дигестам ххix, он занимал место. Его первой должностью, по-видимому, был пост претора, затем он по обычным ступеням поднялся до поста префекта Рима, завершив его вершиной всех амбиций - префектурой претория, и в этом качестве он был сенатором империи. Тристран, который лично знал о леди примерно столько же, сколько вы или я, отметил, что Юлия была красива. Его вкус, конечно, не соответствует современному, поскольку ее чучело изображает ее с острым клювообразным лицом и длинной шеей. Этот автор, с некоторой долей справедливости, пытается оправдать свое утверждение трюизмом, а именно тем, что император был таким ценителем красоты, что никогда бы не выбрал даму, не обладавшую этой необходимой квалификацией. Именно так, но выбрал ли Антонин вообще эту даму? Вероятно, на момент бракосочетания ей было уже далеко за тридцать, и император не видел и не слышал о ней до того, как она была представлена ему его родственниками по прибытии в Рим; фактически, этот брак был политическим ходом, с помощью которого чиновные классы были тесно связаны с императорским домом.

Мы уже описывали пышность и обставленность, с которой праздновалась эта свадьба, игры с пышными тратами на животных, среди которых были самые редкие из известных зверей, конгиарии и донации. Поскольку это единственное упоминание о подобном великолепии по случаю бракосочетания Антонина, который, как говорят, пытался шесть раз за два с половиной года, оно склоняет нас к мнению, что это был его первый эксперимент в этом направлении, тем более что свидетельства монет и медалей совершенно убедительны в этом вопросе. Тристран и Сервез, однако, помещают Аннию Фаустину в качестве первой жены, основываясь на ошибочном изложении Дионом событий в Никомидии.

Корнелия Паула, как мы уже говорили, была дамой с известностью и положением. Сервий говорит нам, что, по общему мнению, она уже была замужем; на самом деле она уже была матерью детей; а Тристран добавляет, что во время брака она была замужем за кем-то другим. Предлог, под которым император женился на ней, кажется, подтверждает это утверждение. Он хотел скорее обеспечить империю наследником, хотя, как говорит Дион, сам еще не был мужчиной. Поскольку у Корнелии не было детей от Антонина, а причиной ее развода, как публично сообщалось, был тайный изъём в ее теле, который обнаружился только после восемнадцати месяцев супружеского согласия, предположительные доказательства свидетельствуют против теории Сервиса; на самом деле она предполагает бесплодие, а не какое-то телесное уродство или даже чрезмерную плодовитость; и, конечно, это опровергает необоснованное предположение Тристрана, что дама была *enceinte*, когда Антонин женился на ней. Какое количество искренних чувств существовало между Юлией Паулой и ее мужем, мы не можем даже предположить. С психологической точки зрения мы склонны предположить, что их было очень мало. Император был слишком привязан к своим

друзьям, слишком женственен по характеру, чтобы ценить жену, иную, чем, как говорит Лампридий, "трусиха, которая могла бы увеличить его познания в ее искусстве". Семья Юлия Павла поднялась на вершину власти, как только дочь его дома стала императрицей. Лампридий ни в коей мере не уточняет дату господства Юлия Павла в государстве, хотя кажется естественным предположить, что, когда Евтихий Комазон освободил префектуру претория, чтобы стать префектом Рима (июль 219 года), тесть императора был назначен на его место и освободил эту должность либо в момент развода дочери, либо, что более вероятно, в более ранний срок, *то есть* когда его служебный год истек в июле 220 года.

Точная дата развода неизвестна. Как мы уже говорили, есть монеты, отчеканенные в Александрии с изображением Юлии и надписью после 29 августа 220 года, а также в Триполисе в Финикии после октября того же года. Наиболее вероятным представляется предположение, что Антонин развелся с ней где-то в начале 221 года, после того как решил взять в жены весталку Аквилию Северу, в соответствии со своей религиозной схемой или идеалом.

Юлия Корнелия Паула - единственная жена Антонина, упоминаемая в надписях, и, поскольку мы ничего не слышим о ней в других источниках, маловероятно, что она имела большое значение при дворе. Возможно, она была признана бесполезной ни для Антонина, ни для Маэсы, ни для Соамии, ни для Мамеи, каждый по-своему, и в таком виде была низведена до неважной безвестности, которой пренебрегали как шифром. Типы ее монет столь же неважны. Они ссылаются на Согласие, которое должно было существовать между парой, и представляют божеств, защищающих брак. Ее портреты варьируются от портрета женщины шестидесяти с лишним лет до изображения женщины около тридцати лет, возраст которой почти подтверждается ее так называемым бюстом в коллекции Боргезе в Лувре; но ни один известный автор не может сделать больше, чем догадаться о том, что эта дама так же тщательно скрывала, как и ее менее удачливые сестры.

Лампридий пытается создать впечатление, что после развода с этой Августой (сенат присвоил ей этот титул во время брака) Юлий Паулюс был изгнан. К сожалению, он упоминает его чуть позже, как воспитателя Александра (в начале 222 года). Разумеется, напрашивается вывод, что Лампридий почерпнул эти два впечатления из противоречивых источников. По всей вероятности, великий юрист, променяв должность префекта претория на придворную синекуру в качестве воспитателя Александра, не появлялся в общественной жизни до тех пор, пока его толстомордый ученик не был благополучно усажен на трон. Какой именно пост он тогда занимал, Поли не выяснил. Возможно, это снова была префектура претория, должность, уступавшая только должности самого императора, и та, что несла в себе практический суверенитет в тюдоровском смысле, за исключением одного элемента, который укрепил елизаветинское величие, - принятия на себя полномочий, достоинств и привилегий церковного главы.

Юлия Корнелия Паула, лишившись своего титула и положения зимой 220-221 года, удалилась в роскошное уединение. Ни один здравомыслящий человек в то время не пожалел бы о судьбе Юлии, если бы не то, что она больше не пользовалась положением императрицы. Даже в средневековые времена, когда развод был церковной привилегией и, как следствие, очень дорогостоящим, он не считался неизбежным злом. Конечно, он был редким и, будучи церковным, нес на себе определенное клеймо. Кроме того, как мы уже говорили, это была привилегия, в которой не было такой необходимости, как во времена большей свободы женщин. Никто из тех, кто, подобно средневековому мужу, имел каноническое разрешение бить жену, когда она ему досаждала, не испытывал жизненной необходимости расторгнуть эту связь (*vide Beaumanoir, lviii.: "Tout mari peut battre sa femme*

pourvu que ce soit modérément, et sans que mort s'ensuive"). В рассматриваемую эпоху это было самым обычным и привычным обстоятельством повседневной жизни. В старом Риме удивлялись именно постоянному интересу, а не пресыщению чарами супруга; достаточно сказать, что Юлия ушла на покой, женщина с прошлым и знанием того, что, если она сохранит рассудок, ее ожидает большое будущее. Никто не выразил сожаления по поводу ее отъезда, так что, по всей вероятности, Маэса была согласна, хотя вряд ли можно думать, что старая дама знала о замысле, который замышлял ее внук, когда позволила совершить ошибку, не попытавшись остановить его стремительное бегство к гибели; бегство, которое непременно вовлечет в себя всю семью, если только они не смогут отмежеваться от новой религиозной политики, которая его диктовала.

Вероятно, вместе с пристрастием Антонин видел и восхищался дамой, которую Дион описывает или заставляет Антонина описать как главную жрицу Весты. С этим обозначением Прунер категорически не согласен, объясняя ἱερέϊα тем, что она служила в главном культе Рима, а не тем, что она сама была главной жрицей. Именно в первые месяцы 221 года Антонин, поддержав Юлию Павлу, забрал из ее женского монастыря весталку Аквиллию Северу, тем самым основательно шокировав восприимчивых. Мы уже обсуждали причины этого безрассудного поступка. С религиозной точки зрения император должен был многое сказать, и, несомненно, он это сделал. С эстетической точки зрения это была ошибка. До сих пор сохранилось некоторое количество монет и медалей с ее изображением; они придают ей вид зловещей и довольно злобной женщины, совершенно не похожей на беспомощную неопитку, юную и прекрасную, которую изображали различные писатели, пытаясь вызвать в нас жалость к бедной монахини, насильно изнасилованной непривлекательным и развратным императором.

Все современное мнение об общине Весты основано на ошибочном представлении об их положении и пользе. Наши представления о весталках в значительной степени заимствованы из концепций, которые египетские анхориты завещали эзотерическим религиозным сообществам, процветавшим в средние века. Правда заключается в том, что римские весталки имеют лишь одну точку соприкосновения с преемницами анхоритов, а именно репутацию целомудрия, которая, однако, была привита к совершенно другой религиозной основе. Весталки были сообществом высокородных римских дам, чьим долгом было поддерживать и сохранять священный огонь, символизирующий существование Рима, и, поклоняясь фаллосу, хранить себя незапятнанными от мира, а не иначе от его контакта. В исполнении своих общественных обязанностей они были восхитительны и пунктуальны, но они не были закрытыми девственницами, какими мы их знаем сегодня. Они были женщинами мира, ценность которых повышалась благодаря часто (по словам Суетония) мнимой девственности; женщинами, которые, одетые в белые льняные одежды безупречной жизни, с волосами, уложенными в шесть кос, символизирующих целомудрие, были главными фигурами на всех общественных мероприятиях, лидерами чувств на играх и гладиаторских шоу, арбитрами общественного мнения во всем, что касалось религии и морали, в то время, когда религия и мораль означали мужество, храбрость, патриотизм и выносливость.

Приписывать этим женщинам христианские представления о религии и морали было бы так же нелепо, как переносить тот же невротизм на спартанские общины еще более ранней эпохи. Идеалом тогда было не страдание ради страдания, даже не страдание ради умиротворения оскорбленного божества, а страдание ради мужественности, патриотизма и силы.

Как мы уже говорили, римская религия в третьем веке была такой же, как и всегда, - чисто политической. Это было процветание империи, ее мир и бессмертие, ради которых приносились жертвы; о человеке, его счастье и процветании она совсем не заботилась. Античные добродетели были гражданскими, а не личными. Именно государство имело душу, а не человек. Человек был эфемерен. Вечной была нация, и для обеспечения этого постоянства трудился каждый гражданин. Для гражданина смерть была близка, и он спешил жить; прежде чем розы успевали увянуть, он увенчивал себя ими; бессмертие для него заключалось в потомках, продолжении его имени, уважении к его праху. Любая другая форма будущего была умозрительной. В прежние эпохи Тартар населяли страхи, но страхи ушли; Елисейские поля были слишком туманны, слишком утомительны для созерцания. "После смерти, - сказал Цицерон, - ничего нет"; и философия согласилась с ним. Римская государственная власть, понимая опасность независимых религий, назначила своего императора верховным правителем таких и подобных религиозных теорий. В качестве Pontifex Maximus он занимал примерно такое же положение, как и наши тюдоровские государи, ставшие главами церкви в Англии. Император верховодил религиозными догмами и практикой, когда того требовали обстоятельства.

Старые верования рушились, но, тем не менее, Рим был пресечением всех суеверий. Боги завоеванных народов всегда были частью ее добычи; угодить им было легко - от Иеговы до неведомых богов за Рейном, их поклонение было порывистым. То, что высшие классы не имели веры, само собой разумеется, но о философском атеизме высших классов народ ничего не знал; он благочестиво держался за веру, которая теологическое оправдание каждого греха; и с одинаковой жадностью обращался к митраистской, египетской и даже назарейской религии, которой Константин наконец заменил древнее поклонение, поскольку все это было одно и то же под разными именами; Религия империи с местными или иностранными мистериями; привычные традиции, чудеса, праздники и поклонение природе, к сожалению, как обнаружили люди после Константина, стали спорными и постоянно дорожали в обслуживании.

Весталки все еще оставались хранительницами и воплощением старых теорий, которые они исповедовали; они были связующим звеном между философией и суеверием, и в этом качестве они прекрасно выполняли свою роль: в частной жизни - так же, как и другие женщины, в публичной - точно. Изредка случались публичные скандалы, но очень редко. Домициан вспомнил об архаичном законе и заживо похоронил одну неплательщицу. Клавдий, ссылаясь на Мессалину, сказал, что судьба, сделавшая его мужем нечистой женщины, предназначила ему наказывать таких. Дама, которую Каракалла похоронил заживо, протестовала не против обвинения в нарушении обета, а потому, что обет был нарушен недостаточно удовлетворительно, чтобы ей это понравилось.

Очевидно, Антонин был совершенно лишен римских предрассудков как в этом, так и в любом другом вопросе. Дама ему понравилась; с религиозной или эстетической точки зрения - неизвестно. Если это было последнее, и ее портреты отражают ее справедливость, то репутация Антонина как судьи женской красоты безвозвратно утеряна. Она была откровенно стара и некрасива. Тем не менее он хотел на ней жениться, а то, чего он хотел, он обычно получал. Хотела ли его Аквилія Севера, неизвестно, во всяком случае, она не раз была готова обменять мнимую девственность на императорское брачное ложе. Рим, как мы уже отмечали, был шокирован и откровенно отвращен. Император получил отчет, вероятно, через Сенат, и затем указал этому августейшему органу на существенную благочестивость этого поступка: весталка и главный жрец Святого Бога должны были произвести на свет детей, полностью божественных.

Это был поистине тюдоровский аргумент, ничего более умозрительного, чтобы развеять предрассудки, Генрих Восьмой с таким именем придумать не мог. К сожалению, Рим в третьем веке обладал гораздо большей торийской добродетелью и не так скучал по религии, которая никого не касалась лично, как Англия в шестнадцатом веке. Рим продолжал возражать императору, шокируя ее предрассудками. Англия изменила свое мнение, а вместе с ним и свои предрассудки, по велению своих государей, и, при содействии истребления священнослужителей, за одно поколение забыла то, на что у нее ушла тысяча лет.

Нет нужды говорить, что этот союз императора не дал ничего ни человеческого, ни божественного, по поводу чего, или в качестве мягкого размышления по этому поводу, Лампридий произносит свое психологически просветляющее замечание о том, как этот император относился к женам и женщинам вообще.

История семьи Севера неясна. Ее отцом был известный юрист Аквиллий Сабин, который был префектом Рима в 214 и 216 годах. Он был твердым другом Силия Мессалы, царедворца, и, возможно, будучи сенатором, был одним из судей этого господина, когда тот был осужден за измену своему государю. Далее мы узнаем о сыне Фабия Сабина, который благодаря своей мудрости и образованности вошел в историю как Катон своего времени. Дочь, должно быть, приобщилась к семейным способностям. Сенаторское звание ее отца, по всей вероятности, открыло бы ей двери той самой исключительной корпорации, к которой она принадлежала, но его положение едва ли могло поднять ее глаза к императорскому пурпуру.



Монета Юлии Корнелии Паулы Августы (Британский музей).



Монета Юлии Корнелии Паулы Августы, 220-21 гг. н.э. (Британский музей).



Монета Юлии Аквиллии Севера Августы, 220-21 гг. н.э. (Британский музей).



Монета Аннии Фаустины Августы, 221-22 гг. н. э. (Британский музей).



Монета Юлия Аквилія Севера Августа, 221-22 гг. н.э. (Британский музей).

Лицевая страница 216.

На основании имеющихся в нашем распоряжении записей мы не можем составить абсолютного мнения о точной дате, когда эта дама сменила практику открытого безбрачия на практику проблематичного брака. Наиболее вероятным представляется предположение, что это произошло ранней весной 221 года, в то время, когда был заключен союз между Элагабалом и Минервой. Александрийские монеты с ее именем датированы ЛД, после 29 августа 220 года, а монеты "Aequitas Publica", на которых также написано ее имя, были выпущены в начале 221 года, очевидно, для третьей раздачи денег, которая была проведена в честь двойного брака. Никаких игр и развлечений, которыми был отмечен первый союз Антонины, в это время не проводилось; у императора было достаточно дел, чтобы сгладить неприятности, вызванные самим браком, и обдумать проекты по реализации своих религиозных замыслов. О положении и влиянии дамы нам ничего не известно, хотя мы вполне можем поверить, что она не была подругой ни престарелой Маэсы, ни косоглазой матери Алексиана, которые так плохо ей желали. Сервез отнюдь не благосклонен к Севере из-за той жадности, с которой она меняла свое положение. Он называет ее честолубие безграничным, хотя очень сомнительно, что, оказавшись в подобном положении, кто-либо из нас отказался бы от лести и несомненного комплимента, сделанного в адрес наших выдающихся достоинств.

Титул Августы, от которого была освобождена Юлия Корнелия Паула, был присвоен Аквиллии, и, несомненно, император рассчитывал на значительную степень счастья в обществе женщины, чей брак все не одобряли.

Как мы знаем, Антонин очень скоро понял, что совершил жизненно важную ошибку; что он напал на единственное суеверие, которое Рим не позволял трогать, и с крайней неохотой отправил и Богиню, и ее весталку обратно в их соответствующие жилища. Антонин подвергся королевскому порицанию как за свой брак, так и за последовавший за ним развод. Если брак был неправильным, как утверждают все авторы, то и развод, несомненно, был правильным; так считал и Рим, поскольку его подчинение национальным желаниям, похоже, покорило людей и успокоило их умы, тем самым вернув императору популярность. Почему же тогда он еще больше отдалил их от себя, женившись на Севе в начале следующего года, о чем повествуют Дион и монеты? Это загадка.

Антонин, похоже, вообще ничего не сделал для семьи этой жены; нет никаких записей о должностях, которые они занимали, или официальных назначениях, которые давали, принимали или получали люди с их именем. Конечно, они могли получить работу, подпадающую под общий термин "назначение непригодных лиц"; если так, то у нас нет никаких записей о том, что они получили, в то время как продолжительность брака была настолько короткой, что едва ли было время для развития какого-либо скандала. Дату развода, как и все даты царствования, можно установить лишь приблизительно. Это было не раньше ранней весны и не позже конца июня, к тому времени Юлия Меза восстановила свою власть (то, что у нее было) над разумом Антонина, чтобы убедить его вернуть Минерву и ее олицетворение в свои дома, послать за Астартой, за Элагабалом, самому жениться на Аннии Фаустине и, прежде всего, усыновить Алексиана; последняя церемония состоялась примерно до 10 июля 221 года. Мы можем хорошо представить себе отвращение мальчика к провалу его планов и к ранней потере друга в лице Аквиллии, которая, как рассказывают Дион и Геродиан, была императрицей совсем недолго.

Одним из самых больших препятствий, с которыми столкнулась императорская семья, было отсутствие связей с римской знатью. Несомненно, это можно было легко исправить. Маэса могла бы попытаться заключить свой первый союз в этом направлении; однако, похоже, она полагала, что такие люди вымерли. Они дважды погибли, как нам говорят, при Фарсале и Филиппах, а те, кто не погиб тогда, пострадали за реальные или мнимые преступления при последующих императорах. Поэтому совершенно необходимым шагом, который Маэса должен был предпринять в этой политике союза, было найти самую влиятельную брачную женщину в Риме и поставить ее на место, которое занимала Аквиллия Севера, подвергая опасности всех заинтересованных лиц. Дама появилась как будто чудом. Среди других лиц, не одобрявших действия Антонина, были два сенатора Силий Мессала и Помпоний Басс, о которых уже упоминалось, что они были замешаны в заговоре с целью свержения императора. Оба они уже много лет были важными людьми. Помпоний Басс был консулом при Септимии Севере и наместником Мизии при Каракалле. В сущности, они были настолько важны в своей собственной оценке, что ничто не ограничивало их амбиций. Они уже успели сместить императора Юлиана и избрать Септимия, и, подобно великому графу Уорику из XV века, они были не прочь снова собрать свои головы вместе, чтобы избавить государство от того, кого они считали *неспособным к власти (incapax imperii)*.

Мамаеа как раз и нужна была такая работа. По другим причинам Маэса была не против заговора. Господа устроили тайный суд, чтобы изучить действия императора, и, предположительно, признали его *недееспособным*, а потому принялись за работу по развращению гвардии обычным способом.

К несчастью для Антонина, печально известная система донощиков, которая процветала и была так полезна при прежних императорах (при его отце Каракалле, если не углубляться в пример), рассматривалась его собственным правительством как суровая и предосудительная, совершенно нетерпимая практика в хорошем и устоявшемся государстве. Поэтому Антонин отказался разрешить делателям помогать правительству. В таком случае он должен был сам задержать всех известных предателей. Мессала и Басс были известны как таковые; они всегда были опасными людьми. Тем не менее Антонин оставил их на свободе. Правда, как рассказывает Лампридий, он послал за Силием Мессалой и, возможно, также за Помпонием Бассом, чтобы они прибыли к нему в Никомидию, поскольку считал, что безопаснее держать этих господ при себе на Востоке, чем позволить их языкам свободно болтаться в Риме до того, как он продиктует сенату и народу свои условия правления. Вернувшись в Рим, эти люди, очевидно, свободно

замышляли привычные дела, пока не приблизились к слишком большому числу солдат, после чего были осуждены сенатом и отправлены в другие полезные сферы, или, как они сами бы выразились, в бесконечное небытие, где отсутствие всякой энергии не могло принести ни добра, ни зла. Установить точную дату этой казни совершенно невозможно. Существует тенденция относить ее к началу царствования, *то есть* к началу 219 года, когда суд находился в Никомидии; это основано на очень слабом доказательстве того, что их имена фигурируют в списке Диона о тех, кто был казнен во время царствования, который был опубликован среди актов первой зимы. Однако не было показано никаких причин для заговора с целью свержения и убийства императора в этот день; действительно, до религиозной ошибки в 221 году такой заговор был бы совершенно невозможен, хотя есть много свидетельств о различных попытках 221 и 222 годов, одной из которых почти наверняка был этот заговор. По мнению Диона, казнь явно была связана с третьим браком Антонины. Он говорит, что истинная причина, как все знали, заключалась в том, что император хотел сыграть Давида с Урией Басса, а Анния Фаустина взяла на себя заезженную роль Вирсавии.

Но это глупая история. Антонин был женат на женщине по собственному выбору и уж точно не хотел подругу своей бабушки, хотя в угоду этой связи он взял Аннию почти сразу после смерти ее мужа. Это опять же единственное возможное объяснение фразы Диона о том, что "это бесчеловечное чудовище (*то есть* Антонин) не позволило бы Аннии Фаустине испортить свою красоту плачем по ушедшему мужу", - истории, либо адаптированной из аналогичной лжи о Каракалле и его матери, либо призванной сделать честь работе бессовестного предателя Помпония. Совершенно верно, что Маэса нашла достаточно средств, чтобы осушить слезы, которые обычные приличия извлекли из леди Аннии; но, как оказалось, никто так не стремился, как этот отпрыск императорского дома Коммода, жениться на нынешней Антонине, несмотря на все эпитеты его родственников, а через них и на то, что позднейшие комментаторы нашли сказать против мальчика.

Анния Фаустина была единственной женой Антонина, которая не приняла титул Юлии; предположительно потому, что она была единственной дамой, имевшей собственное имя по рождению. Ее генеалогия неясна, по крайней мере, со стороны матери. Все сходятся во мнении, что она была правнучкой императора Марка Аврелия через его четвертую дочь Аррию Фадиллу. Эта дама вышла замуж за некоего Кн. Клавдия Севера, чей сын Ти. Клавдий Северус был отцом Аннии. Власти расходятся во мнениях относительно жены Тита. Полли не упоминает ни одного брака, полагая, что все они носят предположительный характер; Рамзи, основываясь на надписи, найденной во Фригии, предполагает, что он женился на троюродной сестре, одной из семьи Корнифиция. Тристран утверждает, что это была еще одна двоюродная сестра, Аурелия Сабина. Генеалогия Эккеля слишком туманна, чтобы быть полезной, хотя он также прослеживает происхождение жены Тита от Луциллы, еще одной родственницы. Однако главное утверждение во всех случаях одинаково: Анния происходила с обеих сторон от императорского дома Коммода, если только похождения младшей жены императора Марка Аврелия не делали более вероятным, что за рождение ее детей ответственен какой-нибудь похотливый солдат или гладиатор, а не ее муж-философ. Как бы то ни было, Аррия Фадилла вместе с остальными членами семьи стала императорским ребенком, и ее потомки пользовались ее поклонением и славой.

Как обычно, нам говорят, что Анния была молода и красива, но ни одно из этих утверждений не подтверждается сохранившимися монетами; судя по ним, можно предположить, что ей было от сорока до сорока пяти лет на момент ее брака с Антонином. Экхель определенно утверждает, что в тот период ей было тридцать восемь лет. Поули не берется назвать ни дату

ее рождения, ни дату смерти. Поэтому очень неразумно утверждать, как это делают биографы, то, что ни портреты, ни авторитеты никак не подтвердят.

Как и в случае с ее возрастом, так и в случае с ее жизнью: Слова, поступки и политические устремления Аннии нам совершенно неизвестны. Очевидно, что, придя в политический момент ошибки Антонина и заключив союз со старой знатью, который был нужен Маесе в качестве поддержки, Анния была другом партии Александра в государстве. Как таковая, она должна была досаждала императору и его друзьям. Безусловно, судя по рассказам Лампридия, муж был угрюм, недоверчив и вообще несчастен в течение всего этого периода, что не предполагает супружеского счастья.

Нет никаких упоминаний о том, что Анния принимала какое-то особое участие за или против своего мужа в сети предательских попыток, которые постоянно предпринимала его семья. Мы даже не знаем, как был расторгнут брак. Естественно предположить, что он развелся с Аннией, как развелся с Корнелией и Аквиллией, хотя в отсутствие обычных упреков в его непостоянстве или каких-либо намеков на нечестную игру можно предположить, что она умерла - допустимо, но не очень вероятно. Антонин, очевидно, взял ее в рамках схемы своей бабушки и избавился от нее, когда попытался избавиться от Александра, отказавшись от усыновления. Дион сообщает, что затем он взял в жены двух безымянных женщин и в конце концов вернулся к Аквиллии Севере. Первая часть утверждения явно является вымыслом. Все, что Антонин или любой другой человек его темперамента хотел от жены, - это дружба и привязанность; это он, несомненно, имел в Аквиллии, с которой развелся только в качестве меры предосторожности, и которую он, конечно, вернул, как только смог избавиться от Аннии.

Конечно, развод с Аннией, действительно важной императорской дамой, был неприятным шагом; он оттолкнул бы от себя все высшее сословие, если бы он не смог объяснить причину перемены. Анния, с какой готовностью она ухватилась за возможность стать императрицей, конечно же, не собиралась участвовать в разводе - не то чтобы ее согласие было необходимо в такие свободные времена, когда разводы случались ежедневно даже в самых благополучных семьях. Цицерон развелся с женой, как нам сказали, потому что она не боготворила его; Цезарь - под тем предлогом, что она должна быть вне подозрений. Разумеется, для этого не требовалось совершать никакого фактического проступка, если только не считать таковым сиюминутную прихоть. Антонин воспользовался этим правом действовать по своей прихоти или, скорее, исходя из того, что дама была ненужным бременем, но это дорого ему обошлось: дама не была рождена для того, чтобы принимать подобные поношения с укором, даже если ее императорским родственникам нравилось такое отношение, что, мягко говоря, маловероятно.

Странные дамы могут быть проигнорированы. Дион утверждает, что они были женами, а не наложницами. Но время не позволяло проводить столько свадеб и разводов, а склонность императора, постоянно возвращавшегося к Аквиллии, не позволила бы ему попробовать столько других. Дион рассказывает, что Антонин женился на этой весталке еще до того, как был запущен последний и роковой заговор; это утверждение подтверждается некоторыми александрийскими монетами, выпущенными после 29 августа 221 года. Насколько мы можем судить, этот поступок был более безумным, чем его первая ошибка. Если допустить, что Антонин знал, что его первая ошибка, когда он взял в жены монахиню, возмутила народ, то невозможно представить, почему он взял ее снова, тем самым еще раз огорчив город. Это была самая необъяснимая ошибка, которая окончательно оттолкнула от него тех, кого он так недавно пытался умиловить. Возможно, в этом поступке была доброта, доброта к

женщине, которая так много отдала ради него. Доброта есть везде, и часто основа зла кроется в этой добродетели; безусловно, многие безумства можно отнести именно к ней.

Читая рассказ об этой эпохе, создается впечатление, будто присутствуешь при виде гигантского приюта, где обитатели были всесильны. От этой болезни безумия Рим мог бы выздороветь, если бы ее бред, который был в порядке, не перешел в размягчение мозга. Вплоть до столетия сохранялась надежда, поскольку вина была осознанной; лишь когда вина превратилась в невежество, Рим исчез.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА IX ПСИХОЛОГИЯ ИМПЕРАТОРА ЭЛАГАБАЛА

"Я бы никогда не написал жизнь Антонина Импуриссимуса, - говорил Лампридий, - если бы не то, что у него были предшественники". Даже на латыни эта задача была трудной. На английском языке это было бы невозможно, по крайней мере, жизнь Лампридия. Есть темы, которые допускают намек, особенно если он замаскирован до зубов, но есть и такие, которые не может задрапировать никакое искусство, даже свободное использование латинских субстантивов. Поэтому наша задача - разобраться, скорее, с их грехами упущения, чем с преступлениями биографов против всех канонов хорошего вкуса при записи невыразимого. В своем труде о цезарях Суетоний показал эксцентричность просто, не добавляя никаких описательных плакатов; в этом заключалось преимущество Суетония; он умел описывать, а в наше время писатель не может, по крайней мере не может описать характер Элагабала, которым мы обладаем. Дело не в том, что он был развратен, ибо все его дома были такими; дело в том, что, как и многие современные люди, он сделал разврат своей целью, а эгида пурпура вывела истории за пределы мыслимого, не говоря уже о том, что за пределы реального. Если бы мы приняли на веру свидетельства его клеветников христианской эпохи, то узнали бы, что "у ног этого нарисованного мальчика Элефантис и Паррасий могли бы сидеть и учить уроки", что "если не считать этой фазы его власти, он был маленьким Сарданапалом, азиатским Миньоном, который нашел себя великим". Конечно, было бы любопытно увидеть его в этом чудесном дворце, одетого, как персидская царица, настаивающего на том, чтобы к нему обращались как к Imperatrix, и вполне оправдывающего этот титул. Это было бы не только интересно, но и дало бы представление о том, как много видел Рим и как много он мог вынести.

Сам Лампридий однажды вздохнул, заметив, что не может ручаться за правдивость историй, которые он переносит на бумагу, но он был занят тем, чтобы показать контраст между "отвратительным суеверием" Константина, как его описывает Тацит, и суевериями древнего мира, поэтому продолжил записывать вещи еще более невозможные. Возможно, его замечание было излишним. Его запись победила сама себя. Он дошел до потомков как биограф, чей противоречивый сборник скандальных перечислений становится скорее монотонным, чем забавным, по мере того как он все глубже погружается в трясину. Веками мир тайно наслаждался этими записями, не предпринимая никаких попыток докопаться до истины, возможно, потому, что втайне людям нравится верить, что их предшественники были более бесчеловечно злыми, чем они сами. Не то чтобы в свете современной науки любой

врач считал Элагабала бесчеловечно злым, скорее он был бы склонен применить этот термин к человеку, родившемуся слепым или с пятнами проказы в организме; на самом деле даже сама злоба была описана как "миф, придуманный хорошими людьми, чтобы объяснить любопытную привлекательность тех, кто им не нравится". Большая часть неприязни, которую люди проявляли к этому императору и его недостаткам, объясняется тем, что он был психосексуально ненормальным и обладал гением эстетическим и религиозным, который его историки хотели бы осудить. Он был явно ненормальным, даже в эпоху, породившую таких ненормальных, как Нерон, Тиберий, Коммод и Адриан; более того, он был откровенно ненормальным, а в наши дни мы лучше знаем, чем быть откровенными в чем-либо.

С начала существования мира никто не был полностью злым, никто не был полностью добрым. Правда об Элагабале должна лежать между этими двумя крайностями, допуская, однако, врожденный уклон в сторону дурных наклонностей его эпохи. У него были привычки, которые ученые считают не столько пороками, сколько извращениями, но которые в то время воспринимались как нечто само собой разумеющееся. В то время добродетельными считались люди храбрые, честные, справедливые; а этот мальчик, несмотря на наследственную испорченность, демонстрировал больше, чем просто черточки этих добродетелей. Идея использовать выражение "добродетельный" в его позднейшем смысле возникла если и в шутку, то только как синоним евнуха. Именно матроны и весталки считались добродетельными, и их добродетель часто была мнимой.

Церемонии, связанные с фаллосом, и те, что соблюдались в городских ритуалах, были такого рода, что выдержать их могли только немощные. Действительно, символ человеческой жизни был тогда вездесущ. Философу Иамблиху есть что сказать по этому поводу, как и Арнобию и Лактанцию. Если Ювенал, Марциал и Петроний более сдержанны, то это потому, что они не были ни отцами церкви, ни антикварами. Этот символ изображался на монетах, над печами пекарей; в качестве оберега от зависти он висел на шеях детей; весталки поклонялись ему; на свадьбах он использовался так, что нет нужды описывать. Это была религиозная эмблема, и в таком виде она стала главным символом в воспитании мальчика, который теперь стал правителем мира. По рождению сириец, по профессии верховный жрец Солнца, чьи почитатели поклонялись фаллосу как его символу, мог ли он, главный выразитель, остаться холодным, не проявлять интереса к тому, что было всепоглощающей темой? Кроме того, семья была испорчена присутствием в ее жилах живого огня, порожденного вечным жаром солнца. Вспомните историю его отношений, и никто не удивится, что он был сладострастен от природы. Но мир возражал не против его сладострастия, а против ненормального состояния его разума, потому что в теле мужчины жила душа со всеми естественными страстями женщины. Он был тем, кого мир называл психосексуальным гермафродитом.

Он был привлекателен и очень грациозен; его светлые волосы блестели на солнце, как золото; он был стройным и обладал великолепными голубыми глазами, которые, в свою очередь, были наделены способностью привлекать всех зрителей к его поклонению; и он знал свою власть над людьми; он впервые осознал это, когда легионеры стекались в храм в Эмесе, привлеченные сообщениями об этом прекрасном принце. Он был тогда в возрасте зарождающейся мужественности, и женский инстинкт, как никакая внешняя сила, внушил ему, что мужественность и сила - самые прекрасные вещи в мире; его религия, окружение и воспитание ничего не говорили ему о сдерживании совершенно естественной, возможно, даже наследственной страсти, проявление которой настолько привязало его к солдатам, что они немедленно возвели его на трон мира. Как император он имел все желания и не был

вынужден воздерживаться от удовлетворения тяги к изучению и преувеличению той стремительной, яркой, бурной эпохи, когда то, чего желал Милль в своем "Эссе о свободе", было доступно августейшим особам: "Не было сдерживания роста личности, не было измельчения людей, чтобы соответствовать среднему уровню". Не то чтобы кто-то обвинял Элагабала в том, что он был средним. Его нельзя назвать посредственностью. Возможно, его жизнь и привычки были не теми, к которым пристрастился мужественный римский мир, несмотря на то, что Адриан обожествил в Антиное не юношу, а похоть, поклонение которой, как отметил Тертуллиан полвека спустя, все еще было популярно; с тех пор христианские диатрибы всех видов были направлены против язычников декаданса только потому, что их атриумы роняли не кровь, а метафизику.

Если бы было позволено рассмотреть экстравагантности Элагабала в печати, мы бы сразу поняли, что это те, которые свойственны (в большей или меньшей степени) всем животным в возрасте половой зрелости, когда инстинкт не связывает развивающиеся способности с каким-то особым человеком или вещью, но в данном случае они преувеличены чертами его наследственности и окружения. Какой характер мы могли бы ожидать сегодня от дитяти природы, если бы он был безгранично свободен и богат сверх всякой меры, не говоря уже об обладании врожденным извращенным инстинктом? Чем больше мы изучаем записи, тем яснее становится, что действия Элагабала - это действия невероятно щедрого человека, инстинктивно доверчивого, открытого и ласкового, представляющего собой огромный контраст, как в своих удовольствиях, так и в своих наказаниях, с предшественниками и преемниками, которые принимали новые суеверия за прогресс в развитии мира. Его пример терпимости к чужим мнениям и нежелание наказывать тех, кто выступал против него, должны были заставить людей ожидать от его мужественности великих свершений. Он один из всех императоров может с гордостью похвастаться тем, что ни одно убийство в политических или корыстных целях не может быть поставлено ему в вину. Было несколько казней среди приверженцев Макрина, вызванных попытками отнять корону у нового императора; но, несмотря на серьезные провокации, его амнистия сенату и Риму за их участие в узурпации Макрина и его сына была неукоснительно соблюдена. В религиозных вопросах - его особой сфере - никто не может сказать, что он был апатичен, и, тем не менее, нет ни одного случая преследования, зафиксированного даже отцами Церкви. Вся его жизнь была посвящена внедрению фантастического восточного монотеизма, призванного уничтожить политеистический атеизм, который пронизывал римское общество. Несомненно, противодействие и ожесточение вызвали бы протесты, если бы император не проявил несвойственную его годам умеренность, если бы он не оказал сдерживающее влияние на толпу, которая, как свидетельствуют более поздние записи, все еще жаждала крови иудаистов. В одном, однако, нам говорят, что Элагабал был свиреп, а именно в противоречии своим удовольствиям, ни одно из которых, по справедливости, не могло повлиять на внешний мир. Его можно было вести за собой; конечно, его нельзя было вести; какой Антонин смог бы? Его воспитатель Ганнис понял это слишком поздно и пострадал за свою ошибку.

С удивительной непоследовательностью Лампридий приписывает всю умеренность Элагабала его бабке Маесе, а все его излишества - его собственной вине, тогда как психологи могут показать на множестве подобных случаев, что и его достоинства, и излишества - это то, что обычно проявляется у людей его темперамента, и, во всяком случае, его отношения были ответственны за отсутствие его раннего воспитания и необщение с здравомыслящими, здоровыми людьми.

Несомненно, влияние Маэсы в исполнительном правительстве было отягчающим фактором; но, учитывая состояние автономии, которого достиг аппарат, и большое влияние, оказываемое фаворитами, нельзя сказать, что она была верховной; более того, не раз мы видим, как четырнадцатилетний мальчик упорно сопротивляется ее влиянию, особенно после того, как она обманом заставила его назначить Алексиана своим коадьютором в империи. Жалко было смотреть на попытки старой дамы сохранить свое положение, но ей удалось это сделать, лишь подговорив войска взбунтоваться и убить внука. Ни одна из сторон не может похвастаться особыми достоинствами, но Элагабал, очевидно, считал отношения нудными, а их влияние, как и наркотики, лучше принимать в небольших количествах.

Беглое изучение авторитетов в области психологии, таких как Крафт-Эбинг, Блох, Форель, Молль и т. д., покажет нам, что персонажи, подобные Элагабалу, время от времени появлялись и до сих пор известны в истории. Они почти диковинки природы, редко, если вообще когда-либо, ответственны за свои инстинкты, не жестоки и не злы по своей природе.

Сегодня мы склонны рассматривать романтическую дружбу, показанную в историях о Давиде и Ионафане, Геракле и Гиласе, Аполлоне и Гиацинте, не говоря уже о других, как результат несколько схожих натур, и мы осуждаем некоторых из самых благородных патриотов, тираноборцев, законоучителей, и героев в ранние века Греции, потому что они считали узы мужской дружбы выше и благороднее того, что они называли чувственной любовью к женщине, или потому, что они принимали друзей и товарищей с особым почетом из-за их стойкости в дружбе. Тем не менее, психологи отмечают, что эта тенденция к более возвышенным формам гомосексуального чувства все еще встречается, в большей или меньшей степени развитая, среди религиозных лидеров и других людей с сильными этическими инстинктами. Поэтому только когда эта тенденция проявляется в слегка ненормальных умах, мы возбуждаем страсти против мужчин, которых наше воображение заклеило как развращенных преступников, мужчин, для которых единственной подходящей наградой является применение кола и пидора, без дальнейших расспросов.

Для вульгарного ума все люди с уродствами, физическими или психическими, являются предметом насмешек и ненависти; для тех же, кто понимает, что такое инвалидность, которой страдают эти несчастные, они являются объектами активного или пассивного сочувствия, - разумеется, в абстрактном смысле; если на нашем пути встает безумец, прокаженный или даже гениальный человек, мы, как нормальные люди, считаем себя вправе избавить мир от его помехи. Таким образом, инстинкт страха, а не справедливости, побуждает нас использовать коллективную силу среднего, преувеличивая ненормальность немногих; но это не высокий и не благородный инстинкт, этот страх, который на протяжении многих веков вел людей через трясину жестокости, суеверий и обмана; и именно из-за отсутствия справедливости память об Элагабале долгое время страдала. Ему не приписывали милосердие, которое он проявлял, хотя абсурдное обвинение в жестокости было выдвинуто на том основании, что он иногда обедал в цирке во время игр; его биограф необоснованно предположил, что это делалось только тогда, когда нужно было казнить преступников. Еще одно абсурдное обвинение в жестокости было выдвинуто из-за страсти Антонина к цветам, которых, по словам Лампридия, с панелей в потолке падала такая масса, что многие были задушены; явное преувеличение, если только гости не были паралитиками или суицидальными лунатиками, и, поскольку даже в рассказе автора не упоминается о принуждении этих джентльменов к смерти, он, похоже, предлагает вынести вердикт о смерти от несчастного случая, а не от замысла, каким бы эстетичным он ни был.

В пирах Элагабала не было ничего зловещего, ничего в стиле маленьких званых вечеров Домициана, где все было меланическим, стены, потолки, белье, рабы; вечеринки, на которые в конце концов приглашали всех, кого стоило знать, и, как обычно на государственных функциях, все, кого приглашали, приходили, чтобы найти за отведенной им кушеткой сломанную колонну с надписью слишком знакомого имени, а Домициан очень остроумно рассказывал о проскрипциях и старостах, которых он назначил для каждого.

Калигула и Вителлий славились как хозяева, но пиры, которые давал Элагабал, превосходили их по великолепию. Его гости, конечно, страдали от его страсти к дразнилкам, и обедать с императором в таком настроении было отнюдь не сибаритским удовольствием. Он мог подать вам восковую дичь и сладости из хрусталя, аналогичные тем, что ел сам, и ожидать явных признаков удовольствия, пока вы пытались раскусить это представление; он усаживал вас на воздушные подушки и незаметно сдувал их, наслаждаясь вашим дискомфортом; Но когда все это заканчивалось, вам подавали верблюжьи пятки, тарелки с языками соловьев, мозги страусов (по шестьсот штук за раз), приготовленные под соусом гарум, который изобрели сибариты и секрет которого утерян. Здесь были горох и золотые зерна, бобы и янтарь, перепела, припудренные жемчужной пылью, чечевица и рубины, пауки в желе, фиговые клешни, поданные в тесте. Гостей, которых одолевало вино, уносили в спальни; когда они просыпались, на них смотрели тигры и леопарды - конечно, прирученные, но некоторые гости были настолько глупы, что не знали этого и умирали от испуга. Может быть, и неприятно, когда тебя обещают восхитительные сирены, а ты остаешься на ночь с пожилым эфиопом, но это не жестоко и не унижительно, по крайней мере с точки зрения юмориста, что доказывал смех императора при виде твоего отвратительного лица, когда он выпускал тебя утром. Если вы не любили воду, то роль водяного Иксиона, привязанного к вращающемуся колесу для услады глаз императора, не могла быть приятной; но если вы подчинялись этому, то были уверены в награде, более щедрой, чем все, на что вы рассчитывали. Лампридий сообщает, что ни один гость не уходил от императора с пустыми руками. После ужина он давал вам золотые и серебряные тарелки, с которых вы ели, или заставлял вас тянуть жребий, чтобы получить приз, который варьировался отдохлой собаки до половины его дневного дохода. Элагабал не видел добродетели в том, чтобы отсылать людей в стиле Домициана с головой под мышкой, - это была слишком условная поза христианского мученика.

Описание сексуального состояния Цезаря можно с равной справедливостью применить и к семнадцатилетнему юноше. Он был женщиной для всех мужчин и мужчиной для всех женщин, по крайней мере, если судить по количеству жен, на которых он женился за свое короткое правление, длившееся менее четырех лет. Согласно Диону Кассию, их было шесть. Три из них были известными женщинами, одна - весталкой, от которой он хотел произвести на свет полубога. Остальные лишь упоминаются, их имена совершенно неизвестны. Однако ни от одной из них у него не было потомства, что, возможно, и хорошо, поскольку он часто замечал, что если у него будут дети, то он воспитает их в соответствии со своим образом жизни, со своими взглядами на жизнь, и мир вряд ли смог бы выдержать наследника с его ненормальным темпераментом. Насколько его браки были настоящими браками, мы не знаем, но факт его прохождения через церемонию предполагает, что заявления Лампридия и Зонары о том, что он был посвящен в жрецы Кибелы (в полном смысле), являются преувеличением, а также что операция, которая сделала бы его женщиной как внешне, так и по чувствам и привязанностям, никогда не происходила; действительно, это невозможно как по физиологическим, так и по психологическим причинам.

Несмотря на все эти браки, единственным романом в жизни этого юноши был роман со светловолосым колесничим Иероклом. Его личность несколько запутана, хотя Дион Кассий утверждает, что он был карийским рабом, по профессии возница колесницы. Этот парень обрел свою судьбу благодаря случайности. Однажды он был сброшен с колесницы прямо на императорский пульвинар и потерял свой шлем. Там находился Элагабал, который сразу же отметил идеальный профиль и вьющиеся волосы атлета. Он приказал перевести его во дворец, где из-за сходства вкусов близость вскоре переросла в любовь, а та, по словам Ксифилина, в брачный контракт.

Иерокл, должно быть, был лучшим и, несомненно, самым могущественным из той армии подхалимов и куртизанок, которая всегда заполняла римский двор. Мы не имеем жалоб на его власть, хотя Лампридий говорит, что его власть превышала власть самого императора. Во время первого мятежа его вместе с другими потребовали изгнать, но ему сразу же разрешили вернуться, несмотря на то, что Элагабал подумывал присвоить ему императорский титул. Он был хорошим сыном и в своем расцвете ничуть не стыдился своей матери. Он открыто выкупил ее у хозяев и послал роту преторианской гвардии привезти ее в Рим, где поместил среди женщин, чьи мужья были консулами. Судя по всему, он гордился не только своим положением, но и любовью императора к нему, что хорошо иллюстрирует история смиренного Зотика, рассказанная Ксифилином и Зонарой. Они рассказывают, как он дал юноше снадобье, сделавшее его бесполезным императора в первую же ночь, и таким образом добился его изгнания из дворца, хотя, вероятно, история об опале Зотика из-за его вероломства и продажности (версия Лампридия) содержит столько же правды, сколько и любая другая. Конечно, у Иерокла не было никаких оснований для страха; привязанность Элагабала была слишком женской, слишком глубоко укоренившейся, чтобы просто дразнить мужчину, из рук которого, как и многие другие женщины в истории, он был более чем готов принять издевательства и удары, лишь бы они были признаками ревности или доказательствами привязанности.

Конечно, были и другие. Элагабал, о котором рассказывает Лампридий, был второй Мессалиной по разнообразию своих вкусов и частоте посещений различных лупанаров города, и, как и эта императрица, он оценивал свою привлекательность по количеству золота, которое мог унести домой после таких походов. Он культивировал людей, которые могли рассуждать о специях, которыми Тиберий освежал свой измученный ум и ослабленный организм, и очень ценил тех, кто мог изобрести новые соусы или другие виды сибаритских удовольствий. Ко всем таким он относился с почтением, дразнил их и возбуждал, правда, но баловал и кормил их (иногда исключительно их собственными изобретениями, пока они не могли создать что-то более вкусное), заваливал подарками, почестями, должностями, достоинствами, пока они не усвоили, что условием совершенства является праздность, а целью совершенства - молодость. Можно представить себе ярость соискателей законных должностей, когда они видели, что эти дети удовольствий предпочитают их.

При обсуждении его психологии нельзя не упомянуть о любви Элагабала к цвету. Для римлянина белый цвет в его чистоте и простоте был вершиной эстетического вкуса, хотя обилие пурпурных кайм, смешение алого и золотого показывали его родство с детьми юга. Сирия, да и весь Восток в целом, любили те яркие краски, которые разбавляют засушливость земли; Элагабал, выдававший себя за эстета своего времени, раздражал римский мир своей любовью к пурпуру и шелковым одеждам с оттенками, своей страстью к зеленому, во всех его известных оттенках, и к пирам, на которых все было в глубокой лазури безоблачного

неба. Сегодня мы все еще культивируем цветовые схемы без особых враждебных комментариев, так как философу нужно, чтобы обнаружить их глупость, а человеку, склонному к аморальности, - их порочность и вырождение.

Нам говорят, что вопиющие обсуждения его развлечений заставляли краснеть здравомыслящих людей, вызывая окончательную тошноту от его вкусов и мнений. Но это могли быть лишь те немногие, кого он имел возможность отвратить; большинство слышало то же самое раньше и не проявляло желания быть шокированным. Другие императоры были столь же откровенны, пусть и к их порицанию, как и к его, но другие императоры не были столь добросердечны, столь исполнены милосердия, не думающего о плохом. Учув оппозицию, они сразу же устраняли причину; Элагабал же позволил ей расти и крепнуть, пока она не поглотила его.

Возможно, как говорит Лампридий, его женоподобность вызвала отвращение у мужественного римского мира. Это был порок, столь же предосудительный тогда, как и сейчас. Гений греческой и римской дружбы был направлен против слабой мягкости семитских рас. Греческая любовь была направлена на то, чтобы "укрепить мужество, воспитать презрение к смерти, победить сладостное стремление к жизни, очеловечить жестокость, к которой силы почти так же почтительны, как к культу бессмертных богов", - говорит Валерий Максим в своем трактате *De amicitiae vinculo*. Было бы неудивительно, если бы вся масса здравомыслящих людей отвернулась от изображения Лампридием этого маленького нарисованного королевича семнадцати лет, который никогда не проявлял в себе никаких черт мужественности, за исключением тех случаев, когда он находился на судейском месте. Если бы он был изображен полностью женщиной или полностью мужчиной, мы могли бы его понять, но за эту странную примесь даже врачи не в состоянии объяснить, почти понять. У него были хорошие качества, и их было предостаточно, но над всеми ними, как страшный морок, висело это органическое поражение чувств, страстей и общего мировоззрения. К сожалению, этот порок женственности до сих пор существует в мире в определенной степени, особенно среди религиозных людей. Гулик считает, что причина, по которой только 7 процентов молодых мужчин посещают христианские церкви, заключается в том, что требуемые качества - женские, а не мужественные, такие как пассивная любовь, пассивное страдание, отдых, молитва, доверие; в то время как конфуцианство и магометанство привлекают мужчин, потому что требуются мужественные качества, а место для женщин невелико. Такие религии предъявляют даже более высокие, чем индивидуальные, требования к добродетелям мужество, выносливость, самообладание, храбрость, верность и энтузиазм. Гулик также говорит, что трудоспособный мальчик, которому не хватает смелости сражаться, как правило, молокосос или подлец, лишенный высокого чувства чести.

В этом воплощении качеств, требуемых от мужчин, мы видим истинные основания, по которым мир инстинктивно осудил Элагабала, хотя, возможно, и не совсем понимая, почему он это сделал. Это потому, что им сказали, что он обладал добродетелями, а также умом женщины, причем сладострастной женщины, и не имел ничего из того, что мир ожидает найти в мужчине-животном. Его правление было коротким, поэтому он не оставил следов своего ума в Империи, а то немного, что он успел сделать, было отменено его преемником. Его правление, отличавшееся расточительностью, не вызвало ни одного нового налога; его управление городом и провинциями было мирным и гармоничным. Позорная система донощиков, от которой так страдала аристократия и плутократия Рима вплоть до смерти Каракаллы, так и не была восстановлена Элагабалом, несмотря на то, что его правление не раз подрывалось существующими аристократами. Народ был сувереном, и было важно,

чтобы этого суверена развлекали, лестили и кормили. Делалось все то, что раньше делали полубоги, и все это с преувеличением, не имеющим себе равных. Его игры в цирке были таковы, что даже Лампридий признает, что народ считает его достойным императором, потому что он был наделен чувством величия императорского положения и выражал его своими дивными расточительствами. Они сделали его тем, кем он был и остался в истории - императором экстравагантности. При нем сияние пурпура достигло своего апогея. Рим наблюдал за крещендо, которое нарастало с веками. Его кульминация пришлась на этого гермафродита. Но напряжение было слишком велико даже для солидарности императорского Рима; словно сорвалась пружина, и век анархии, как военной, так и религиозной, сделал все остальное: подорвал государство, пока императоры, чей скипетр пронзил и богов, и небо, не стали чуть лучше процессии разбойников, разукрашенных и нарядных, но совершенно лишенных той силы и мужественности, которые необходимы для настоящего правления во всем мире.

Так Рим освободил место для Аттилы, бича, посланного Богом для окончательного уничтожения искусства и философии, а заодно и для возрождения мира под его средневековым обликом.

ГЛАВА X

ЭКСТРАВАГАНТНОСТЬ ИМПЕРАТОРА ЭЛАГАБАЛА

Рим Элагабала был мечтой, пылающей золотом, "городом триумфальных арок, очарованных храмов, царских жилищ, огромных портиков и широких гостеприимных улиц; Римом чисто греческим по замыслу и дизайну". В его сердце, от Цирка Максимуса до края Форума, все еще сияли остатки гигантского дворца Нерона, перед которым тянулись колонны длиной в милю; дворец был настолько прекрасен, что даже подвалы были расписаны фресками. В банях из порфира и античного дерева можно было по желанию принимать холодные или серные воды, и Элагабал открыл их для всех, чьи формы его устраивали, - и для мужчин, и для женщин" (обычай смешанных купаний, который был отменен Адрианом и вновь запрещен Александром Севером). "В обеденных залах были потолки из слоновой кости, с которых падали цветы, и бордюры, которые менялись при каждой службе. Стены были оживлены блеском драгоценных камней, мрамора, более редкого, чем драгоценные камни. В одном из залов был купол из сапфира, пол из малахита, хрустальные колонны и стены из красного золота; вокруг дворца зеленели саванны, простирались леса, слышались крики птиц и оленей; перед ним озеро, восемь акров которого Веспасиан осушил и заменил амфитеатром, который до сих пор является чудом света".

В это изобилие эстетического великолепия юноша четырнадцати лет гордо вступил, понимая, насколько подходящим фоном оно является для его великолепной красоты. Это было творение Нерона, и вот молодой Нерон (по лицу и манерам) внезапно появился вновь, чтобы насладиться тем, что ему пришлось преждевременно покинуть.

Несмотря ни на что, Нерон по-прежнему оставался кумиром масс. Годами на его могиле лежали свежие розы, память о его празднествах была незабываема, сожаление о нем не утихало; он был больше чем бог, он был традицией, и его второго пришествия ждали с уверенностью. Египтяне провозглашали, что у души есть свои аватары; римляне в своей философской манере насмехались над всеми идеями переселения душ, пока Элагабал не вышел из далекой Эмесы, Антонин во главе обожаемой армии; тогда они начали думать, что

египтяне мудрее, чем казались, потому что в голубых глазах молодого императора сиял дух великолепия Нерона.

Все люди были очарованы: сенат - своим Аврелием, народ - своим Нероном, армия - своим Антонином. Конечно, в изобилии Элагабалу суждено было соперничать со своим прототипом. Его расточительность была более чрезмерной, его миньоны - более вопиющими, его жены - более многочисленными, а его процессии - более пышными. Лишь в жестокости (в чем никто не может усомниться) сходство было неудачным. Нерон пожалел, что не умеет писать, когда ему впервые вручили на подпись смертный приговор; он вписал свое имя и вскоре почувствовал вкус к крови. Элагабал до конца жизни плакал при виде страданий, нищеты и несчастий; а поскольку он никогда не избегал их, то, должно быть, плакал часто. Любимым его занятием, по словам Геродиана, было бродить переодетым по городским улицам; иногда он служил горшечником в тавернах, или помощником цирюльника в трущобах, или странствующим торговцем овощами и духами на улицах; эти выходы приобретают в устах историков самый предосудительный привкус после того, как император задумал взять мир в свои руки и заказал картины с изображением себя в плебейских одеждах, о которых говорилось выше. Как бы то ни было, Элагабал пытался облегчить страдания, что было более практично, чем слезы, хотя и было необычной экстравагантностью среди императоров эпохи упадка.

Мальчик с самого младенчества превозносил экстравагантность. Даже будучи частным лицом, он отказывался двигаться без процессии из шестидесяти колесниц, и этот недостаток заставил Маэсу скрежетать зубами, вместо того чтобы принять меры, которые предотвратили бы повторение подобной похабухи. Он никогда даже не думал об аскетизме, простоте и бедности как о необходимом зле, не говоря уже о христианских добродетелях, которые нужно переносить со стойкостью и воздержанием. Однажды, когда друг спросил его, не боится ли он, что его расточительность приведет его к крайней нужде, он ответил с поразительным самодовольством: "Что может быть лучше для меня, чем быть наследником самого себя". Как и многие современные дети, он возражал против шерстяной одежды, и его родители были достаточно глупы, чтобы уступить его капризам; по его словам, ему не нравилась шерсть на ощупь. Еще одно предубеждение касалось выстиранного белья. Он был так изыскан, что никогда не использовал одну и ту же одежду, одни и те же драгоценности, одну и ту же женщину дважды (если только это не была его жена), говорит Лампридий. Но в Риме шерсть была необходима; Рим никогда не был здоровым. Маэса знала это на собственном опыте, но была готова искушать провидение, возвращаясь туда. Трамонтана посещала его тогда, как и сейчас; лихорадка тоже, и внезапная смерть. Шерсть, конечно, была необходима; кроме того, это была привычная одежда страны, а Рим был крайне консервативен и не потерпел бы императора, приехавшего в одежде восточного варвара; мальчик тринадцати лет должен перенять одежду, привычки и обычаи своей страны, своего предполагаемого отца; так рассуждала бабушка, пока Элагабалу не надоело обсуждение, и он не сказал об этом госпоже. Кроме того, он придумал одежду, более великолепную и более причудливую, чем та, которую Рим мог найти за пределами Иерусалимского храма. Он придумал хрупкую тунику из пурпурного шелка, подбитую золотом, или еще более великолепное облачение, сотканное из чистого золота и усыпанное драгоценными камнями. Из всех виденных им одежд это подчеркивало его красоту и придавало достоинство его движениям. Рукава были длинными и полными, доходившими до пят, открытыми, чтобы показать округлую мягкость его девичьих рук; позолоченная кожа покрывала его ноги и доходила до бедер; она была мягче шерсти и, конечно, лучше подчеркивала его формы. Иногда после ужина он появлялся на публике в строгой далматике

молодого дьякона, называя себя Фабием Гургисом и Сципионом, потому что родители этих юношей раньше показывали их народу в таком наряде, чтобы исправить их дурные манеры.

Его локоны (но только во дворце) опоясывала диадема из тяжелого золота, усыпанная драгоценными камнями; не простой золотой циркуль, известный римскому миру, а персидский, впервые представленный Каракаллой, богатый, великолепный, сверкающий множеством рубинов, сапфиров и изумрудов, которые, по его мнению, ему подходили. К сожалению, на этом его пристрастие к драгоценным камням не закончилось. Лампридий и Геродиан с заслуженным презрением отзываются о многочисленных браслетах, кольцах и ожерельях, богатых и дорогих, какие только можно было сделать, которыми он украшал свою персону; Но, возможно, излишне презирать пряжки его обуви, камни которых, гравированные камеей и инталией, вызывали удивление у зрителей, и их крик был усилен доводя более поздними комментаторами, которые, кажется, считают неприличным, что обувь императора должна быть из тонкой кожи, его камни бесценны, в то время как их обувь была из плохо выделанной воловьей кожи, скрепленной пряжками из пасты.

Конечно, это не очень приятный вкус, эта чрезмерная демонстрация богатства на теле, даже если это делается только ради чести своего бога, как протестовал Элагабал. К сожалению, это все еще известно как в плутократическом, так и в сакердотальном мире. Некоторые умы все еще бунтуют, все еще видят его снобизм, тщеславие и вырождение, и даже достаточно глупы, чтобы вообразить, что личное тщеславие таких функционеров однажды откажется от того, что является их главным средством притяжения.

Любовь Элагабала к экстравагантности наиболее ярко проявилась в его ритуале поклонения. Никогда в истории Рима не было такого ежедневного расточительства жизни и спиртных напитков, такого изобилия красок и золота, цветов, музыки и движения, чтобы воздать честь Богу или человеку. Единственной идеей императора было затмить все, что представляли себе его предшественники. Превзойти Нерона в фантазии, Оттона и Вителлия в жадности было непосильной задачей; но он читал Суетония, и ни одна эксцентричность цезарей не ускользнула от его внимания. Он также знал, в чем их превзойти, и до сих пор живет репутацией выполненной работы.

Гекатомбы волов и бесчисленное количество овец, которые ежедневно приходили в храм Единого Бога, требовали совершенной армии мясников, чтобы их резня могла воздать должное Божеству, пока длится световой день. Все это, вместе с пряностями, вином и цветами, было лишь частью оплаты процентов, которые, по мнению первосвященника, его семья должна была выплатить Элагабалу за прошлые и нынешние успехи его дома, а его самым любимым титулом был тот, который называл его "Invictus Sacerdos, Dei Soli". Существует большое разнообразие его медалей, как отчеканенных сенатом, так и отчеканенных им самим, на которых описывается его священство. Главный жрец и непобедимый жрец Элагабала, или Солнца, обычно встречаются вокруг его изображения, которое стоит в жертвенной позе, с кадьницей в руке, над алтарем. Именно этому верховному невыразимому духу император доверился, ему он приписывал свое здоровье, богатство и безопасность, а также здоровье всей своей католической церкви, воинствующей здесь, на земле.

Прибыв в Рим в 219 году н. э., Элагабал решил исполнить похвальный обычай (для бедных) одаривать народ обычной конгирией. Если верить Медиобарбусу, за свое короткое четырехлетнее правление он дал шесть таких конгириев, помимо солдатских донатов (которыми он, к своему стыду и несчастью, по глупости пренебрег с течением времени). В наши дни подобные либеральности со стороны государя принимают форму бесплатных

обедов и ограниченного количества пива, но это приятные и удовлетворяющие методы траты государственных денег вкрадчивым образом. То, что давал Элагабал, было из частных средств его дома, и давал он это совершенно по-своему. Раньше в таких случаях принято было раздавать золото и серебро (Нерон, конечно, добавил эксцентричные подарки), но Элагабал озаменовал свое вступление в должность консула раздачей тучных быков, верблюдов, евнухов, рабов, седельных лошадей в чепраках, закрытых седанов и карет, надеясь, как он заметил, что все люди будут помнить, что это подарки императора; Как будто кто-то мог забыть, что его оседлали на дромадера, и он должен был безопасно провести его до своего двора по переполненным улицам города. Такие подарки часто доставляли больше хлопот, чем стоили, а толчея при раздаче была такой, какой она была бы сейчас, по крайней мере, по описанию Лампридия о тех ежегодных раздачах, которые последовали за переводом Великого бога в его храм в пригороде.

Временами Элагабал давал деньги; например, в честь его бракосочетания с Корнелией Паулой, когда, как рассказывает Геродиан, не только народ, но и сенаторы, эквиты и даже жены сенаторов получили по 150 динаров, а солдаты - по 250, предположительно, за их большую полезность.

Если бы мания величия этого мальчика ограничилась донатами и конгиариями, мы бы знали о нем только хорошее; к сожалению, он считал, что любить себя - это начало романа всей жизни, и тратил деньги так, как это было удобно его фантазии в данный момент, которая всегда была со вкусом к пышности.

Мы можем представить себе красоту его кушеток для отдыха, из чистого серебра, с богатой чеканкой, подушки обиты пурпуром, затканым чистым золотом. Целые сервизы из серебра для сервировки стола, очень массивные; даже кастрюли были из того же металла, а изящные вазы или кубки весом в 100 фунтов драгоценного металла за штуку, с самыми очевидными непристойностями, выгравированными или отчеканенными на боках; странно, что он получал удовольствие не столько от обладания всем этим великолепием, сколько от дарения его своим друзьям, причем настолько, что серебряных дел мастера едва поспевали за его щедростью. Это хорошее чувство - щедро дарить, лучше отдавать, чем получать, а то, что Элагабал получал взамен, стоило дарителю совсем немного боли.

К еде и питью император был пристрастен не меньше, чем традиционный городской олдермен, хотя его воображение, безусловно, превосходило воображение отставного торговца, по крайней мере, по качеству и дизайну. Главным авторитетом для него был Апиций, знаменитый автор книги под названием *De re coquinaria*, но у него были и другие образцы, почти столь же известные, если не столь долговечные, - императоры Отто и Вителлий, и он сумел превзойти их всех в экстравагантности. Лампридий утверждает, что ни один пир не обходился Элагабалу менее чем в 100 000 сестерций, а нередко доходил до потрясающей цифры в 300 000, *tout compris*. Современная роскошь достигла, если не превзошла, этого количества блюд, но для Лампридия двадцать два блюда звучали абсурдно; однако не так было с омовениями и куртизанками, которые всегда присутствовали и использовали перерывы неподобающим образом. Иногда эти перерывы затягивались, что было вызвано выносом целых сервизов с блюдами во владение какого-нибудь гостя, сказавшего нужную фразу в психологический момент. Другим средством отсрочки была введенная Элагабалом практика проведения каждого курса в доме разных друзей, что требовало переезда всей партии в золотых и слоновой кости колесницах с Капитолия на Палатин, оттуда на Коэльский холм, снова к другому другу, который мог жить за стенами, или к другому в Трастевере. На все это, с обычными принадлежностями, прибывающими в дом каждого за блюдами в своем порядке, уходило время, и в такой манере мы вполне можем

поверить летописцу, утверждающему, что ни один пир не заканчивался за день, тем более что перерывы между обычными удовольствиями устраивались с учетом крайних желаний гостей.

Очаровательно представить себе пиршество, подобное тому, что описано у Мецената, где "в неподпоясанных туниках гости лежали на серебряных ложах, обложив голову и шею амарантом, чей аромат, раскрывая поры, нейтрализует винные пары, обдуваемые мальчишками, чьи кудрявые волосы они использовали в качестве салфеток". Под присмотром дворецких блюда подавались на серебряных тарелках, таких больших, что они покрывали столы. Грудь свиноматки с ливийскими трюфелями; дремлющие мыши, запеченные в маке и меде; павлиньи языки, приправленные корицей; устрицы, тушеные в гаруме - разновидности анчоусного соуса из рыбьих кишков - мозги фламинго и страусов, затем мозги дроздов, попугаев, фазанов и павлинов, а также желтая свинья, приготовленная по троянскому образцу, из которой при разделке падали горячие колбаски и летали живые дрозды; морские волки с Балтики, осетры с Родоса, фиговые клещи с Самоса, африканские улитки и прочее." Полный перечень представленных лакомств утомит любителя и даже заставит его позавидовать давно ушедшим временам, когда непрекращающаяся череда говядины и баранины считалась однообразной или плохим искусством, а из года в год простая вареная зелень была неизвестна; Времена, когда император подавал, как мы записали, золотые зерна с горохом, рубины с чечевицей, бобы с янтарем, просто ради удовольствия от вида; хотя в его салатах из плавников кефали с кресс-салатом, мятой и пажитником мы, вероятно, не нашли бы большего деликатеса, чем недожаренные овощи этого двадцатого века нашего спасения и дискомфорта.

Как и в еде, так и в вине, Элагабал был обжорой. Мультсум, этот кубок, состоящий из белого вина, роз, нарда, абсента и меда, был *vieux jeu*. Изысканные вина Греции всегда были приятны на вкус, как и фалернский напиток 632 года н. э. для тех, кто был в возрасте и мог оценить его достоинства. Молодой гурман считал иначе и делал их шумными, добавляя в них толченые сосновые ядра и еловые шишки. Это был юношеский вкус, к которому мы до сих пор относимся с недоверием, но вряд ли он был аморальным в общепринятом смысле этого слова. Что касается склонности к чрезмерному употреблению хорошего алкоголя, то у нас нет никаких данных; в Лампридии есть отрывок (правда, явно ошибочный), в котором утверждается, что император смешивал вино с баней, а затем приглашал гостей выпить, причем таз, из которого он пил, можно было легко отличить по падению его уровня; полная невозможность, и даже не очень умно, как скандал. Другая экстравагантность, почерпнутая у того же биографа, рассказывает, как этот ребенок представлял лето пирами, на которых все было одного цвета, как еда, так и одежда, и как он приказывал, чтобы все блюда определенного дня состояли из одного вида мяса: это мог быть фазан под двадцатью разными нарядами, птица, поданная в одном масштабе, даже рыба, если двор находился вдали от моря. В другое время вам подавали вегетарианскую пищу или иногда только свинину, что кажется непоследовательным, если учесть, что тот же автор обильно высмеивал принятие императором еврейского суеверия в этом вопросе. Далее он рассказывает, что для фантазии этого ребенка было недостаточно роскошно лежать на серебряных кроватях с покрывалами из золотой ткани; его подушки были из заячьего меха или пуха из-под крыла куропатки, а все вокруг было усыпано цветами и духами, а для важных гостей - шафраном и золотой пылью. Куда бы он ни пошел, всюду были цветы - лилии, фиалки, розы, нарциссы.

Ни одно упоминание о психологической экстравагантности не было бы полным без некоторого изыска об использовании духов. Здесь, как и везде, Лампридий говорит нам, что Элагабал стремился превзойти своих предшественников. Он использовал благовония не

иначе как распущенно. Как обычно, биограф хочет заставить нас поверить, что этот недостаток был идиосинкразией, свойственной императору, жизнь которого он порицает. Он, очевидно, не слышал об усыпляющей мерзости возлюбленной Соломона, дамы, которую автор "Песнопений" представляет нам как скопление камфиры, гору мирры, холм ладана, спикенарда и корицы - добавки, которые не только сделали бы ее липкой, но и шумной. Махоммед со своими мускусными тротуарами был недоступен пониманию Лампридия, но он наверняка слышал о благовониях, которыми благоухал Иерусалимский храм, и для него не было бы новым зрелищем наблюдать, как Элагабал выливает тонны ароматических веществ на новые алтари, воздвигнутые древним богам.

Даже сегодня мы кое-что знаем о запахе святости и иногда тайком вдыхаем его прелести, потому что, несмотря на несомненный юридический запрет, священнослужители убеждают нас, что боги по-прежнему любят запах ладана. Однако дело в том, что в тот период все священное и профанное ужасно воняло. Хвала небесам, личное использование *mille fleurs*, которым тогда был одержим весь мир, теперь уступило место запаху открытости. Но в III веке не было ничего необычного в том, что Элагабал сжигал в своих столовых индийские благовония вместо угля, бальзам вместо нефти в своих лампах, топил свои печи и ванны комнаты запахами, а не более обыденными материалами. Отвратительно то, как развратно мир использовал парфюмерию. Туники людей, их ванны, постели, лошади, комнаты, улицы, слуги, даже их еда пахли. Калигула растратил целое состояние на духи. Нерон купался в них. Мирра, алоэ и кассия, шафран и корица, не говоря уже о других, столь же предосудительных и еще более дорогих, - все они делали жизнь тяжелой и приторной, превращали представления о неправильном в правильные, делали нечестивое восхитительным, запятнали мысли и развратили разум, подобно тому как М. Гюисманс (в "А Ребурсе") описывает то, что ему удалось сделать во время пребывания в Фонтене.

Не то чтобы Рим был столь же предосудительным, как Афины. Там, как нам рассказывают, и мужчины, и женщины красили свои лица белым свинцом, веки - колой, ногти - хной; а чтобы привлечь внимание к разврату, они благоухали волосами майораном, натирали руки мятой, ноги - плющом, а подошвы - баккарисом. В Греции эта идея внимания к личной красоте была совершенным культом - новейшие рецепты искусственных украшений были выгравированы на табличках и выставлены в храмах Эскулапия, а за неряшливый вид государство налагало штраф; но при всем том это было упаднически и мерзко. Люди, конечно, все еще тратят деньги на свою внешность, но пачули, хвала небесам, исчезли даже с Пикадилли.

Любовь императора к рыбе сдерживалась ее редкостью. Он никогда не ел ее живых существ, пока жил у моря; он перевозил их в огромные резервуары с соленой водой, которые строил среди гор и в глубине страны, как для их сохранения, так и для собственного развлечения. Нам рассказывают, что он изобрел способ рыбной ловли, в котором участвовали воны, - затея, которая в последующие годы не была возрождена.

Впервые в истории он придумал делать колбасы из икры миног, устриц в мягкой оболочке, омаров и раков и кормить ими крестьян. Его щедрость здесь, как и в Риме, была беспредельной: летописцы рассказывают, как он выбрасывал из окон столько блюд, сколько предлагал своим гостям, сидевшим за столом. Здесь не было ничего от нашего скупого представления о благотворительности, никакого понятия о том, что для голодных достаточно любой корочки. Его собак кормили фуа-гра, его лошадей - виноградом, его львов - фазанами и попугаями - ненужное и неприятное расточительство, если знать, как сильно эти звери предпочли бы более обычную пищу.

Его рыбный соус был триумфом кулинарного искусства, которое полностью утрачено. Это был прозрачный голубовато-зеленый соус, аналог морской воды, в котором рыба выглядела живой и естественной, совершенно не похожей на то потрепанное уродство, которое сейчас представлено нашему вниманию. Его блюда были настолько знамениты, что кондитеры и молочники того времени были склонны воспроизводить их в своих собственных изделиях, продавая их как имперское жеманство.

Меню также было его собственной разработкой и вышивалось на скатерти - не просто список блюд, а нарисованные иглой изображения самих блюд, что, конечно, требовало смены скатерти при каждом обслуживании. Он впервые, как нам говорят, сделал общественные пиры, а также частные обеды большими и великолепными. Раньше эти пиры отличались военной простотой. Элагабал не понимал, почему даже политические гости не должны получать удовольствие, приходя к нему обедать, и угощал их гидрогаром, последним словом сибаритского наслаждения. Его преемник Александр считал иначе и вернулся к старому порядку, который не радовал никого, кроме людей, склонных к метеоризму.

Элагабал, к сожалению, был запятнан тем, что, возможно, естественно для молодых людей, но для пожилых плутократов является приобретенным пороком, - откровенным снобизмом. По свидетельству не одного из его гостей, он часто просил их оценить его блюда, чтобы услышать предложение о завышенной стоимости, замечая, что большие затраты вызывают хороший аппетит, особенно когда известно, что блюда дефицитные и не по сезону. Конечно, это было дурным тоном, даже для мальчика, но сколько всего еще происходит? В изобилии есть и другие вещи, к которым можно придраться.

Не только едой опустошал Элагабал казну; у него были и другие способы польстить государеву народу Рима. Зрелища, которые он устраивал в амфитеатре, были уникальны. 80 000 зрителей на возвышающихся галереях, защищенных от солнца навесом из шелка, арена площадью в три акра, устланная песком, киноварью и бурой; на этой арене устраивались морские состязания на озерах с вином и гибель целых зверинцев египетских зверей (в одном представлении, как рассказывает Геродиан, был убит пятьдесят один тигр). Были и гонки на колесницах, в которых участвовали не только лошади, но и олени, львы, тигры, собаки и даже женщины, пока зрители не выказали колоссального восторга. Великолепие зрелища превосходит все ожидания: снизу доносились звуки тысячи духовых инструментов, сверху - ласки флейт, а воздух, сладкий от цветов и духов (император выделил шафран даже для плащей толпы), был оживлен разноцветными мотыльками. Террасы представляли собой партер из смешения оттенков, когда в это великолепие косо вошли сотни львов, их хвосты с кисточками взметнули песок, а затем налетели дикие слоны, атакуя с обеих сторон; еще один момент восторга, когда охотники были брошены на террасы, отброшены назад зрителями и затоптаны до смерти. В качестве интерлюдии на ринге выступали акробаты, которые взлетали в воздух, как птицы, и образовывали пирамиды, во многом похожие на те, что мы знаем сегодня. Был отряд прирученных львов с позолоченными гривами, которые ходили по натянутым канатам, писали непристойности по-гречески и танцевали под цимбалы, на которых играл один из них; погоня за страусами и подвиги наездников на зебрах с Мадагаскара. По окончании интермедии песок был снова уложен на грабли. Затем, предваряемые помпой ликторов, на арену выходили нескончаемые шеренги гладиаторов, а глаза женщин загорались и светились; артистическая смерть была их главной радостью, ибо на арене не было трусости. Гладиаторы сражались за аплодисменты, за свободу, за смерть - сражались мужественно, умело, ужасно, и принимали острие меча или ладонь победы с одинаково невозмутимым выражением, с неизменным лицом. Это была великолепная концепция, по которой римляне, точнее, этруски, их предшественники, придумали приучать

детей к войне и избавлять их от страха перед кровью. Она оказалась очень полезной, и хотя необходимость в ней отпала, зрелище продолжало существовать и, продолжая существовать, составляло главное наслаждение весталок и Рима. С его помощью банкрот стал консулом, император - возлюбленным. Она останавливала революции, потому что считалась налогом пролетариата на богатых. Серебро и хлеб были для человека, но эти вещи были для толпы. Когда наступал вечер, зажигались факелы и император принимал главное участие в балете, который он считал кульминационным моментом представления.

В халате, нематериальном, как лунный луч, с потемневшими от сурьмы веками, с лицом, раскрашенным в подражание куртизанкам, которые сидели на высоких стульях и глазели на прохожих в Субурре, он вышел на арену и там, под подстрекательство кроталов, танцевал со своими сирийцами перед толпой, защищающей клаку из 80 000 человек, поднимающих тост за исполнителя великолепным возгласом "Io Triumphe!", что бы они ни думали о его непристойности. Лампридий рассказывает, что он привез из Египта маленьких змеек, известных под именем "добрый гений", и выпустил их на волю среди зрителей, среди которых многие были укушены, многие убиты во время давки. Это был вполне вероятный розыгрыш - о нем можно услышать и сегодня, - но нельзя представить, что Элагабал хотел разогнать зрителей, как предполагает его биограф, прежде чем они увидят великолепие, которое он приготовил для их удовольствия. Это было бы слишком глупо, особенно если он хотел, чтобы ему самому оказали благодарный прием.

Вот и все о его публичных выступлениях. Многие из его частных удовольствий вполне повторяемы, хотя все они экстравагантны, например, гонки на колесницах во дворце и в Садах надежды, упряжки огромных собак, которые перевозили его с места на место, обнаженные женщины той же цели, или когда он сам, в атрибутах и обычном одеянии Вакха, был запряжен львами, тиграми и женским полом. В езде Элагабал обладал великолепной наглостью, о чем свидетельствуют записи его гонок на колесницах с верблюдами и слонами даже над Ватиканом и его гробницами. Похоже, он считал, что и другие обладают такой же смелостью и отвагой. Свидетельство тому - его просьбы к гостям проехать на колесницах, запряженных четырьмя дикими оленями, через портики перед его обеденными залами, которые были усыпаны золотой и серебряной пылью, потому что он не мог достать электрум. Многие находили это занятие весьма неприятным, особенно если они были грузными или сенаторами, чья напыщенность должна была бы исключить подобные выходки; но Элагабал не был уважаем, если, конечно, они не были молоды, красивы и полны похоти; к таким он был всегда внимателен, будь то мужчины или женщины. Однажды, поскольку они были ему приятны, он подарил куртизанкам и закупщикам города весь запас кукурузы на год вперед и пообещал столько же тем, кто жил за стенами. В другой раз он собрал *кокоток* из театров и цирков и, напутствовав их как "товарищей по оружию", вручил им солдатский донат в три куска золота, сказав: "Никому не говорите, что Антонин дал вам это".

Элагабал - родоначальник лотерей, которые с тех пор стали источником прибыли для европейских государств. Была одна для народа, другая для комедиантов. Разумеется, призы предоставлял он сам, и, похоже, билеты не покупались. Призы были единичными, как и все остальные его подарки, и варьировались от 1 фунта говядины до 100 золотых или 1000 серебряных монет.

Летом он имел дерзость воздвигнуть снежную гору в своем саду, чтобы прохладный воздух мог ослабить гнетущую жару Сола в Леоне. Даже в рельефе природных функций он был великолепен, используя только вазы из золота, оникса и миррина. Вопрос о том, является ли последний металлом или разновидностью агата, оспаривается, но Плиний не сомневался в

его исключительной ценности. Он рассказывает, что чаша для питья была продана за 70 000 сестерций, а жертвенный капис - за 1 000 000, насколько ему известно.

Успехи Элагабала были зрелищем, которое заставляло даже граждан Рима таращиться с открытым ртом. Нерон взял с собой поезд из 500 карет, и мальчик-император не собирался уступать. Он приказал запрягать сразу по 600, заявив, что у царя Персии есть поезд из 10 000 верблюдов, а для него самого, его многочисленных куртизанок, сводников и остальных, которых он купил и освободил, богато одетых, не может быть меньше, в чем он проявил определенное рыцарство, как и в случае со знаменитой *кокоткой*, которую он купил за 100 000 сестерций, а затем обрек на вечную девственность.

Сирийские астрологи предсказали Элагабалу, что он встретит насильственную смерть, но эта информация, похоже, ничуть не нарушила его спокойствия; она лишь добавила ему экстравагантности: он построил башню, с которой намеревался сбросить себя, когда придет его час, на мостовую из золота, усыпанную драгоценными камнями, чтобы люди могли сказать: "qualis artifex periiit". Для большей уверенности он носил с собой маленькие футляры из изумрудов и рубинов, содержащие смертельные яды, а также шнуры из пурпурного шелка, которыми он мог задушить себя, если бы попал в беду, хотя преклонение народа заставляло сомневаться, что такое вообще могло случиться. Разве удивительно, что народ любил его - создателя лотерей, в которых никто, кроме императора, не проигрывал, распространителя непрекращающегося ливня билетов, которые можно было обменять не на хлеб или мелочь, а на драгоценные камни, картины, рабов, состояния, корабли, виллы и поместья? Такого человека просто обязаны были обожать; более того, его щедрость обожествляла его в глазах государевых людей Рима.

Лампридий вменяет ему в вину лишь один случай расточительства: он топил груженные корабли в гаванях, чтобы показать людям, в какую цену он ценит свое богатство, что оно может заплатить любую компенсацию, выдержать любое напряжение. Растрачивать богатства своей страны - глупая и преступная ошибка государственного деятеля, но это обвинение все еще выдвигается против государственных деятелей нашего времени, и не так уж редко. Они могут не пытаться осознать величие своей страны, собирая паутину тоннами, как это однажды удалось Элагабалу, сказавшему, что таким образом он хотел бы осознать величие Рима, но они вполне способны заказать столь же непродуктивный труд и заплатить за него огромную цену, что, с этической точки зрения, во многом одно и то же. Психология экстравагантности еще не изучена, поэтому мы все еще вольны осуждать то, что не до конца понимаем. О мегаломании мы все кое-что знаем и можем осудить как эксперты. Это был успех Элагабала, как он способствовал прогрессу других не менее известных личностей.

ГЛАВА XI

РЕЛИГИЯ ИМПЕРАТОРА ЭЛАГАБАЛА

Одной из главных причин жалоб на императора Марка Аврелия Антонина была его религия. Лампридий и Ксифилин единодушно осуждают ее тенденции и верования. Нет необходимости останавливаться на них подробнее, чем это было сделано в предыдущих главах. Если и есть один пункт, по которому все его биографы полностью согласны, так это то, что император был в высшей степени религиозен. Бог занимал первое место в его расчетах и замыслах.

Если бы он был частным лицом, никто не смог бы возразить против этой тенденции. Вообще, благочестие по отношению к богам одобрялось на протяжении всей мировой истории. И только когда человек занимает государственную должность и подчиняет свои гражданские обязанности религиозным, мир склонен смотреть на него с опаской. Такова, по крайней мере отчасти, позиция Элагабала; его обвиняют в том, что он пренебрег государственными делами ради своей совести. Других государей обвиняли в том же, и они тоже пострадали от рук мира, еще более религиозного, чем сенат и народ Рима третьего века. Неподалеку от дома можно найти аналогичные примеры, которые, возможно, имеют еще меньше оснований, если учесть, что причиной оскорбления здесь были обряды, а не жизненно важные верования.

Несколько слов можно сказать и о том, какие цели преследовали биографы Антонина, когда осуждали то, что мы, на первый взгляд, должны были бы восхвалять в жизни императора.

Как мы уже отмечали, решимость Константина навязать христианство империи вызвала серьезное противодействие, главным образом со стороны приверженцев столь же монотеистического культа Митры, который, несомненно, отождествлялся с культом Элагабала, единственного Бога. Очевидно, что не только противостоящая религия, но и главный выразитель этого культа должны были подвергнуться суровому порицанию со стороны монотеизма IV века.

Когда читаешь историю жизни Антонина, поражает не столько запись о его извращенных сексуальных наклонностях, о которых никто не мог знать ничего определенного и которые, даже если эти сведения правдивы, в свете современных исследований мы вынуждены считать врожденными, сколько запись о его религиозном фанатизме. Эта черта, и, по всей вероятности, справедливо, считается предосудительной. Однако она не ограничивается императором, о котором идет речь; вероятно, каждый сталкивался с ней в той или иной форме на протяжении своей жизни; некоторые даже страдали под ее воздействием. Антонин, как мы уже говорили, находился в особом положении; он был молод, могущественен и чрезвычайно религиозен; он приписывал успех своего дома благосклонности своего Бога и желал получить некоторую отдачу в виде принуждения людей к поклонению этому Богу. Для этого императора обладание верховной властью означало безграничные возможности для осуществления его замысла. Кроме того, как мы уже видели, он происходил из религиозного рода, или, скорее, из семьи, чьи традиции были связаны с совершенно определенной формой религиозного поклонения, что, как правило, считается одним и тем же.

Происхождение религии - вопрос, вызывающий много споров. Одни считают, что источник всей религии - страх; другие предпочитают любовь; и те, и другие апеллируют к суеверному инстинкту, присущему человеку. Возможно, эти инстинкты порождают благоговение, страх или любовь к силам, неподвластным человеку и непостижимым для него; в любом случае, эти силы были первыми в истории религий, которые были обожествлены, и заняли свое первенство в естественном порядке их таинственности или полезности, став своего рода аристократией талантов, с верховным главой, Богом Богов.

Со временем старые религии Греции и Рима уступили место философии; и мыслители, обосновав силу своих божеств, боролись с тем, что они считали упадочной и сентиментальной, не говоря уже о беспочвенной традиции, всеми средствами, которые давал им опыт. Тогда знамения, знамения и чудеса, укреплявшие веру невежественных людей, поддерживавшие страх и суеверие, даже пророчества и откровения, служившие сакраментальными доказательствами подлинности богов, стали либо естественными

явлениями, либо отвратительным шарлатанством среди людей, знавших их происхождение и историю или изучавших принципы математики у Архимеда.

Тем не менее, в императорском Риме царила атмосфера чудесного, как и в Северной Европе до эпохи Возрождения. Мир был наполнен чудесами, странными богами и доверчивыми толпами. Оккультные науки, астрология, магия и гадания - все они имели своих адептов и пользовались тем уважением, которым подобные практики пользуются среди верующих и в наши дни.

Но философия древних религий, несомненно, была жесткой и холодной. Мужество, умеренность и честь были качествами, которые обеспечивали постоянство государства, а не отдельного человека. Люди трудились не в надежде на награду, а ради долга; они знали, что порок - часть всеобщего порядка вещей, возможно, ошибка понимания, безусловно, ошибка, которую глупо порицать, но праведно исправлять. Но старые религии в том виде, в каком они развивались в последние дни республики, далеко не удовлетворяли всех стремлений человека.

Разум человека - не единственная его функция, у него есть и физические части, и страсти, такие как страх, суеверие, влечения, антипатии и секс. Некоторые люди были неспособны к размышлениям, немногие - к целям, и существовала тяга, может быть, совершенно иррациональная, но все же человеческая, которая жаждала создать или хотя бы вообразить нечто более высокое, чем я, нечто более могущественное, чем разум, нечто, к чему могла бы апеллировать иррациональная и традиционная сторона человека; и поэтому, когда один Бог умирал, на его место приходил новый, более мистический персонаж. Юпитер перестал господствовать над миром с помощью видимой силы, его место занял Митра, более мистический, более сентиментальный, как сила, настолько тесно связанная с физическими частями и страстями человека, что мир философии, который имел дело с телом через разум, едва мог коснуться краев его одежды.

Поэтому в начале третьего века нашей эры в Риме была партия людей, сильно привязанных, по сентиментальным или невротическим причинам, к одному или другому из недавно завезенных восточных вероучений; но была и большая партия консерваторов, чей атеизм был таким же холодным и отстраненным, как у Горация; и еще большая партия простых людей, чья привязанность к старым практикам римского политеизма выражала все, что они считали необходимым или целесообразным, с точки зрения обычного благочестия. Но в каждом случае религия была подчинена первостепенной политической, а не религиозной жизни, которая, как мы узнаем почти от всех авторов, развивалась в сторону вырождения, несмотря на то, что культура и литература все еще основывались на философии интеллектуальной свободы.

К сожалению, то самое правило, которое обеспечило политическое величие, теперь лишало людей всех освобождающих интересов, делало общество бесплодным и пустым. Вследствие этого каждое поколение становилось все менее желающим думать и все менее способным мыслить; не то чтобы интеллект Рима опустился на ту предельную ступень интеллекта, с которой он был готов поработить себя под влиянием ретроградных тенденций восточных теистических верований. Рим, владычица мира, видел добро во всех богах; он признавал и включал в свое поклонение философии и божества всех народов, племен и языков; все силы, природные, физические и политические, были представлены на его алтарях. Рим был всеобъемлющим, скептически настроенным политеистом, когда в его дворцы стекались инженеры, астрономы и философы этой огромной империи. Только для простых людей, одержимых верой в нечеловеческие силы, в существ, которые злобно преследуют жизнь,

восстановление культов и ритуалов было приемлемым, и даже они были эклектичны в своих вкусах и пристрастиях.

Несмотря на кафедральную образованность, мы знаем, что Рим не больше привлекали доктрины универсального социалистического братства, исходящие из Назарета, чем система экстатического провидца из Тарса, которому было суждено путем более систематического и регулярного развития его откровений захватить свободу более ранних интеллектуальных религий, как только мировая хриплая мудрость, потеряв свою жизнеспособность, была вовлечена в дремучую неразумную древность.

В конечном итоге мы знаем, что толпа победила, и что каждая религия Запада была ориентализирована, каждое суеверие и невротическая тенденция развились, а философия была поставлена на колени, полностью деградировав, пока ее функция не стала просто быть апологетом всего, чему учит или что делает суеверие. До поры до времени рационально мыслящие люди были живы. Когда они умерли, пришел исключительный монотеизм, неся с собой, подобно потоку, величие прежнего мира. Но вопрос все еще оставался неопределенным. Если бы Элагабал был жив, если бы красота и впечатляющая сила его семитского ритуала дошла до нас, если бы людям было дано время понять его идею о единой огромной, благотворительной, божественной силе, в империи которой люди могли бы спастись от тысячи и одного мелкого мародера мира духов, они могли бы быть привлечены к поклонению жизни и свету вместо того, чтобы быть втянутыми в соблазнительную силу непонятных и невозможных догм, искушаемых приманкой неуловимого социализма и сомнительной будущности.

Не то чтобы Рим, атеистический или религиозный, возражал против поклонения Ваалу. У нее был свой и еще круглый десяток других Юпитеров, какими его считали люди, и она была вполне готова включить его в это число. Проблема заключалась в том, что рационально мыслящие люди не могли представить себе какую-либо высшую силу в мире, помимо самого человека; в то время как религиозные люди имели каждый свое особое представление о божествах, и все эти божества новый император с большим рвением, чем благоразумием, подчинил воле своего господина.

Но в схеме Антонина явно было нечто большее, чем простое объединение. Мы уже указывали на превосходство императора над старыми культами и обсуждали тенденцию к распаду мистических и независимых монотеизмов, которая уже была очевидна даже в самом городе. Опасность, которую эти новые религии приносили в политическую жизнь, заключалась в установлении *imperium* над душами людей, который, основываясь на суеверных страхах, а не на какой-либо апелляции к разуму или логике, претендовал на власть над разумом, равную власти государства над лицами своих подданных.

Главная привлекательность этих форм веры заключалась в их способности дать людям личную и духовную религию, которая, будучи свободной от вмешательства государства, могла подстрекать своих приверженцев к восстанию против любой политики, которую не одобряло ее священство, на духовной или даже финансовой почве. Государственные деятели давно осознали эту опасность и, очевидно, пытались справиться с новыми силами. Предложение Антонина заключалось в том, чтобы распространить его юрисдикцию (как *Pontifex Maximus*) на новые монотеизмы, объединив их с более древними культами, над которыми его власть как *Pontifex Maximus* была неоспорима. Если бы он преуспел, то осуществлял бы свое главенство в религии примерно так же, как Елизавета Тюдор, претендовавшая на подобное главенство, осуществляла свое в шестнадцатом веке. Эта

политика означала назначение государственных чиновников, наделенных богатством, титулами и частью одеяний тех старых прелатов, которые своими традициями и претензиями на магическую силу принуждали, да и сейчас принуждают умы легковверных к распаду государства. Антонин предвещал то, к чему привело величие Тюдоров, а именно возведение государственной церкви, чьим делом было заменить независимое священство, способствовавшее фанатизму, расой государственных служащих, которые сдерживали бы и изменяли суеверия, превращая все опасные и вредные элементы религиозной жизни в полезные и филантропические энергии, относительно пользы которых должен был бы возразить анкорит.

Мы проследили, как Антонин проводил в жизнь свою политику объединения. Возведение великолепного и гигантского храма в XI регионе, летняя резиденция для его бога возле Porta Praenestina и процессия, в которой участвовали все люди и большинство богов, уже были описаны. Однако именно против этого слияния возражал Рим, атеистический и религиозный. Антонин мог делать все, что ему заблагорассудится, вводя новый культ; он мог заставить всех людей участвовать в его церемониях, и никто бы не возражал; но осквернять старые религии и лишать их сокровищ - это было преступлением против всех канонов римского вкуса.

Можно не сомневаться, что один за другим храмы лишались своих главных объектов почитания, чтобы они способствовали славе Ваала и привлекали больше поклонников к его святыне. Именно таким образом император хотел уничтожить все другие культы в городе и оставить своего бога верховным; но преследование было бы предпочтительнее презрения. Храм Элагабала действительно был прекрасным музеем церковных реликвий, все *ad maiorem dei gloriam*; но он не привлекал, потому что противоречил всему духу времени; никто не требовал монотеистического вероисповедания, и, хотя все культы города должны были быть объединены в храме Элагабала, люди не могли воздать должное объединению, которое, по их мнению, не было ни хорошим божеством, ни хорошей философией.

Несомненно, император стремился к этому. Почему он не преследовал, чтобы достичь своей цели, оставалось загадкой, пока люди не поняли кое-что из его психологии. Он был готов (по словам Лампридия) пойти на любые личные неудобства, чтобы осуществить свой план, но никого не подвергал ненужным неудобствам и потерям. Нам рассказывают, что желание заполучить священные предметы из храма Кибелы заставило его собственными руками принести в жертву этой богине жирных быков, а когда этого оказалось недостаточно (жрецы оказались трудными), он подчинился их рукоположению (церемония, включавшая кастрацию), чтобы завладеть их священным камнем.

Лампридия понимают так, что он утверждает эту кастрацию, используя слова "*genitalia devinxit*", но, как указал мне профессор Робинсон Эллис, *devinxit* обычно означает не более чем "связанный". Аврелий Виктор, будучи более поздним, естественно, выражается более определенно. Он говорит "*abscissis genitalibus*", но, несмотря на его заявление четвертого века, есть серьезные основания для сомнений в том, что операция действительно имела место, главным образом из-за записей, которые оставили его биографы о поздних наклонностях императора - браке и тому подобном, - которым он, как предполагается, предавался до последнего момента своей жизни. И это, несомненно, было бы жалким завершением жизни, полной удовольствий, как он понимал значение этого слова. Если это правда, то она, несомненно, доказывает рвение к Царству Небесному, которое мы вряд ли способны понять.

К идолам, сделанным руками, Антонин не испытывал никакого влечения. Он стремился приобрести камни с претензией на божественность, вплоть (согласно ошибочному отрывку из Лампридия) до лаодикийской статуи Дианы, которую Орест своими руками поместил в положенное ей святилище. Всех их он сделал слугами Единого Бога - одних камергерами, других домохозяевами. Раннее христианство имело примерно такое же представление, как и Антонин, о положении старших богов, но, проявив необычайную проницательность, превратило их в демонов - там, где они не стали святыми, - и тем самым создало силу зла из того, что раньше было могущественным благодеянием.

Несомненно, одной из главных ошибок императора была его попытка объединить родственное иерусалимское поклонение в его различных формах с поклонением римским божествам, и хотя его обрезание почти наверняка относится к периоду, когда он стал первосвященником Элагабала (период, когда он достиг половой зрелости), связь этой церемонии с родственным иудейским обрядом была достаточной, в римском сознании, чтобы заклеить Антонина как иудейского новатора. Однако тот же одиоз не был бы прикреплен к нему, если бы стало известно, что он принял триединое крещение, практикуемое различными христианскими сектами; ведь эта практика была хорошо известна римлянам благодаря тому, что ее включили в число церемоний при митраистских посвящениях. Поэтому церемония стала непопулярной только тогда, когда люди поняли, что она была внешним и видимым знаком того, что их император включил секту назареев в свое великое воссоединение церквей.

Многое было сказано людьми, чьим делом было находить поводы для жалоб, против глупого и кощунственного предложения о браке для своего Бога. По нашим современным представлениям, это была затея, совершенно недостойная великого дела, которое открывал император. В третьем веке современные представления о религии еще не родились. В то время как в Риме, так и в провинциях было много божественных пар, которые привлекали внимание. Поэтому предложение не было ни необычным, ни святотатственным. Конечно, было нежелательно подчинять главный культ Рима таким радикальным способом, какой применил Антонин, и император поплатился за свое безрассудство; но когда он предложил Уранию в качестве супруги, никто не возражал, и только возвращение весталки к супружескому счастью вновь вызвало раздражение, которое он утихомирил, следуя римским настроениям. Идея брака среди богов была вполне обычной, настолько, что высказывания биографов выдают умышленное незнание не только современной религии, но и замысла и цели императора.

О пышности поклонения все авторитеты сообщают нам кое-что, и из них мы можем понять, что, привыкшие к строгому и простому ритуалу, сирийское поклонение, будь то на Палатине или в храме в Иерусалиме, было для глупцов предметом восхищения, а для мудрецов - презрения. Несколько зерен ладана, несколько капель вина для возлияния, безупречный стих в пентаметре, и достойный римлянин проходил дальше. А здесь была одна длинная череда мясниц, гекатомб быков и рун лучших вин, которые вместе с облаками ладана усиливали чувство тошноты, вызванное запахом жертв. Но и это было еще не все. Вокруг бесчисленных алтарей чудесный нарисованный мальчик, в глазах которого светились фанатизм и таинственность, вел мужчин и женщин по новейшим и наиболее одобряемым терпсихорианским мерам под аккомпанемент оркестра, шум которого напоминал шум Навуходоносора; если в той и другой записи есть хоть доля правды, как мы ее имеем. Псалмы и гимны, составлявшие часть поклонения, были столь же необычны в городе цезарей; их место было только в восточных религиях, которые их породили, потому что такое проявление варварского поклонения уже давно было вытеснено среди интеллектуальных и

прогрессивных народов Запада. Такая бесполезная трата жизни, такая расточительность движений, музыки и цвета мало соответствовали западной философии религии, и мудрые люди со вздохом о своем здравомыслии бежали от оргии, в которой их император принимал главное участие.

Все это было настолько дико, что люди могли бы спокойно смотреть и слушать, если бы Верховный жрец - в соответствии со своим планом реформ - не потребовал помощи своих великих государственных чиновников; естественно, эти люди возражали тем сильнее, что были вынуждены проявлять интерес к своим новым обязанностям и с радостью распространяли недовольство, как только оказывались среди заговорщиков и вне поля зрения императора.

Легенду Лампридия о человеческих жертвоприношениях Антонина следует рассматривать как очередную клевету. Он утверждает, что император приносил в жертву юношей из лучших семей, предпочитая тех, чьи родители были живы и, присутствуя при этом, больше всего горевали бы о содеянном. В данном случае опровержение вряд ли требуется, поскольку автор утверждает, что таков был обычай сирийского культа, в то время как сейчас уже точно известно, что Рим задолго до II века прекратил человеческие жертвоприношения среди всех семитских народов. По всей вероятности, это та же легенда, которая была приложена к раннехристианским мистериям, и даже с меньшим основанием, поскольку в то время как христианское поклонение было тайным и могло навести на мысль о гнусных практиках, поклонение Богу Солнца было публичным и открытым перед всем миром, следуя хорошо известному и одобренному ритуалу.

Нет, Антонин мог быть безумцем, но в его безумии был определенный метод, а эта форма сумасшествия только оттолкнула бы тех, кого он так старался завоевать. Именно в методе, а не в концепции, он потерпел неудачу, поскольку монотеизм постоянно укреплялся; язычество, очевидно, потихоньку засыпало; Изида уступала место Марии, апофеоз - канонизации, а святые - божествам. Антонин, обладавший истинно восточной концепцией религии, стремился поразить людей своим ярким монотеизмом с помощью пышности богослужения, расточительных трат на пышные представления. Это он подарил миру по-королевски, но именно это, как не мог понять суровый римлянин, должно было быть связано с простой философией его западной религии. Антонин думал сделать своего Бога великим с помощью помпезного шоу. Ему удалось представить его как низкого комика в последнем акте грубой мелодрамы; к сожалению, это не первое и не последнее божество, которое было представлено таким образом перед глазами изумленного мира.

Издавна у римлян был обычай отмечать величайшие победы возведением гигантских колонн на городских форумах; Антонин предложил возвести самую величественную из тех, что еще встречали человеческие глаза. Она должна была стать памятником триумфа Господа над божествами случая и обстоятельств. На его вершине, куда, по его замыслу, должна была вести внутренняя лестница, должен был стоять огромный метеорит. Вмешалась смерть, чтобы испортить план и лишить Рим памятника, превосходящего по величию все, что когда-либо видел город. Таковы были методы, с помощью которых мальчик пытался добиться признания Элагабала, а через него - великого монотеистического принципа в религии. Следует четко понимать, что религия Эмесы ни в коем случае не была идолопоклоннической. Правда, город обладал огромным черным метеоритом, который он очень почитал, поскольку тот был частью существа его бога. По форме, как нам говорят, это был фаллос, и как таковой он был символом плодотворной жизни, олицетворяя великую силу света, радости и плодотворности, которую люди считали смыслом и смыслом своего существования.

Верховным жрецом и главным выразителем этой теории в религии был Марк Аврелий Антонин, и даже его мальчишеский ум мог увидеть превосходство жизни над смертью, верховного благодетельного существа над низшими божествами, угнетавшими другие народы. Конечно же, он был впечатлен и решил распространить это поклонение и знание с помощью огромной власти, которая находилась в его детских руках с года благодати 218.

Когда молодой император взялся за объединение церквей, он и представить себе не мог ни масштабов этой задачи, ни причин противодействия. Как мы уже говорили, это противодействие было вызвано тем, что в стране господствовала совершенно иная система религии. Сегодня мы бы назвали римскую систему естественной религией, а концепцию Антонина - догматической истиной. Он слишком много приписывал своему Богу, что нередко случается с левоверными; вероятно, он претендовал на откровение свыше и был склонен отправлять несогласных с ним в тот особый лимб, который невежды отводят всем, кто заставляет их выглядеть глупцами, всем, кто пишет истину, противоречащую их собственным ограниченным представлениям; если бы это было так, он не был бы необычным.

Гениальность естественной религии заключается в том, что она всеобъемлюща, терпима, праведна и справедлива. В ней нет догм, кроме индивидуального опыта каждого. Гений догматической религии заключается в том, что она присваивает себе абсолютную исключительность; только она одна содержит истину, а в более поздних изданиях - еще и окончательность. Включала ли форма Антонина эту последнюю претензию, мы не знаем, но она, несомненно, претендовала на то, что ни один римский мыслитель не мог приписать ни одной вере под солнцем, - на утверждение, что Бог един и Бог верховный. Римлянин, воспитанный на Пирре, Эпикуре, Лукреции и Цицероне, был более склонен постулировать, что Бог - это космическая сущность духа, нечто столь же мощное, как электричество в современной науке, если не аналогичное ему. Он не поддерживал отношений со старыми божествами, которые своими гонениями на род человеческий сделали жизнь ужасной, и не желал вновь подчиняться системе, которая возводила бы страх в еще одно национальное божество. Он давно устал от попыток умиловить бесконечность и теперь понимал, что с таким же успехом может принести жертву животным в зоологическом саду в надежде утолить их голод, как и принести жертву божествам в расчете на ответную любезность.

Это была не новая борьба, которую Антонин предложил начать в Риме. Это соревнование между рационализмом и догмой, когда доведено до логического конца. Несомненно, обеим сторонам есть что сказать; безусловно, за всю историю цивилизации было написано много и сказано еще больше. Рационалисты представляют это как борьбу между невежеством и разумом, догматики - как борьбу между добром и злом; конечно, это не та борьба, в которой Антонин был достаточно взрослым или мудрым, чтобы проложить какую-то определенную линию истины для будущего руководства миром. К сожалению, именно это он и попытался сделать. Он знал, что национальным божеством каждого народа под небесами является страх, и забыл, что его антитезой является истина. Он знал, что страх неизбежно будет преобладать; что люди будут продолжать поклоняться ему, как платят налоги, чтобы с ними не случилось чего-нибудь похуже. Так было и во времена Гомера. Людей воспитывали в страхе, и, когда умирал один бог, они требовали другого. Пророки давали людям богов, смеясь при этом над созданными ими божествами, потому что они так же мало верили в святотатственные басни, как Теннисон в призрачные идиллии артурианской романтики.

Дело в том, что то, что требует масса людей, они получают. Это обычный закон спроса и предложения, когда тот, кто может увеличить спрос и удовлетворить его в любой степени, становится успешным основателем новой религии. Это, несомненно, дело касты священнослужителей в каждом поколении, и их успех обеспечен до тех пор, пока они

способны увеличивать предложение, в то время как они разжигают спрос. Они терпят неудачу, когда кто-то другой обращается к народному воображению как более таинственный или более духовный.

Антонин, похоже, считал, что простого изложения очевидных вещей должно быть достаточно, чтобы его бог начал действовать, и, сделав это, все люди сами откроют для себя жизненную привлекательность. Возможно, он был прав; до него случались и случались более странные вещи, и должны были случиться вскоре после него; мы никогда не сможем этого узнать, поскольку у системы было не больше времени для справедливого испытания, чем у преемника Константина Юлиана.

На данный момент Риму надоели все боги; они были настолько жестоки, мстительны и злобны, что граждане раздражались и скептически относились к ним, оставляя своих божеств, чувствуя, что уже слишком долгое время кровь и сокровища тратятся безрезультатно. Теперь, наконец, - говорили люди, - "ужас исчез, а на его месте появился идеал". Эвемерус утверждал, что боги - обычные забияки, которые будут дрожать, если люди будут им противостоять, и даже низшие классы соглашались с ним.

Это, по мнению Антонина, было плачевным положением дел - откровенный атеизм, если не что-то похуже. Он знал о силе своего Бога и хотел, используя мягкие средства, донести это до других, чтобы они тоже поверили. К сожалению, никто не хотел верить, и ему пришлось бороться не только с рационализмом, но и с условностями. Римляне еще не устали от погони за невозможными прелестями; когда они уставали, появлялась очередная догма, и так же часто принималась, как линия наименьшего сопротивления.

Если бы Антонин дал им то, что дал Юлиан, успех был бы обеспечен. Это была философия, свобода и красота под прикрытием Бога, существование которого он признавал, но вмешательство которого отрицал. Антонин не был Юлианом; он был восточным монотеистом, гораздо более близким к поклонению и доктринам Иеговы, чем к доктринам любого западного направления. Он не мог понять обожествления атрибутов, потому что хотел чего-то более осязаемого, реального и суеверного, чего-то, что вызвало бы к его невротической натуре и эротическим страстям.

Поэтому его тщетные попытки объединить все поклонения, все религии в том, что посвящено Deus Solus, вызывают насмешки как у монотеистического иудея, так и у тритеистического христианина. Его вина заключалась в том, что он был слишком молод для этой работы, слишком непривычен к кружным и кротообразным нормам, которыми религия захватывает общество. Но сама по себе эта схема свидетельствовала о целеустремленности и склонности к таинственному, неестественному и нездоровому для ребенка его возраста.

Если бы Антонин родился в двадцатом, а не в третьем веке нашей эры, если бы он пользовался преимуществами современного образования, он бы узнал, что религия и необычные склонности - это последнее, чем джентльмен должен щеголять перед миром. Кроме того, он непременно вышел бы из обучения, которое, хотя и является радикальным, но, безусловно, очень полезным: его своенравие обуздано, его ум и воля укреплены, его стройное и изящное тело здоровое и готово нести усталость и ответственность, которые жизнь собиралась возложить на его великолепные плечи. К несчастью для него, он был сирийцем с удивительными глазами и мистическим темпераментом и родился в то время, когда своенравная воля монарха была законом для него самого и для всего мира в целом; но, несмотря на эти недостатки, имея под рукой столько составляющих успеха, он мог бы одержать победу, если бы не обычные заговорщики. "Рим все еще оставался владычицей мира, хотя и сильно постарел. Еще несколько лет, и на нее обрушились новые дети Земли;

затем вселенная была потрясена грохотом ее агонии. Тогда, и только тогда, там, где сверкнула молния, появилась исхудавшая фигура распятия, а на плечи прелата опустился пурпур, ослепивший мир".

БИБЛИОГРАФИЯ

Аккурсий (Бонус). *Vitae Caesarum*. 1475.

Арнольд (У. Т.). Римская провинциальная администрация. Оксфорд, 1906.

Одоллент (А.).

1. Carthage romaine. 1901. École française à Athènes.

2. Эпиграфическая миссия в Алжире. 1890. Французская школа в Риме.

Аврелий Виктор.

1. *Historia Romana*. 1819.

2. *De vita et moribus imperatorum Romanorum*, 1533.

3. *Breviarium*. Антверпен, 1579.

Baumeister (A.). *Denkmäler des klassischen Altertums*. München and Leipzig, 1884.

Bayle (P.). *Dictionnaire historique et critique*. Париж, 1820.

Бомануар (Жан де). *Variétés historiques et littéraires*. (Репринт) 1855.

Беккер (У.). *Observationes in S.H.A.*^[60] Breslau, 1838.

Bernhardy (G.).

Proemii de S.H.A. Halle, 1845-6.

Bibliotheca scrip. Lat. Halle, 1838-47.

Bernouilli (J. J.). *Römische Iconographie*. Stuttgart, 1882-94.

Библиотека французских школ Афин и Рима. Париж, 1877.

Бинэ Сангле. Библиотека Школы психологии. Париж, 1905.

Блох (Ивэн). Сексуальная жизнь нашего времени. Ребман и сыновья, 1910.

Блаунт (Чез.). Две первые книги "Жизни Аполлония Тианского" Филострата. Лондон, 1680.

Boehme. *Dexippi fragmenta*. Лейпциг, 1882.

Буассье (Гастон).

1. *L'Opposition sous les Césars*. Paris, 1905.

2. *La Religion romaine d'Augustus aux Antonins*. Paris, 1874.

3. La Fin du paganisme. Paris, 1891.

4. L'Afrique romaine. Paris, 1909.

Borghesi (Count Bartolommeo). Œuvres. Paris, 1862-97.

Bouché Leclercq (Aug.).

Les Pontifes de l'ancienne Rome. Париж, 1871.

Manuel des institutions romaines. Париж, 1886.

Leçons d'histoire romaine, République et Empire. Paris, 1909.

Boxhorn (M. Z.). Historiae Augustae scriptores. Leyden, 1632.

Brocks (Emil).

Studien zu den S.H.A. Marienwerder, 1877.

De quattuor prioribus S.H.A. Koenigsberg, 1869.

Bulletin de l'École française à Athènes. Афины, 1868.

Bulletin de correspondance hellénique. Афины и Париж, 1877 и др.

Бертон Браун (Э.). Недавние раскопки на Римском форуме. 1904.

Бьюри (проф. Дж. Б.).

Gibbon's Decline and Fall. 1909.

Конституция поздней империи. 1910.

История поздней Римской империи. 1889.

Bussell (F. W.).

Марк Аврелий и поздние стоики. 1910.

The Roman Empire. London, 1910.

Butler (O. F.). Heliogabalus. 1908. Исследования Мичиганского университета.

Cagnat (René).

L'Armée romaine d'Afrique. Paris, 1892.

Inscrip. Africae Proc. Lat. Eds. R. Cagnat et J. Schmidt. Soc. Reg. Sci. Berlin, 1891.

Callegari (E.). Quando abbia cominciato a regnare Alexandro Severo? 1876.

Carpenter (Edward).

Ioläus. 1902.

Love's Coming of Age. 1906.

Тюрьмы, полиция и наказание. 1905.

Die homogene Liebe, etc. Leipzig, 1895.

Казобон (Исаак). Hist. Aug. Script, vi. 1603.

Ceuleneer (Adolphe de). La Vie et règne de Septime Sévère. Льеж, 1884.

Clinton (H. F.). Fasti Romani. Oxford, 1845-50.

Козн (Генри). Description historique des monnaies frappées sous l'empire romaine. Париж, 1884.

Consularia Constantinopolitana. Monumenta Germ. Hist., Chronica minora, vol. ix. Berlin, 1892.

Conybeare (F. C.). Миф, магия и мораль. London, 1910.

Corpus Inscriptionum Latinorum, vol. viii.

Coulanges (Fustel de).

La Cité antique. Strasbourg, 1864.

Histoire des insts. politiques de l'ancienne France. Париж, 1875.

Кюмон (Ф.).

1. Мистерии Митры. 1903.

2. Les Religions orientales dans le paganisme romain. (Conférences), 1906.

3. textes et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra. 2 vols. Brux, 1899, 96.

Чвалина (К.). De fide atque auctoritate epistularum auctorumque quae a S.H.A. proferuntur. Bonn, 1870.

Даендликер (Карл). Последние три книги Иродиана. Buedinger Untersuch. vol. iii. Leipzig, 1870.

Daremberg et Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. Париж, 1873 и сл.

Дессау (Герман).

1. о С.Х.А. Гермес, т. xxvii, 1892.

2. prosopographia, Imper. Rom. vol. ii. Berlin, 1899, etc.

3. традиция С.Х.А. Гермеса, т. xxix, 1894.

4. о времени и личности Н.Н.А. Гермеса, т. xxiv, 1889.

Dieudonné (A.). Revue numismatique. Париж.

Дилл (сэр Сэмюэл).

1 Римское общество от Нерона до Марка Аврелия. Лондон, 1904.

2 Римское общество в последний век Западной империи. Лондон, 1898.

Дион Кассий. История Рима. Teubner Classics. 1863.

Дирксен (Н. Е.).

1. о С.Х.А. Лейпциг, 1842.

2. Об указах римских императоров. Kön. Pr. Ak. Abhdl., 1846.

Домашевский (Альфред фон).

1. история римских императоров. Лейпциг, 1909.

2. трактаты о римской религии. Лейпциг и Берлин, 1909.

3 Die Rangordnung des römischen Heeres. Bonner Jahrbuch, vol. cxvii, 1898.

4 Религия римской армии. Трир, 1895.

Дрейк. Studies in the S.H.A. American Journal of Philology. 1899.

Dreinhoefer (A.). De fontibus et auctoribus vitarum quae feruntur Spartiani, etc. Halle, 1875.

Дюрюи (Виктор).

1. histoire universelle. 1846.

2. histoire des Romains. 1879.

Дювикэ (Жорж). Héliogabale. Париж, 1903.

Echkel (J. H. von). Doctrina num. vet. vol. vii. Вена, 1797.

Эгберт (Дж. К.). Введение в изучение латинских надписей. Нью-Йорк, 1896.

Эллис (профессор Робинсон).

1 Переписка Фронтон и М. Аврелия. Лондон, 1904.

2. Hermathena, vols. xiii. и xiv. Дублин, 1905-6.

Энманн (А.). Утраченная история римских императоров. Philologus, Suppl. vol. ix. 1901.

Евсевий. Экклезиастическая история. Введение У. Брайта. Oxford, 1872.

Юсснер (д-р А.). Отчет о новейшей литературе по римским историкам до конца 1877 г. Годовой отчет Форх. Класс. Альт. т. xxii. 1882.

Eutropius (F.). Breviarium ab urbe condita. (Teubner Classics.) Leipzig, 1887.

Ферреро (Г.).

1 The Greatness and Decline of Rome. Лондон, 1907.

2 Персонажи и события римской истории от Цезаря до Нерона. Лондон, 1909.

Форель (А.).

1 The Sexual Question. Нью-Йорк, 1908.

2 Сексуальная этика. Лондон, 1908.

Forquet de Dorne (C.). Les Césars africains et syriens, et l'anarchie militaire. Angers, 1905.

Foster (H. B.). Dion Cassius. Троя, Нью-Йорк, 1905.

Frazer (J. G.).

1 Adonis, Attis, Osiris. Лондон, 1907.

2 Тотемизм и экзогамия. Лондон, 1910.

Фридлиндер (Людвиг). Представления из моральной истории Рима. Лейпциг, 1888-90 и 1910.

Фрелих (Франц). Мода в Древнем Риме. 1884.

Гемолл (Альбрехт).

1-я критика в S.H.A.I. Лейпциг, 1886.

2. Spicilegium criticum in S.H.A. Wohlau, 1876.

Giambelli (Carlo). Gli Scrittori della Storia Augusta. Рим, 1881.

Ginzel (F. K.). Spezieller Kanon der Sonnen- und Mondfinsternisse für das Ländergebiet der klassischen Altertumswissenschaften. Berlin, 1899.

Гловер (Т. Р.).

1 Конфликт религий в ранней Римской империи. Лондон, 1909.

2 Studies in the Fourth Century. Кембридж, 1901.

Гурмон (Реми де). Введение в "Héliogabale" Дювикэ. Париж, 1903.

Groebe (P.).

1 Pauly-Wissowa, R.E. vol. ii, статья об Александре Севере.

2. обструкция в римском сенате. Beiträge zur alten Geschichte, vol. v. 1905.

Гулич (Л. Х.). The Efficient Life. New York, 1907.

Habel (Paul). De pont. Rom. inde ab Augusto usque ad Aurelium. Vrat., 1888.

Холл (доктор Г. Стэнли). Психология подросткового возраста. Нью-Йорк, 1904.

Haupt (H.). Dio Cassius. Philologus, vol. xlv.

Havelock-Ellis (H.). Сексуальная психология. 1897 и 1899.

Хаверфилд (Ф. Дж.). Перевод книги Моммзена "Провинции Римской империи". Эмпирей от Цезаря до Диоклетиана. 1909.

Хензен (Г.).

1 Acta fratrum Arvalium quae supersunt. 1874.

2. Надписи римских латинян. Хенцен и де Росси, Соц. рег. науки, Берлин, 1876-82.

3. fasti consulares. Soc. Reg. Sci. Berlin, 1863.

Иродиан. Herodiani ab excessu Divi Marci libri octo. (Bekker rec., Teubner Classics.) Leipzig, 1855.

Herzog (Ernst). Geschichte und System der römischen Staatsverfassung. Лейпциг, 1884.

Heer (J. M.). Историческая ценность Vita Commodi. Лейпциг, 1901. и в Philologus Suppl. vol. iv., 1883.

Джером. Письма и избранные произведения. Под ред. Уэйса и Шаффа. Oxford, 1893.

Hirschfeld (H. O.). Die Rangtitel der röm. Kaiserzeit. Proceedings of the Berlin. Acad. 1901.

Хиршфельд (М.). Сафо и Сократ. Лейпциг, 1902.

Хичкок (A. W.). Психология Иисуса. Бостон, 1910.

Hopkins (R. V. N.). Life of Alexander Severus. Кембридж, 1889.

Хюльсен (К.).

1. Раскопки на Римском форуме. Mitt. Deutsch. Inst., Roman Dept. vols. xvi. и xvii. 1891-2.

2. четвертый ежегодный отчет о новых находках и исследованиях по топографии города Рима. 1892-94.

Гидатиус. Migne, Pat. Lat. vol. li. col. 904.

Императорская хроника. Mommsen, Monumenta Germ. Hist., Chronica minora, vol. ix. Berlin, 1892.

Ястроу (М.). Религия Вавилонии и Ассирии. 1898.

Иоанн Антиохийский. Издание Мюллера, Fragmenta Hist. Graec. 1841.

Иордан (Н.). Результаты раскопок на Форуме в Риме. Hermes, vol. vii., 1873.

Jornandes. Chronica Magistri Jordanis. Monumenta Germ. hist.

Julianus. Convivium. (Hertlein, редактор, Teubner Classics.) 1875.

Клебс (Элимар).

1. Житие Авидия Кассия. Рейн. Mus. vol. xliii, 1888.

2. коллекция S.H.A. Rhein. Mus. vols. xlv. и xlvii., 1890-92.

3. Династический элемент в историографии римского императорского периода. Hist. journal, N.F. vol. xxv., 1889.

Кёрте (Альфред). исследования по Малой азии. Mitt. der deutsch. Arch. Inst., Athens Abt, vol. xiv, 1899.

Корнеманн (Эрнст).

1 Император Адриан и последний великий историк Рима. Лейпциг, 1905.

2 De civibus Romanis in provinciis Imperii consistentibus. 1892 (Берлинские исследования).

3 Die neuste Limesforschung im Licht der röm. kai. Пограничная политика. Clio. Beiträge zur alten Geschichte, vol. vii., 1907.

Крафт-Эбинг (Р. фон). Pyschopathia Sexualis. Stuttgart, 1886.

Krause (A.). De fontibus et auctoritate S.H.A. Neustettin, 1874.

Kreutzer. De Herodian. rer. Rom. scriptore. 1881.

Крюгер (Пауль). Codex Justinianus. 1888.

Lampridius (Ae.). Vita Heliogabali (Edit. H. Peter, Teubner Classics). Лейпциг, 1884.

Лансиани (Р. А.).

1 Языческий и христианский Рим. Лондон, 1892.

2 Topographia di Roma antica. Рим, 1880.

Lécrivain (C.). Études sur l'histoire Auguste. 1904.

Leigh (E. and H.). Избранные замечания о римских императорах. Лондон, 1657.

Лессинг (К.).

Studien zu den S.H.A. Berlin, 1889.

Лексикон С.Х.А. Лейпциг, 1901-6.

Марцеллин (Аммиан). Rerum gestarum libri qui supersunt (Edit. V. Gardthausen, Teubner Classics). Leipzig, 1874.

Marolles (M. de). L'Histoire Auguste des six auteurs anciens. 1667.

Марквардт (Г.). Управление государством, 1887.

Мид (Г. Р. С.). Жизнь Аполлония Тианского. Лондон, 1901.

Медиобарбус (Ф.). Imperatorum Romanorum numismata. 1683.

Milne (J.). Hist. of Egypt under Roman Rule. 1898.

Moll (A.). Противоположное сексуальное чувство. Берлин, 1891.

Моммзен (Теодор).

1. S.H.A. Hermes, vol. xxv., 1860.

2. Римское конституционное право. 1876, т. 1-3.

3 Monumenta Germ. hist., Chronica minora, vol. ix. Berlin, 1892.

4 Римские исследования. Берлин, 1864-79.

5 Римская история. Берлин, 1856-57.

Moulines (G. de). Les Écrivains de l'histoire Auguste. Paris, 1806.

Movers (F. C.). The Phoenicians, 2 vols. Bonn, 1841.

Muche (Eugenius). De imperatore M. Aur. Sev. Alex. Вратислав, 1868.

Мюллер (Дж. Дж.). Историк Марий Максим. Buedinger Untersuch. vol. iii., Leipzig, 1870.

Niebuhr (B. G.).

1. rhein. Mus. für Philol. und Gesch. Bonn, 1827 и др. (изд. Niebuhr.).

2-я Римская история. Йена, 1844-45.

Niehues (Bernard).

1. de Aelio Cordo rerum Augustarum scriptore commentatio. Muenster in Westphalia, 1885.

2. de Vulcacii Gallicani vita Avidii Cassii commentatio. Muenster, 1885-86.

Notizie degli scavi. 1885.

Oberdick (J.). Антиримские движения на Востоке. Берлин, 1869.

Оппольцер. Канон затмений. Императорская Академия наук, т. 52, Вена, 1850.

Орозий (Паулюс). Adversum Paganos libri VII. historiarum. Leipzig, 1889 (Teubner Classics.).

Пагий (Ант.). Dissertatio hypatica. Lugduni, 1682.

Pasciucco (Giac.). Elagabalo. Feltre, 1905.

Патер (Уолтер Х.).

1 Marius the Epicurean. Лондон, 1885.

2 Greek Studies. Лондон, 1895.

3 Miscellaneous Studies. Лондон, 1895.

Paucker (C. von). De latinitate Scriptorum Historiae Augustae. Дерпт, 1872.

Паули-Виссова. Настоящая энциклопедия. Штутгарт, 1894.

Петр (Герман).

1 Historia critica. Лейпциг, 1860.

2 Scriptores Historiae Augustae за 1865-82 гг. годовой отчет, Philologus, 1884.

3 Exercitationes criticae in S.H.A. Posen, 1863.

4 S.H.A.: sex literargeschichtliche Untersuchungen. Leipzig, 1892.

5. отчет о литературе по С.Х.А. за десятилетие 1883-92 гг. годовой отчет F.C.A. vol. lxxiii., 1894.

6. отчет о литературе по S.H.A. за 1893-1905 годы. годовой отчет F.C.A. vol. cxxx., 1907.

7 Berliner Wochenschrift für Philologie, vol. xxii., 1902, и vol. xxv., 1905.

8 Historicorum Romanorum Fragmenta. (Teubner.) Leipzig, 1883.

Петроний Арбитр.

Cena Trimalchionis. Lowe. 1905.

Сатирикон. Bohn. 1883.

Филострат. Жизнь Аполлония. (Teubner Classics.) Лейпциг, 1870.

Пиньорий (Лопенц). Epistola L. Pignorii qua Paulum Romae patriae adversus Bertrandum asserit. 1718.

Plew (J.).

1. Критические материалы к Scriptores Historiae Augustae. Strasbourg, 1885.

2 Marius Maximus как прямой и косвенный источник S.H.A. Strasbourg, 1878.

3 De diversitate auctorum Hist. Aug. scrip. Кенигсберг, 1869.

Прейнер (Август). Гестия Веста. Тюбинген, 1864.

Prosopographia Imp. Rom. Дессау и Клебс (редакторы). Берлин, 1897.

Рамсей (сэр Вм. М.). Города и епископства Фригии. Оксфорд, 1895.

Renan (J. E.). Marc-Aurèle et la fin du monde antique. Paris, 1882.

Reville (J.). La Religion à Rome sous les Sévères. Paris, 1886.

Рихтер (фр.). О VI. S.H.A. Rhein. Mus. vol. vii., 1850.

Рихтер (Отто Людвиг). Топография города Рима. 1901.

Roscher (W. H.). Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig, 1884, etc.

Rubensohn (M.). Zur Chronologie des Kaisers Alexander Severus und ihrer literarischen Überlieferung. Hermes, vol. xxv., 1890.

Ruebel (C.). De fontibus quatuor priorum S.H.A. Bonn, 1873 (Diss.).

Руфус (Секст). Opera. Латино-французская библиотека. Paris, 1843.

Saltus (E. E.).

1. Императорский пурпур. Лондон, 1906.

2 Анатомия отрицания. Лондон, 1886.

3 Historia Amoris. Лондон, 1906.

Saumaise (C.). Historiae Augustae Scriptores. Paris, 1620.

Schiller (H.). Geschichte der römische Kaiserzeit. Gotha, 1883-87.

Шульц (Отто).

1. вклад в критику нашей литературной традиции за период от падения Коммода до смерти Каракаллы. Лейпциг, 1903.

2. Жизнь императора Адриана. Лейпциг, 1904.

3. императорский дом Антонина. Лейпциг, 1907.

Serviez (Roergas de). Les Impératrices romaines. Paris, 1728.

Сейфферт (О). Dictionary of Classical Antiquities. Лондон, 1902.

Seeck (О.).

1 О дате происхождения S.H.A. Neue Jahrbücher Phil. und Päd. vol. cxli. 1890.

2 К вопросу о подлинности S.H.A. Rhein. Mus. vol. xlix, 1894.

Смит (У. Робертсон). Религия семитов. 1889-94.

Smits. De Heliogabalo et Alexandro Severo. Амстердам, 1902.

Spon (J.). Recherches curieuses d'antiquité. Lyon, 1683.

Stobbe (J. E. O.). Tribunat der Kaiser. Philol. vol. xxxii., 1873.

Strabo. Geographica. (Ed. A. Meineke, Teubner Classics.) Leipzig, 1852.

Studniczka (F. J.). Mitt. Deutsch. Arch. Inst., Röm. Abt. vol. xvi.

Suetonius Tranquillus. Quae supersunt omnia. (Ed. C. L. Roth, Teubner Classics.) Leipzig, 1908.

Саймондс (Дж. А.).

1. Очерки по Италии и Греции. Лондон, 1874.

2. Исследования о греческих поэтах. Лондон, 1893.

3 A Problem in Greek Ethics. 1901. частное издание.

4 Essays Speculative and Suggestive. Лондон, 1907.

5 In the Key of Blue. Лондон, 1893.

Теффель и Швабе. История римской литературы. Лондон, 1900.

Тристан (Жан), съер де Сент-Амант. Commentaires historiques contenant l'histoire générale des Empereurs et Impératrices de l'Empire romain. Paris, 1644.

Tropea (Giac.). Studi sugli S.H.A. Messina, 1899.

Турпе (Турре). Dissertatio apologetica de annis imperii Marci Aurelii Antonini Elagabali. Patav., 1713.

Валерий Максим. Опера. (Под ред. К. Кемпфа, Teubner Classics.) Лейпциг, 1888.

Valsecchius. Dissertatio historica chronologica de Marci Aurelii Antonini Elagabali tribunitia potestate. Флоренция, 1711.

Wahle (F. J.). De imperatore Alexandra Severo quaestiones hist. 1867.

Вейнингер (Отто). Пол и характер. Лондон, 1906.

Whittaker (Thos.). Apollonius of Tyana and other Essays. London, 1906.

Wirth (Albrecht). Quaestiones Severianae. Лейпциг, 1888.

Вёльфлин (Эдуард).

1. С.Х.А. 1892.

2. Труды филос.-филол. Класса К. Байер. Акад. 1891.

Wotton (W.). Римская история. Лондон, 1701.

Зидлер. Универсальный лексикон. Лейпциг и Галле, 1740.

Зонарас.

1. epitome historiarum. (Teubner Classics.) 1868.

2 Annales. (Под ред. М. Пиндери.) Бонн, 1841-97.

Зосима. Ex recognitione I. Bekkeri. Бонн, 1837.

ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ

[1] *Die S.H.A. Sechs litterar-geschichtliche Untersuchungen*, Leipzig, 1892.

[2] См. Peter, *Hist. Crit.* cap. ii.; Bernhardt, *Proemii de S.H.A.*

[3] *Observationum S.H.A.*, Breslau, 1838.

[4] *Andeutungen zur Texteskritik*, 1842.

[5] Czwalina, *De epistularum auctorumque quae a S.H.A. proferuntur*, Bonn, 1870.

[6] "Über die S.H.A.", *Rhein. Mus.* vol. vii.

[7] Peter, *Hist. crit. S.H.A.*, Leipzig, 1860.

[8] Peter, *Jahresbericht*, 1865-82, "S.H.A."

[9] *Ibid.*

[10] "Der Geschichtschreiber Marius Maximus", *Untersuch.* vol. iii., Leipzig, 1870.

[11] Ruebel, *De fontibus quatuor priorum S.H.A.*, Bonn, 1872; Dreinhoefer, *De auctoribus vitarum quae feruntur Spartiani*, etc., Halle, 1873; Plew, *Marius Maximus, als direkt und indirekt Quelle der S.H.A.*, 1873.

[12] *De Aelio Cordo rerum Augustarum scriptore commentatio*, Muenster, 1885.

[13] Haupt, *Philologus*, xlv. 575.

[14] Dio, lxxx. 1.

[15] *Gli Scrittori della Storia Augusta*, 1881.

- [16] *De Herodiano rer. Rom. scriptore*, 1881.
- [17] Giambelli and Plew, *opp. citt.*
- [18] *Op. cit.* p. 82.
- [19] *Marius Maximus как прямой и косвенный источник S.H.A.*, Strasbourg, 1878.
- [20] Boehme, *Dexippi fragmenta*, 1882, pp. 10-11.
- [21] *S.H.A.*, pp. 49, 102.
- [22] *De epistularum auctorumque quae a S.H.A. proferuntur*, Bonn, 1870.
- [23] "Die 'Vita' des Avidius Cassius", *Rhein. Mus.* vol. xliii., 1888.
- [24] Dessau, "On the Time and Personality of H.H.A.", *Hermes*, xxiv. 337-92, 1899.
- [25] "C.X.A.", *Гермес*, xxv. 228-92.
- [26] "The Period of the Origin of the S.H.A." *Neue Jahrbuch Phil.* vol. cxli.
- [27] "Коллекция S.H.A.", *Rhein. Mus.* vol. xlv.
- [28] Seeck, *op. cit.*
- [29] *Carinus*, xviii. 3.
- [30] T. Pollio, *Trig. Tyr.* v. 3, etc.
- [31] Klebs, "Die Sammlung der S.H.A.", *Rhein. Mus.*, vol. xlv., 1890.
- [32] *Ibid.* vol. xlvii.
- [33] "Die S.H.A.", *Sitzungsber. der philos.-philol. Class Bayer. Akad.*, 1891.
- [34] *Op. cit.* p. 479.
- [35] "On the S.H.A.", *Hermes*, vol. xxvii., 1892.
- [36] "К вопросу о подлинности S.H.A.", *Rhein. Mus.* vol. 49.
- [37] "Studies in S.H.A.", *Amer. Journ. Phil.* vol. xx, Baltimore, 1899.
- [38] *The Historical Value of the Vita Commodi*.
- [39] *Beiträge zur Kritik der Überlieferung der Zeit von Commodus zu Caracalla*, 1903.
- [40] *Жизнь императора Адриана*, Лейпциг.
- [41] *Императорский дом Антонинов*, Лейпциг.
- [42] *Император Адриан и последний великий историк Рима*, 1905.
- [43] Цитируя Diadumenianus, ix. 2.
- [44] *Op. cit.* pp. 145 и далее.
- [45] *Berlin. phil. Wochenschriften*, xxii. p. 489, xxv. p. 1471.
- [46] *Studi sugli S.H.A.*, Messina, 1899.

[47] *Elagabalo*, Feltre, 1905.

[48] *Études sur hist. Aug.*, 1904, Paris.

[49] *Vide cap. vi. Vita Alex. Sev.*

[50] *Life of Gibbon*.

[51] *Les Empereurs syriens*.

[52] *De M.A.A.E. trib. pot.*, Florence, 1711.

[53] Епископ Адрии.

[54] Tristran Sieur de St-Amant, *Commentaires historiques*, Paris, 1635.

[55] C. Saumaise, *S.H.A. vi, Notae et emendationes*, Paris, 1620.

[56] *Vide Suetonius, Lives of the Emperors*.

[57] Как Тиберий, "Principes mortales, rem publicam aeternam esse" (*Ann.* iii. 6).

[58] Изменение имени на его греческую и общепринятую форму произошло на 100 лет позже Элагабала, фактически оно впервые встречается у Лампридия, и, по-видимому, было вызвано необходимостью, которая была предложена Константину, соединить старое поклонение единственному Богу с поклонением Митре, персидскому божеству солнца.

[59] Число лет в *Liber generationis*, однако, спорно, поскольку Рубенсон в своем издании дает три года.

[60] S.H.A. = *Scriptores Historiae Augustae*.

КОНЕЦ

Отпечатано в издательстве "Р. и Р. Кларк, Лимитед", Эдинбург.